

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КНР В ПРОЦЕССЕ ЕЁ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

**X Международная
научно-практическая конференция**

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Забайкальский государственный университет»

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КНР
В ПРОЦЕССЕ ЕЁ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ
И ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

*X Международная
научно-практическая конференция*

16 апреля 2018 г.

г. Чита

Чита
Забайкальский государственный университет
2018

УДК 323 (510)
ББК 66.2 (5 Кит)
ББК Ф 2 (5 Кит)
А 437

Рекомендовано к изданию организационным комитетом научно-практического мероприятия Забайкальского государственного университета

Редакционная коллегия

Т. Н. Кучинская, д-р филос. наук, доцент,
зав. кафедрой востоковедения и регионоведения
Северной Америки ЗабГУ (науч. редактор)

В. С. Морозова, д-р филос. наук, доцент, руководитель Читинского
филиала Института Дальнего Востока РАН
(науч. редактор)

Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. / Забайкал. гос. ун-т ; науч. ред. Т. Н. Кучинская, В. С. Морозова. – Чита : ЗабГУ, 2018. – 241 с. ISBN 978-5-9293-2116-0

В сборнике публикуются доклады участников конференции. Тематика работ отражает исследования новейших тенденций внутреннего и внешнего регионального развития современного Китая. Значительная часть докладов посвящена проблемам многоуровневого взаимодействия РФ и КНР.

Материалы конференции будут интересны учёным-востоковедам, синологам, регионоведам; аспирантам, магистрантам, студентам и преподавателям направлений подготовки «Зарубежное регионоведение», «Международные отношения», «Востоковедение и африканистика» и др., а также всем интересующимся современными процессами, происходящими в китайском обществе и в мире в условиях глобализации и регионализации.

УДК 323 (510)
ББК 66.2 (5 Кит)
ББК Ф 2 (5 Кит)

ISBN 978-5-9293-2116-0

© Забайкальский государственный университет, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вступительное слово</i>	5
<i>Абрамова Н. А., Абрамов В. А.</i> К вопросу о методологии управления развитием социокультурного пространства современного Китая	7
<i>Величко В. В.</i> Некоторые черты и итоги регионального развития КНР за 40 лет реформ (1978–2018 гг.)	16
<i>Гатауллина С. Ю.</i> Роль туризма в реализации трансграничного потенциала сотрудничества России и КНР	30
<i>Гордиенко Д. В.</i> Изменение уровня экономической безопасности Китая в рамках экономической кооперации стран-членов ШОС при реализации стратегии Экономического пояса Шёлкового пути	36
<i>Губин А. В.</i> Проблемы сотрудничества Дальнего Востока России с Китаем	57
<i>Гусевская Н. Ю.</i> Российско-китайское взаимодействие в сфере образования: проблема сохранения паритета	74
<i>Забелина И. А.</i> Оценка качества экономического роста в приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока	82
<i>Казанцева Н. А.</i> Канадо-китайские отношения: история и современность	91
<i>Коледенкова Н. Н.</i> Развитие центральных районов Китая в XXI веке	102
<i>Кучинская Т. Н.</i> Социокультурные основания китайского регионализма (внутренний и внешний аспекты)	112
<i>Левченко В. А.</i> Об организации обучения китайскому языку бакалавров направления «Международные отношения»	126
<i>Левченко О. Ю.</i> Из истории изучения языков в Русской православной миссии в Пекине	131
<i>Лян Чжэньпэн.</i> Китайская периферийная дипломатия и её практика в регионе Центральной Азии	138
<i>Морозова В. С., Дубровская К. С.</i> Трансформация культурно-цивилизационной идентичности российского приграничья: практика, особенности, контексты (на примере Забайкальского края)	149
<i>Ни Цзяоцзяо</i> Осмысление практик культурного брендинга в контексте культурной регионализации КНР	159

Самойленко Т. В. Творчество и деятельность Ли Яньлина в контексте социокультурного взаимодействия межграницных регионов России и Китая	166
Симоненко О. А. Роль контрольных органов Коммунистической партии Китая в урегулировании внутренних социальных конфликтов	172
Соломин Д. Н. К вопросу о китайской модели инноваций (обзор книги Тако К. Р. ван Сомерена и Шухуа ван Сомерен-Ванг «Инновационный Китай: инновационная гонка между Западом и Востоком»)	180
Сунь Янь. Локализация и интернационализация образования и его значение в культурных инновациях Китая	189
Халимова А. В. О преемственности традиционной культуры Китая в условиях рыночной экономики	202
Чжан Цзяньжун. Гонконг, Шанхай и Владивосток: в поисках дополнительных инструментов привлечения инвестиций на Дальний Восток России	209
Чубаров И. Г. Тенденции развития урбанистических систем России и Китая в ходе экономических реформ	221
Юй Тао, Сазонов С. Л. Россия и Китай вместе осваивают «Шёлковый путь на льду»	230

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые участники конференции!

Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации», ежегодно проводимая на базе «Забайкальского государственного университета», уже в десятый раз становится площадкой реализации плодотворного диалога учёных, преподавателей, студентов, всех тех, кто свою научную судьбу связал с китайской цивилизацией. За время своего существования региональная инициатива забайкальских регионоведов-синологов переросла в значимый международный научный проект. Сборники конференции, включённые в национальную библиографическую базу данных научного цитирования (РИНЦ), содержат свыше 500 тезисов докладов и научных статей отечественных и зарубежных авторов.

Тематика материалов конференции традиционно отражает результаты исследований особенностей внутреннего и внешнего регионального социокультурного развития современного Китая и его российского вектора. Спектр проблем, поднимаемых участниками конференции, очень широк и включает как теоретические, так и практические вопросы. В контексте популярных сегодня идей «Пояса и пути», «китайской мечты», «мягкой силы» и т. д. авторы в своих исследованиях стремятся к поиску эффективных механизмов соразвития России и Китая в общем поле межгосударственных и межкультурных взаимоотношений. Развитие регионов Сибири и Дальнего Востока в условиях российско-китайского взаимодействия – одна из актуальных тем конференции.

С каждым годом расширяется и география участников мероприятия, представляющих как синологическую науку столицы (Институт Дальнего Востока РАН, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации), так и учёных и практиков востоковедов, синологов, регионоведов Сибири (Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, Забайкальский государственный университет) и Дальнего Востока (Дальневосточный федеральный университет, Благовещенский государственный педагогический университет, Тихоокеанский государственный университет и др.). Интересны мнения наших зарубежных коллег – представителей образовательных и научных организаций КНР (Хэйлунцзянский институт иностранных языков, Маньчжурский ин-

ститут Университета Внутренней Монголии, Харбинский инженерный университет, Шанхайская Академия общественных наук и др.).

Очевиден научно-исследовательский и творческий потенциал организаторов конференции – коллектива научной «Школы интерпретаций региональных практик современного Китая» (руководитель доктор философских наук, профессор Н. А. Абрамова) и Читинского филиала Института Дальнего Востока, функционирующих на базе кафедры востоковедения (с 1 сентября 2017 г. – кафедры востоковедения и регионоведения Северной Америки) Забайкальского государственного университета. Содержание конференции, её тематика, сборник работ – это пример эффективной реализации инновационного типа интеграции академической и вузовской науки, осуществляемый посредством совместного участия представителей структур РАН и вуза в научно-исследовательских разработках.

Результаты плодотворной совместной работы организаторов и участников конференции отражены в материалах десяти сборников, общим объёмом свыше 2500 страниц, в организации и проведении ряда дискуссионных площадок и пленарных заседаний с участием ведущих специалистов России и Китая. Многие научные проекты, представленные на площадке конференции, уже с успехом реализованы на практике. С уверенностью можно сказать, что конференция способствует воспроизводству и трансляции знаний о Китае, а также плодотворному диалогу отечественных и зарубежных учёных. Отмеченные достижения дают основания утверждать о необходимости дальнейшего развития научных исследований и представления их результатов широкой общественности в рамках конференции.

Организаторы мероприятия выражают благодарность администрации Забайкальского государственного университета за активное содействие и помощь в организации конференции и издании сборника, а также коллективу Института Дальнего Востока РАН за взаимодействие и сотрудничество.

Желаем участникам конференции дальнейшей плодотворной работы, установления новых научных контактов и успехов в реализации творческих идей!

*В. С. Морозова, руководитель
Читинского филиала Института Дальнего Востока РАН*

*Т. Н. Кучинская, зав. кафедрой востоковедения
и регионоведения Северной Америки ЗабГУ*

УДК 008:35(510)

Наталья Андреевна Абрамова,

*д-р филос. наук, профессор,
профессор кафедры востоковедения
и регионоведения Северной Америки,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: abramova3@mail.ru*

Виктор Алексеевич Абрамов,

*канд. филос. наук, профессор,
профессор кафедры востоковедения
и регионоведения Северной Америки,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: abramova3@mail.ru*

К вопросу о методологии управления развитием социокультурного пространства современного Китая

Современная социокультурное развитие КНР характеризуется специфической управленческих практик. Новые формы пространственной организации предваряются оформленными концепциями и соответствующими стратегиями, которые представляют своеобразную когнитивную матрицу. В статье излагается оригинальный взгляд на методологию управления развитием социокультурного пространства современного Китая через систему стратегий, реализуемых в КНР на современном этапе исторического развития.

Ключевые слова: *социокультурное развитие, стратегия, методология, пространство*

Natalia Andreevna Abramova,

*Doctor of Philosophy,
Professor of Oriental and North American
Regional Studies Department,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: abramova3@mail.ru*

Victor Alexeevich Abramov,

*PhD (Philosophy Science),
Professor of Oriental and North American
Regional Studies Department,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: abramova3@mail.ru*

Toward Methodology of Development Management of Contemporary China's Sociocultural Space

Contemporary sociocultural development of China is characterized by specific management practices. Emerging new forms of spatial organization are formed by concepts and corresponding strategies that represent a kind of cognitive matrix. The article presents an overview of the methodology of development management of contemporary China's sociocultural space through the system of the PRC's strategies implemented at the present stage of historical development.

Key words: *sociocultural development, strategy, methodology, space*

Управление – древнейший вид человеческой деятельности, потребность в которой существовала с момента возникновения общественной жизни людей. Это целенаправленная деятельность, с помощью которой человек в соответствии со своими интересами преобразует природо-пространственную среду, упорядочивает в ней развитие социальной жизни.

Анализ научной литературы позволяет отметить достаточно широкий спектр мнений о сущности и содержании понятия «управление». В каждом конкретном случае оно приобретает своё звучание, соответствующее специфике той или иной отрасли знания и цели исследования.

Философско-культурологическая терминологическая традиция заключается в употреблении в качестве родового понятия «управления» категории «деятельность» в сочетании с ценностями

ми культуры. О необходимости возвращения к этой традиции уже давно пишут отечественные исследователи, что имеет прямое отношение к управлению развитием и социокультурного пространства.

Так, философские взгляды известного советского философа и методолога Г. П. Щедровицкого на управление трактуются в рамках теории деятельности [10]. Такое осмысление наиболее близко и для китайских теоретиков, которые традиционно развивают идеи К. Маркса, связанные с практическим результатом какой-либо деятельности.

Авторитетный методолог и социолог А. В. Тихонов отмечает, что «отношения управления пронизывают все уровни общества (социетальный, институциональный, региональный, менеджурально-корпоративный и уровень местного самоуправления) и в этом смысле образуют суперинститут, в деятельность которого вовлечены все активно действующие социальные группы и слои» [7]. Размышляя над методологией исследования управления, А. В. Тихонов настаивает на том, что парадигма его изучения с естественнонаучной должна измениться в сторону социогуманитарного, социокультурного подхода.

Размышляя над философией управления Г. П. Щедровицкого, В. М. Розин акцентирует внимание на том, что теория деятельности предполагает, что деятельность с её центральной идеей развития и воспроизводства – это объект управления, это предметная деятельность. Управление же есть не что иное, как деятельность, организующая предметную деятельность («деятельность, которая развертывается над другой деятельностью») [6].

Сущность управления в системе деятельности Д. В. Реут рассматривает, указывая на роль философских и теоретических исследований проблем управления. Он определяет в управленческой структуре некий слой деятельности, который носит промежуточный характер между управлением и исполнением принятых решений, закрепляя за ним функцию контроля [4]. Кроме того, учёный полагает, что объём понятия управления настолько широк, что здесь вполне уместно применить парадигму «сложного мышления» (Э. Морен) как методологического подхода к проблеме познания. Это предполагает исследование сложной системы

социального управления на основе «трансдисциплинарности (исследований, идущих сквозь дисциплинарные границы), междисциплинарности (кооперации научных областей) и полидисциплинарности (изучения феномена или объекта одновременно и с разных сторон несколькими научными дисциплинами)» [5].

Для нас интересным является вычленение Д. В. Реутом четырёх классов моделей управляемых подсистем, которые соотносены с социокультурными пространствами: хозяйственно-экономической деятельности, социальной деятельности, пространством истории, с планетарным пространством. Для каждой из подсистем характерен свой набор методологического инструментария. Следовательно, для создания технологии исследования проблем социокультурного управления «по-китайски» первоначально необходимо определиться с объектом, конкретизируя его уровень. Очевидно, что исследование будет носить в разной степени междисциплинарный / трансдисциплинарный или полидисциплинарный характер.

В соответствии с предложенной Д. В. Реутом моделью мы первоначально определяем объект – социокультурное пространство – на двух уровнях. Первый объединяет пространства хозяйственно-экономической деятельности, социальной деятельности и пространство истории (назовём этот уровень страновым). Второй – уровень планетарного пространства, или глобальный. Однако сам этот объект – социокультурное пространство современного Китая – в силу сложности и многомерности требует большего уточнения и конкретизации его элементов, исходя из специфики цивилизационного развития и культурных ценностей. На основе теории «социокультурного», разработанной отечественной наукой и использованной для рефлексии организации китайского социокультурного пространства, мы характеризуем данный феномен как многоуровневый, вмещающий кластеры разного порядка и обладающий особыми формами пространственной организации.

Первоначально мы придерживаемся предложенной Н. И. Лапиным схемы, в которой структурными элементами или комплексными и композитными факторами региона как социокультурного сообщества являются следующие [3]: первый композитный фак-

тор – человек: качество его жизни, индекс развития человеческого потенциала, опасности и риски населения, идентификация и ценности, социальное самочувствие. Второй фактор – культура: историко-культурное наследие, которое рассматривается через призму его своеобразия и этнических характеристик, и собственно культура как вместилище субкультур. Следующий композитный фактор – социально-экономические условия: технические уклады, экономическое состояние, инвестиции, ВВП. Здесь же рассматривается динамика мобильности и стратификация населения. Ещё один фактор составляет власть: органы власти, определяющие стратегии развития региона.

Соответственно, социокультурное пространство Китая в современных условиях можно когнитивно представить в виде матрицы или единой системы с подсистемами/пространствами, соотносёнными с композитными факторами: пространство личности/социума; культурно-историческое пространство, экономическое пространство. Эти подсистемы и являются объектами управленческой деятельности со стороны власти, которая, в свою очередь, образует пространство власти, в котором вырабатываются концепции и стратегии социокультурного развития страны.

Имманентными характеристиками китайского социокультурного пространства является его гибкость и подвижность, что проявляется в своеобразных формах пространственной организации, которая также является подсистемой, оформленной порядком категорий: внутренний регион, приграничный регион, трансграничный регион, надгосударственный регион.

Данная когнитивная конструкция наполняется реальными социокультурными практиками. В контексте философии управления организация предметной деятельности является функцией управления как деятельности над деятельностью. В предложенной конструкции – это пространство власти, в котором инициируются разработки новых и модернизация прежних концепций национального развития, и управление этим процессом.

В современных китайских источниках термин «управление» встречается в основном в контексте модернизации государственного управления. Во многих работах оно увязывается с развитием общественных организаций [1]. Так, профессор Ван Чжэньхай,

размышляя над факторами трансформации управленческих практик, обусловленной введением рыночных реформ, акцентирует внимание на необходимости гармоничного (сбалансированного) социального развития как результата эффективного управленческого воздействия. Для достижения этой цели необходимо формирование сознания граждан, соответствующего задачам развития страны. Это призваны сделать общественные организации. Развитие человека, его сознания, по утверждению автора, становится первостепенно задачей и условием качественного управления в современную эпоху. Основой стабильности и гармонии в обществе называется взаимодействие разнообразных социальных субъектов управления. К субъектам управления в данном случае относятся институты власти и общественные организации, которые определяются Ван Чжэньхаем как полюс роста для постепенной модернизации в области социального управления. Одна из ключевых мыслей автора заключается в выделении показателя модернизации государственного управления. Им является передача отдельных функций управления от государства обществу («переход к социализации государственного управления»).

Стратегия управления государством и его социокультурным пространством в современных условиях разъясняется в монографии под редакцией Вэй Лицюня «“Четыре всесторонних аспекта”: новый формат, новые границы», которая вышла после заседания ВСНП (март 2015 г.), обсуждавшего направления развития страны [2]. К ним относятся: построение общества среднего достатка (сяокан), углубление реформ, обеспечение верховенства закона в управлении страной, укрепление партийной дисциплины. В работе над книгой принимали участие многие специалисты – Ван Юйкай, Сюй Яотун, Чжан Чжаньбинь, Ху Цзяньмяо, Ван Маньчуань и др.

По работам китайских теоретиков заметно, что сам термин «управление» наполняется реальным прагматическим смыслом. Это предметная деятельность по формулированию идей развития на уровне высшей партийной и государственной власти, которые затем воплощаются в конкретных концепциях и стратегиях, сформулированных национальной интеллектуальной элитой и доведённых до общественного сознания с использованием различных форм.

В китайской управленческой традиции значительное внимание уделяется и понятию менеджмента, которое разрабатывал Чэн Чжуньин. Дальневосточной цивилизации, по его мнению, свойственна традиция «гуманистического менеджмента», включающая в себя пять следующих характеристик:

- конкретность, в которой объект менеджмента – конкретная целостная личность;
- субъективизм, способствующий выявлению и институционализации основ нерациональных функций человека;
- органицизм, принимающий за точку отсчёта живой орган в сложной цельности его сосуществования;
- холизм (недуальность), ориентирующий на цельность биологического организма и возможности гармонизации человеческих функций вместо противопоставления человеческого разума – природе;
- релятивизм, ориентирующий на взаимодействие людей, уважения их воли и мнения.

В традиционных китайских представлениях о социальном управлении Чэн Чжуньин выявляет систему, состоящую из четырёх уровней менеджмента. Низший соотносится с понятием «рука» (т. е. «менеджмент», «манипуляция» (лат.); «руководство» – русский эквивалент), что в субъективном плане соответствует различным способам коммуникации, детерминированным культурой и её ценностями.

Второй уровень – уровень «интеллекта», представленный в техническом творчестве и обязательных правилах деятельности организации. Третий – уровень «сердца», которое охватывает разум и чувство, соответствуя непосредственно переживаемому знанию. В субъективном плане это соответствует общим принципам деятельности организации, общества. Высший уровень выражается в «Пути» («Дао»), воплощаемая в мудрости как единстве практического и теоретического знания, практики и сознания. В объективном плане «Путь» являет собой высшую системность мышления и деятельности, в которой снимается противостояние субъекта и объекта, действия и мысли [9].

Китайский управленческий опыт показывает, что лучший инструмент стратегий менеджмента – это проекты (политические,

социальные, инвестиционные, инновационные). Одно из распространённых сегодня в Китае представлений «проекта» связывает его с созданием новых или внесением коренных изменений в существующие социокультурные системы. В практике реализации этих проектов формируется управление проектами, или проектный менеджмент. Если задача не решается одним проектом, то возникает цельная программа проектов, ведущих к намеченной цели. Несколько разноцелевых проектов формируются в единый портфель. Например, выполнение проектов, программ и портфелей является основным способом реализации стратегий китайских компаний, отраслей развития национальной экономики. Такой же алгоритм осуществляется и в управлении пространственной организацией. Сама же управленческая стратегия представляет собой реализацию китайского предназначения, заложенного в «Дао».

«Дао» подразумевает гибкость и изменчивость, отрицание какого бы то ни было фундаментализма и обязательной приверженности к естественному ходу вещей. Традицию соответствовать предлагаемым условиям и действовать в постоянно меняющихся обстоятельствах, трансформируя тактику и стратегию деятельности, известный современный китайский философ и политолог Чжао Тинян называет «методологическим бытием». «Этот способ создания альтернатив может сделать “методологический Китай” таким гибким, что он никогда не связан ни с одной из существующих концепций, доктрин, верований или идеологий» [8].

Социокультурная практика показывает успешность методологии гибкости, которая проявляется в наличии таких стратегий, которые могут быть изменены, «чтобы быть хорошими» (Чжао Тинян). Пользуясь термином учёного, «методологический Китай» оперирует концепциями и стратегиями, управленчески корректируя последние, исходя из контекста постоянно меняющейся ситуации. Такой подход позволяет эффективно структурировать и развивать национальное социокультурное пространство, распространяя влияние Китая и в глобальном масштабе.

Соотнося содержание стратегий, которые разрабатываются властными структурами КНР и составляют единое пространство власти, мы отмечаем, что все стратегии способствуют прогрессив-

ному движению страны, и каждая из них направлена на доминантное развитие определённого сегмента социокультурного пространства Китая.

Так, экономическое пространство оформлено стратегиями «общества среднего достатка», «тройного представительства», «гармоничного общества», «пятью концепциями развития», конкретизирующими идеологию «китайской мечты». На развитие культурно-исторического пространства направлены стратегии «могущественного культурного государства». Пространство личности обеспечено реализацией стратегии «построения державы человеческих ресурсов». Природо-пространственное развитие определено национальными стратегиями: «Возрождение Северо-Восточного региона», в рамках стратегии – создание экономического района, включающего северо-восточные провинции и восточную часть автономного района Внутренняя Монголия; «Согласованное развитие городов Пекина, Тяньцзиня и провинции Хэбэй»; «Экономический пояс реки Янцзы»; «Экономический район в пространстве северной части залива» (территория приморских городов Гуанси-чжуанского автономного района); «Морской шёлковый путь 21 века»; «Экономический пояс Шёлкового пути».

Думается, такая палитра успешно реализуемых стратегий, которая вполне укладывается в инновационную систему, подтверждает идею «методологического Китая». «Методологический Китай» сегодня – это гибкий алгоритм рациональных стратегических управленческих решений, направленных на социокультурное развитие страны, которые принимаются на основе тщательного анализа текущей ситуации и тактически корректируются в зависимости от степени их успешности.

Список литературы

1. Ван Чжэньхай. Шэжуэй цзучжи фачжань юй гоцзя чжили сяньдайхуа = Развитие общественных организаций и модернизация государственного управления. Бэцзин: Жэньминь чубаньшэ, 2015. (Кит.яз.).
2. Вэй Лицзюнь. «Сыгэ цюаньмянь» синь буцзюй, синь цзиньцзе = «Четыре всесторонних аспекта»: новый формат, новые границы / под ред Вэй Лицзюня. Бэцзин: Жэньминь чубаньшэ, 2015. (Кит. яз.).

3. Лапин Н. И. Подход к социокультурной типологии регионов // Социокультурные портреты регионов России: Опыт комплексной реализации: сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. 18–22 сентября, 2008 г., Чебоксары. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. С. 8.
4. Реут Д. В. Контроллинг в институциональной среде // Контроллинг. 2009. № 2. С. 12–19.
5. Реут Д. В. О месте, структуре и содержании управления в системе деятельности // Философия управления: проблемы и стратегии / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. В. М. Розин. М.: ИФРАН, 2010. С. 121.
6. Розин В. М. Философия управления: основные направления, предмет, сущность управления // Философия управления: проблемы и стратегии / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. В. М. Розин. М.: ИФРАН, 2010. С. 3–47.
7. Тихонов А. В. Социология управления. М.: КАНОН+, 2007. С. 70.
8. Чжао Тинян. Современный взгляд на китайскую мечту // Международные процессы. 2015. Т. 13, № 2. Апрель–июнь. С. 28.
9. Чэн Чжуньин. С лилунь – Ицзин цзинли чжэсюэ = Теория С – философия менеджмента по «Ицзину». Тайбэй: Дунда, 1995. С. 15–18.
10. Щедровицкий Г. П. Организация, руководство, управление [Электронный ресурс] / форматирование электрон. версии: Марат Садыков / sadykov.org / 8 фев. 2009 г. Режим доступа: <http://www.lib100.com/book/other/organization> (дата обращения: 06.01.18).

УДК 338.130.2(510)

Валентин Викторович Величко,

д-р философии, гостевой профессор,

Северо-Восточный педагогический университет,

г. Чанчунь, КНР,

e-mail: valentyn52@gmail.com

Некоторые черты и итоги регионального развития КНР за 40 лет реформ (1978–2018 гг.)

В статье освещены некоторые вопросы и результаты региональных экономических реформ, в том числе их структура, ход, основные направления и итоги, а также принципиальные сдвиги в региональной политике и региональном развитии.

Ключевые слова: *политика «реформ и открытости», рыночные основы, экономический рост, региональная политика, региональное развитие*

Valentin Viktorovich Velichko,

PhD (economics),

Guest professor of North-East Normal University,

Changchun, China,

e-mail: valentyn52@gmail.com

Some Features and Results of Regional Development of China During 40 Years of Reforms and Openness Policy (1978–2018)

Some issues of regional economic reforms in China during the last four decades are presented, including structure, performance, major reforming directions and outcomes. Major shifts in regional policy and regional development are outlined.

Key words: *policy of «reforms and openness», market conditions, economic growth, regional policy, regional development*

С началом политики «реформ и открытости», т. е. внедрением с конца 1970-х гг. рыночных механизмов на макро- и микроуровнях, структурные реформы проходили на многих направлениях, в том числе региональном. Данное направление структурной реформы происходило на фоне перехода от общенародной (государственной) и коллективной (по сути, так же государственной), к многоукладной системе собственности. В ходе хозяйственной реформы Китай создал конвергентную, по своей сути, «смешанную экономику», которую и называют «социализмом с китайской спецификой», ибо не в классический, ни в «нэповский» социализм эта экономика не вписывается, но в ней присутствует в качестве необходимой составляющей идея «социального контроля» над производством [4].

Рядом с государственным и коллективно-акционерным укладом постепенно выростали разнообразные формы индивидуального и частного укладов, а также отдельный уклад, который основывался на иностранном капитале.

Важным фактором, влияющим на региональные реформы, было изменение пропорций развития секторов экономики и становлении её индустриальной структуры. На протяжении первых десятилетий реформы это отразилось на динамике ВВП в разрезе удельного веса секторов. Если в 1978 г. сырьевой сектор ВВП составлял 28,4 %, производственный сектор 48,6 %, а сектор услуг

23 %, то уже через полтора десятилетия реформ доля сырьевого сектора снизилась до 16,2 %, а производственного, наоборот, увеличилась до 59,6 % [8].

К концу 1980-х гг. политика реформ и открытости превратилась в основной фактор динамического роста экономики Китая, в последующем происходило завершение её перехода на траекторию движения к качественно новой стадии роста, а именно к индустриальной. В ходе реформы переход экономики от аграрно-индустриальной к индустриальной стадии значительно ускорился. Не в последнюю очередь это происходило благодаря сначала аграрному и строительному секторам, объёмы потребления ими промышленной, в том числе машинотехнической, продукции, а также химических, строительно-отделочных и потребительских товаров значительно возросли. В связи с повсеместным характером размещения производительных сил этих секторов гетерогенность региональной экономики значительно усилилась, а её рыночный характер окреп. В начале 21-го века аграрный сектор и строительство фактически утратили статус наибольшего потребителя, уступив место сферам капиталоемких и «мягких» услуг, высоких технологий, транспорта и связи в их современных высокотехнологических формах. Это даёт основания утверждать не просто о завершении перехода Китая к индустриально-аграрной стадии, а о достижении нового качества индустриальной модели. На фоне высокой динамики такого перехода региональная структура также получила динамическое развитие: на региональную экономику тенденции «всеобщей индустриализации» – добыньсин гу-нехуа – не могли не оказать определённого влияния.

С одной стороны, регионы получили номинальные возможности выхода на внутренний и внешний рынок, основания для свободного перемещения товаров, капиталов и, частично, рабочей силы. На основе сравнительных преимуществ в обладании передовыми технологиями и квалифицированной рабочей силой быстро создавались условия для углубления территориального разделения труда, что давало регионам возможность повышать эффективность производства и качество продукции.

С другой – находясь в рамках административно-территориальных единиц (от провинции и ниже), регионы и города иногда

вступали в фазу конкуренции один за другим, а также борьбы за доступ к факторам роста, прежде всего инвестициям и другим финансовым и материальным ресурсам. Отход от принципов самообеспечения на региональном уровне и на уровне больших предприятий сопровождался трудностями реструктуризации регионального хозяйства и трансформации региональной политики.

Особенно болезненным было обострение регионального протекционизма в конце 1980 – начале 1990-х гг. В отношениях между городами – индустриальными центрами наблюдался негласный запрет на ввоз (или затруднение ввоза имеющимися средствами) продукции, произведённой в городах-конкурентах. Например, в городах Центра и Запада создавались препятствия для ввоза продукции из «открытых городов» Приморья, если она представляла конкуренцию продукции местных производителей. При этом факты протекционизма были характерны не только для внутренних, но и для развитых приморских провинций, где существовали собственные «открытые районы» местного значения, конкурентами которых были, например, специальные экономические зоны.

В отдельных провинциях время от времени негласно запрещали поставки дешёвого сырья в более развитые провинции. Кроме запрета вводились дополнительные налоги и штрафы на «импортную» (из других провинций) продукцию.

По некоторым подсчётам в конце 1980-х гг. в трансграничные торговые споры было втянуто 39 из 66 приморских и внутренних городов и районов. Центральные власти Китая, естественно, были вынуждены бороться с факторами споров. Как результат, в течение 1990-х гг. площадь и количество «открытых районов» в глубине территории КНР заметно увеличилось, что оказало содействие смягчению межрайонных диспропорций и ускорению там экономических преобразований. Одновременно стимулировался межтерриториальный обмен, был введён (отличный от нормативного) ряд льгот для приморских провинций [3].

Переход регионов к рыночным условиям сопровождался и другими, не менее важными тенденциями их развития. Особенно очевидными эти тенденции наблюдались на рубеже 1990-х гг.

Так, с учётом того, что первыми объективно должны были «обогатиться» наиболее успешные регионы и города, инвестиции

начали направляться преимущественно в восточные, промышленно наиболее развитые районы. Очевидно, что в условиях построения рыночной экономики такая политика была ориентирована на обеспечение региональной экономической эффективности и достижение (увеличение) прибыльности больших предприятий.

Поэтому действующие на протяжении 1980-х гг. политические установки относительно уменьшения расхождений в развитии приморских и внутренних регионов были фактически свёрнуты. Одновременно политика «третьей линии» в её реформаторской интерпретации на фоне успехов, достигнутых в конверсии ВПК, большей частью отошла на задний план.

Реализация задач первой установки была отложена на будущее и уступила необходимости преобладающего развития приморских районов. Лишь со временем планировалось использование их экономических преимуществ и геоэкономического положения путём диффузии накопленного капитала и технологий из приморских во внутренние, менее развитые макрорегионы.

Вторая установка была связана с трансформацией политики «третьей линии» в политику «всестороннего развития» Западного Китая, тем не менее на новых, преимущественно рыночных основах [6].

Приморские районы получили мощные экономические стимулы ускоренного развития: приоритетное финансирование, льготное налогообложение, специальные условия для развития банковского и страхового секторов, фондового и валютного рынка, а также условия для вкладывания иностранного капитала и т. п. Привлечение иностранного капитала (в основном в виде прямых иностранных инвестиций – ПИИ) в восточные районы обеспечило их динамичный рост. Среднегодовой взнос ПИИ в экономический рост представлял в среднем 14,5 % (в отдельные годы – от 38 до 55 %) [5].

Значительный вклад в ускоренное экономическое развитие приморских районов в 1990-е гг. внесли специальные экономические зоны СЭЗ (Шеньчжень, Чжухай, Сямень и Шаньтоу, со временем Хайнань и Пудун), которые выполнили роль полигонов, где испытывались новые формы хозяйствования и механизмы привлечения иностранного капитала. Ныне они (кроме Пудуна, кото-

рый получил статус зоны свободной торговли) потеряли своё «пионерное» значение.

Такая политика привела к возникновению и закреплению тенденции, по сути, противоположной дореформенному периоду: опережение внутренних районов в экономическом развитии сменилось их отставанием, прежде всего от приморских. Индексы развития внутренних районов значительно уступали соответствующим показателям приморских и были, как правило, ниже среднекитайских.

Эта тенденция может быть проиллюстрирована такими макроэкономическим показателем, как вклад приморских и внутренних районов в ВВП. Если в начале реформ он составлял (в процентах к ВВП) 52,6 (приморские) и 47,4 (внутренние), то в 1995 г. соответственно 58,6 и 41,4 [9].

Ещё больше выросла региональная разница в ВВП на душу населения. Указанный показатель в 1992 г. во внутренних районах составлял лишь 45,4 % соответствующего показателя приморских районов, который считается феноменом глубокого расхождения в развитии регионов, к тому времени глубочайший за весь период существования КНР [12].

Уступали внутренние районы и темпами развития. Расчёты китайских учёных, выполненные по функции Кобба-Дугласа, выявили, что пропорция темпов индустриального развития приморских и внутренних районов в 1990-х гг. представляла как 1,9 : 1 [13]. То есть индустриальные комплексы, реальная экономика внутренних районов развивалась почти вдвое медленнее приморских.

Задача углубления реформ в контролируемом государством секторе экономики, координации политики Центра и регионов в монопольных отраслях (транспорт, связь, недра и пр.), а также в сфере страхового, фондового рынков существенно активизировалась. Более актуальными стали реформы в индивидуальном, частном и других негосударственных секторах. Именно они составляли резерв в смягчении территориальных диспропорций. Как показала практика 2000-х «нулевых» годов, эти реформы привели в совокупности не только к развитию экономик регионов, появлению новых «точек роста», к стимулированию мобильности капи-

тала и рабочей силы, усилению связей региональных рынков к общенациональному рынку, особенно в отсталых районах.

На Западе и Северо-Востоке страны трансформация государственной собственности в условиях слабости кредитно-финансового рынка, рынков капиталов или ценных бумаг сталкивалась с большими трудностями, которые лишь приоритетным государственным финансированием преодолеть было невозможно. Лишь в совокупности с негосударственными секторами экономики повышение «рыночности» государственного сектора и стало решающим фактором и региональных реформ.

Ныне вышеупомянутые тенденции практически утратили свою актуальность. Многочисленные исследования 2000-х «нулевых» годов (особенно проведённые в Народном университете Китая) дали китайским экономистам основание полагать, что относительно продолжительный исторический период расхождения в развитии приморских и внутренних районов начинает изменяться в сторону их сближения. Они могут и в дальнейшем продолжать сближаться, и масштабы этого сближения увеличатся [11].

Следует добавить, что сдвиг в указанном соотношении обусловливается не только движением Китая к рыночной экономике, а и объективными процессами глобального значения, которые являются более сложными, чем дихотомия план-рынок, центр-регион. Глобальные экономические кризисы привели к необходимости «возвышения» уровня и форм управления переходными процессами в региональной экономике, в том числе с учётом новых возможностей регионов «выхода наружу» в формате зоны свободной торговли АСЕАН, ШОС, БРИКС, а в настоящее время – и инициативы «Один пояс, один путь». С учётом внешнего фактора в ходе формирования рыночных отношений большинству районов удалось избежать критического спада ВВП и, в частности, промышленного производства. Такое наблюдалось не только в условиях депрессии начала 1980-х гг., «перегрева» экономики конца 1980-х гг., в середине 1993 г., в конце 1990-х и в 2008–2009 гг. В 2013–2018 гг. в большинстве регионов наблюдается некоторое снижение темпов роста ВВП, но и растёт его качество (за счёт повышения наукоёмкости продукции, снижения удельной энергоёмкости и материалоёмко-

сти и т. д.). В условиях исчерпания резервов дешёвой рабочей и невозможности развития за счёт природных факторов в экономике возобладала тенденция «новой модальности», обеспечивающая достижение цели «нового качества» роста, решение экологических проблем.

Кроме того, жизненный уровень населения в большинстве регионов повысился и повышался в стабильном, программируемом порядке. Инфляция, которая обострялась в отдельные периоды 1990-х гг., не вызвала (в отличие от 1989–1993 гг.) серьёзного социального напряжения в обществе, а новые уклады (частный и индивидуальный) возростали одновременно со сравнительно эффективным воспроизведением государственного и расширением акционерно-коллективного секторов.

Не менее важную роль сыграла бюджетная политика – изменения в структуре государственных финансов, соотношении центрального и местных бюджетов.

Современная структура системы государственных финансов КНР, сравнительно с дореформенной моделью 1950-х гг., претерпела существенную трансформацию, суть которой, в частности, состоит в уменьшении удельного веса госбюджета в финансовой системе страны.

Структура финансов, которая сложилась начиная с середины 1990-х гг., включала такие главные компоненты:

- государственный бюджет, который включает бюджеты провинций, автономных районов и городов центрального подчинения;
- систему внебюджетных доходов и расходов, субъектами которых есть центральная и региональные власти;
- систему финансов государственных (унитарных, казённых или акционерных) предприятий.

Следует заметить, что провинциальные бюджеты Китая представляют часть государственного бюджета, и в ходе проведения реформы их удельный вес существенно вырос. Так, в 1980 г. она составляла 46 % расходов госбюджета (в 1957 г. – меньше 30 %), в 1985 г. – свыше 50 %, в 1990 – 2/3, в 1995 – 71 % [7]. Тем не менее бюджеты уездов большей частью или целиком не включались в государственный бюджет.

Существенным образом обогатилась и бюджетная структура, в которой выделены текущие затраты, капиталовложение и кредиты. Кроме того, в ходе реформы к доходам госбюджета стали принадлежать займы и кредиты, а к затратам – расходы на обслуживание внутреннего и внешнего долга.

К системе государственных затрат также были отнесены:

- почти целиком все трансферты (пенсии, помощь, другие социальные выплаты), которые достигали 4,5–5 % ВВП;
- другие затраты социального характера, включая затраты на здравоохранение, которые составляли 3–4 % ВВП;
- субсидии убыточным предприятиям, которые не включаются в расходные статьи бюджета, а включаются в его доходную статью со знаком «минус» (в 1995 г. – 0,6 % ВВП).

Несмотря на рост региональной части госбюджета, внебюджетной части расходов и затрат госкорпораций, реально китайское государство перераспределяло через бюджет довольно значительную часть ВВП. Учитывая вышеупомянутое, можно предположить, что сугубо бюджетные доходы и расходы центрального и местных правительств меньше, чем реальная финансовая сила правительств разных уровней. Обращает на себя внимание то, что субвенции регионам (приблизительно 3 % ВВП) и убыточным предприятиям (0,6 % ВВП) не принадлежат полностью или частично к расходам центрального бюджета.

Указанное обстоятельство обусловило то, что распределение расходов среди провинций осуществлялось на индивидуальной основе, то есть в режиме «ручного» управления. Благодаря этому в течение 1900 – начале 2000-х гг. западные и центральные провинции систематически недополучали бюджетные ассигнования, что оказало в целом отрицательное влияние на сбалансированность развития регионов. Принятые меры, направленные на упорядочение финансово-бюджетных отношений между Центром и регионами, свели указанную тенденцию до минимума, а на поверхности (в медиа) встречались только отдельные факты.

После 2002 г. доля восточных районов в бюджете начала сокращаться. Согласно официальной статистике, в 2002–2006 гг. доля восточных районов в бюджетных расходах сократилась до

49,7 %, в то время как западных, центральных и северо-восточных увеличилась до 50,3 % [10].

Создание функциональных районов, зон свободной торговли, макрорегионов дельты р. Янцзы и р. Чжуцзян, экономического пояса вокруг Бохайского залива и экономического коридора вдоль нового Шёлкового пути во втором десятилетии 21-го века также содействовали дальнейшему упорядочению отношений Центра с регионами. В частности, этим было значительно облегчено финансовое бремя преференций, которые действовали в 1980 – начале 2000-х гг. В своё время они были предоставлены государством для привлечения иностранных инвестиций в специальные экономические зоны (СЭЗ), открытые приморские и пограничные города, зоны экономического и технологического развития (ЗЭТР). Вместо преференций в прошлом государство поддерживает создание и функционирование указанных выше новых форм территориальной организации производства «точечными» инвестициями, инфраструктурной поддержкой, улучшением бизнес-климата и инвестиционной привлекательности территорий.

Вслед за преобразованием ряда отраслевых министерств в большие государственные (или контролируемые государством) корпорации угольной промышленности, электроэнергетики, металлургии, химической, машиностроительной и электронной промышленности в 1990-х гг. были сделаны изменения в структуре регионального производства на микроуровне. В ходе реализации задач «экономики центральной части» в регионы были перенесены или штаб-квартиры государственных корпораций, или их производственные мощности.

В конце 1990-х гг. в регионах были созданы или укрупнены «свои» региональные корпорации. Причём не только в области местной промышленности, но и в государственных монополиях, в нефтяном, химическом и металлургическом бизнесе. Создание региональных корпораций в провинциях и городах и филиалов предприятий центрального подчинения не только не лишило центральное правительство возможности влиять на финансовые потоки (в частности, путём макроэкономического контроля за их деятельностью), но и вывело их из поля государственного бюджета.

та. Ведь независимо от подчинённости предприятия изначально должны быть самостоятельными субъектами предпринимательской деятельности.

Контролируемые государством корпорации стали иметь не только производственные базы и оперативные зоны в регионах, но и региональных конкурентов, которые находятся в ведении или под влиянием региональных или местных властей. Такое положение создало выигрышную ситуацию и для Центра, и для регионов. Ведь корпоративные финансы снимают потребность в перераспределении их финансовых ресурсов через бюджет (но не исключают фискальный контроль). Это направлено на обеспечение эффективного функционирования экономики регионов, которые уже получили альтернативные бюджетным субвенциям источники пополнения региональных и местных бюджетов.

Тем не менее, таким образом, возможности государства как субъекта региональной политики по выполнению таких задач, как распределение функций между разными уровнями регионального управления, предоставление льгот и дотаций или регулирование бюджетных субвенций, соответственно суживаются. Очевидно, что через управляемые государством отраслевые корпорации возможно концентрировать усилия лишь на важных для регионов, но более важных для отраслей проектах (строительство или реконструкция шахт, дорог, электросетей, химических и других объектов).

Указанные ресурсы уже сделали возможным реализацию госпредприятиями в регионах ряда масштабных проектов, которые откладывались много лет, таких как строительство гидроэнергетического комплекса «Три ущелья», сооружение системы перебрасывания воды из бассейна р. Янцзы к бассейну р. Хуанхэ, гидротехнических сооружений, в том числе дамб вдоль реки Янцзы длиной свыше 3500 км и вдоль реки Хуанхэ длиной около 1000 км.

Даже ускоренное строительство или реконструкция коммунальной инфраструктуры, которое оказывало содействие становлению современного имиджа китайских городов, прежде всего в контексте проведения Олимпиады-2008 (Пекин, Шанхай, Циндао, Далянь и др.), велось больше компаниями, чем местными организациями.

Таким образом, значительные объёмы капиталовложений из разных источников (в основные производственные фонды, гидротехническое, транспортное строительство, городскую инфраструктуру и пр.) существенно повлияли на размещение производительных сил регионов.

Это дало возможность нарастить производительные силы в большинстве регионов страны, а «бедным», отсталым в своём развитии районам подняться на новую, более высокую ступень, успешнее противостоять рискам со стороны внутреннего рынка и даже международной конкуренции.

Для современного этапа реформы региональной экономики Китая характерны такие особенности.

Во-первых, сначала в приморских районах, а позже в Центре, на Западе и Северо-Востоке значительно возросла степень «рыночности» регионального хозяйства, заметно окрепла базисная роль рынка в размещении производства и ресурсов. Ускорилось развитие рынка таких компонентов, как капитал, имущественные права, земля, технологии и рабочая сила, а также их мобильность. Неустанно углублялась реформа в разных видах сервиса, а также в энергетике и на транспорте. Постоянно расширялись современные формы логистики и маркетинга. Положительные результаты получены в процессе оздоровления и нормализации экономического порядка, что дало возможность до 2017 г. поддерживать относительно высокие темпы роста. Причем в 21 из 31 провинции индекс роста регионального валового продукта превышал общекитайский [1].

Во-вторых, производственный, сервисный, потребительский, культурный, туристический и другие секторальные рынки в регионах страны испытали существенные, хотя и неодинаковые по скорости, глубине и эффективности, изменения, поскольку рыночная среда и сфера потребления постепенно улучшались практически повсюду.

В-третьих, выявлены регионы, где углубление реформы банковской системы, совершенствование механизмов инвестирования и накопления капитала привело к необходимости его вложения в других, менее развитых регионах. Только после того, как в приморских районах были созданы и усовершенствованы совре-

менная банковская, налоговая, валютная системы, рынок ценных бумаг и страхования и обнаружился избыток капитала, началась его миграция, а также перелив рабочей силы во внутренние.

В-четвёртых, за четыре десятилетия реформ во внутренних районах указанные сервисы, а также возможности экономического коридора вдоль нового Шёлкового пути (в пределах Китая) позволяют создавать для пришедшего из приморских районов во внутренние капиталы в целом нормальные условия бизнес-деятельности. Стандарты рыночной системы «с китайской спецификой» охватили практически все регионы, однако, чтобы создать мощную экономическую и торговую державу, как указал 19-й съезд КПК (октябрь 2017 г.), потребуется немало времени (до 2050 г.). Достижение этой цели будет органично сочетаться с крупными региональными проектами, такими как «один пояс, один путь» [2].

В-пятых, начавшись с больших городов, реформа региональной политики и практики, которая велась на протяжении 40 лет, охватила практически все регионы и районы. С другой стороны, реформа не преуменьшила, а видоизменила роль государства, которое всё более эффективно оказывает опосредствованное влияние на жизнедеятельность регионов. Фактически новая региональная политика содействует сохранению или даже усилению роли государства в региональном экономическом строительстве.

В целом, в региональной структуре экономики Китая за четыре десятилетия реформ достигнуто динамическое продвижение к стандартам рыночной системы «с китайской спецификой» в её региональном измерении. Этот феномен из-за масштаба и продолжительности изменений представляет незаурядный интерес для отечественной, да и для всей мировой регионалистики.

Список литературы

1. 2017 нянь 31 шен GDP: си бу цзенсу чисоу линпао цюаньго = Ускорение Западного района продолжает опережать общенациональный (показатель) [Электронный ресурс] // Чжунго цзинци ван (сайт газеты «Чжунго цзинци» (Экономика Китая). Режим доступа: http://www.district.ce.cn/zg/201801/31/t20180131_27988345.shtml (дата обращения: 01.02.2018).

2. Кондрашова Л. И., Корнейчук Н. В. КНР: реформа и региональная экономическая политика. М.: ИМЭПИ РАН, 1998. С. 48.
3. Во го минцное цзяньли цзинмао цянго”шикебяо”цзян шеньхуа цзинмао «идай, илу» цзинмао хецзо = «Временной график» построения нашей страной мощной экономической и торговой державы будет углублять торгово-экономическое сотрудничество в рамках «один пояс, один путь» [Электронный ресурс] // Чжунго цзинци ван (сайт газеты «Чжунго цзинци» (Экономика Китая). Режим доступа: http://www.district.ce.cn/newarea/roll/201712/26/t20171226_27434636.shtml (дата обращения: 26.12.2017).
4. Пивоварова Э. П. Социализм с китайской спецификой / отв. ред. акад. РАН М. Л. Титаренко. М.: Форум, 2011. С. 3.
5. У Юйвень. 20 шицзи чжунго цюйюй цзинци фачжань = Развитие экономики регионов Китая в 20-м столетии. Пекин: Чжунго цингунэ чубаньше, 2000. С. 50.
6. Чень Дунлинь. «Сань сянь» цзяньше: бейчжань шициде Сибу кайфа = Строительство «третьей линии» как освоение Западного Китая в период подготовки к войне. Пекин: Чжунян дансяо чубаньше, 2003. С. 3.
7. Чжунго тунци няньцзянь. 1995 (Китайский статистический ежегодник. 1995). Пекин: Чжунго тунци няньцзянь, 1996. С. 235.
8. Чжунго тунци няньцзянь. 1993 (Китайский статистический ежегодник. 1993) Пекин: Чжунго тунци чубаньше, 1994. С. 48, 155, 236.
9. Чжунго тунци няньцзянь. 1996 (Китайский статистический ежегодник. 1996). Пекин: Чжунго тунци чубаньше, 1996. С. 52, 158, 239.
10. Чжунго тунцицзюй. 2007. Баогао чжи: Да кайфа, да фачжань, да куаюе (Статистическое бюро Китая. Доклад 2007 г. № 1 «Масштабное освоение, широкое развитие, мощный скачок») [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.stats.gov.cn/tjfx/ztfx/sqd/t20070918_402433210.htm (дата обращения: 12.11.2017).
11. Чжунго чжуаньсин цзинци (Переходная экономика Китая). Хайкоу: Чжунго Хайнань гайге фачжань яньцзюсо, 2003. С. 366.
12. New changes in the development of regional economies. Kunming: Yunnan people’s publishing house, 1995. P. 94–102.
13. The Chinese economy into 21-st Century: forecast and policies. Chief editor Li Jingwen. Beijing: Foreign languages press, 2000. P. 231.

УДК 338.486

Светлана Юрьевна Гатауллина,
доцент кафедры сервиса и туризма,
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия,
e-mail: 06surga@mail.ru

Роль туризма в реализации трансграничного потенциала сотрудничества России и КНР

Туризм является одним из перспективных направлений расширения международного взаимодействия России и Китая. Наибольшим потенциалом развития такого взаимодействия обладают приграничные регионы. Взаимодействие Приморского края и Китайской Народной Республики носит долговременный позитивный характер и основывается на стабильном взаимном интересе, добрососедских отношениях.

Ключевые слова: импорт, международное сотрудничество, Приморский край, регион, туризм, туристская миграция, экспорт

Svetlana Yur'evna. Gataullina,
Associate professor of the service and tourism Department
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia,
e-mail: 06surga@mail.ru

The role of Tourism in the Implementation of Cross-Border Capacity Cooperation Between Russia and China

Tourism is one of the perspective directions of expansion of international cooperation between Russia and China. The border's regions have the greatest potential for the development of such cooperation. The interaction of Primorsky Krai and the People's Republic of China is a long-term positive and stable based on mutual interest, good-neighbourly relations.

Key words: import, international cooperation, Primorsky Krai, the region, tourism, tourist migration, export

Развитие сотрудничества с Китаем является одним из приоритетов внешней политики России. В условиях трансформации механизмов и полюсов влияния в современной геополитике, укрепление взаимодействия в экономике, дипломатии, социально-культурной сфере таких ведущих мировых держав, как Россия и Китай, является одним из важнейших факторов обеспечения ста-

бильности в международных делах [6]. Динамика развития Российско-китайского экономического сотрудничества приведена в табл. 1.

Таблица 1

Объём внешнеторгового оборота РФ и КНР млн. долл. США

	2015 г.	2016 г.	Темп 2016 г. / 2015 г., %	1 н/2 2016 г.	1 н/2 2017 г.	Темп 1 н/2 2016 г./ 1 н/2 2017 г.
Товарооборот, всего	63553,1	66123,3	4,0	28342,3	38380,1	35,4
в т. ч. :						
– экспорт	28602,3	28018,4	-2,0	13035,6	18186,1	39,5
– импорт	34950,8	38104,8	9,0	15306,7	20193,9	31,9

Одним из динамично развивающихся направлений взаимодействия обеих стран является туризм. Объём международного турпотока Российской Федерации за сравнимые периоды 2014–2017 гг. приведён в табл. 2 [7].

Таблица 2

Объём международного турпотока Российской Федерации

Показатель	9 мес. 2014 г.	9 мес. 2015 г.	9 мес. 2016 г.	9 мес. 2017 г.
Въездной международный турпоток РФ, всего, чел.	19 141 000	20 671 634	19 525 000	18 972 000
в т. ч. из КНР, чел.	709 000	929 835	1 072 585	1 243 000
Динамика въездного международного турпотока РФ, %	100	108,0	94,5	97,2
Динамика въездного международного турпотока в РФ из КНР, %	100	131,1	115,4	115,9
Доля туристов КНР в объёме международного въездного турпотока РФ, %	3,7	4,5	5,5	6,6

Окончание табл. 2

<i>Показатель</i>	<i>9 мес. 2014 г.</i>	<i>9 мес. 2015 г.</i>	<i>9 мес. 2016 г.</i>	<i>9 мес. 2017 г.</i>
Выездной международный турпоток РФ, всего, чел.	34 485 000	27 458 574	24 314 000	30 972 000
в т. ч. в КНР, чел.	1 351 000	904 688	1 183 019	1 478 000
Динамика выездного международного турпотока РФ, %	100	79,6	88,5	127,4
Динамика выездного международного турпотока из РФ в КНР, %	100	67,0	130,8	124,9
Доля туристов КНР в объёме международного выездного турпотока РФ, %	3,9	3,3	4,9	4,8

Выбор анализируемого периода обусловлен сравнимостью внешнеэкономических и политических условий функционирования (введение санкций ЕС в отношении России) и наличием официальных статистических данных развития сферы туризма в РФ. Анализ приведённых в табл. 2 показателей позволяет сделать вывод, что во въездном международном туризме России отмечается тенденция снижения объёма турпотока, однако на китайском направлении сохраняется стабильная динамика роста темпов объёма турпотока и доли туристов КНР, посещающих Россию.

Анализ тенденций выездного международного турпотока РФ свидетельствует о значительной нестабильности развития выездного международного туризма (падение показателя в 2015–2016 гг. и рост в 2017 г.). Вместе с тем на китайском направлении после снижения объёма турпотока на 20,4 % в 2015 г. отмечается динамичный рост этого показателя в последующие периоды. Это позволяет сделать вывод о стабильном интересе к развитию сотрудничества в сфере туризма у обеих стран. Анализ публикаций отечественных и зарубежных авторов позволяет сделать вывод о признании туризма в качестве катализатора развития внешнеэкономического сотрудничества:

– туристская деятельность обладает высоким мультипликативным эффектом;

- туризм совместим практически со всеми видами деятельности;
- в XXI в. туризм отличается наиболее высокой динамикой развития;
- доля туристско-гостиничной деятельности составляет около 10 % мирового валового производства услуг.

Высоким потенциалом реализации конкурентных преимуществ в развитии туризма обладают приграничные регионы. В РФ действует «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 годы)», в которой значительное внимание уделено развитию туризма. Органы управления в Северо-Восточных провинциях КНР принимают меры по развитию каналов коммуникаций в сфере туризма с приграничными субъектами РФ. Так, в целях популяризации среди российских граждан природных особенностей и культурного наследия приграничных провинций КНР в г. Владивостоке начал функционировать «Культурный центр туризма провинции Цзилинь»; ежегодно в г. Суйфэньхэ проводится международная выставка-ярмарка приграничной торговли под девизом «Укрепление сотрудничества и развитие торговли», в рамках деловой программы которой организуется китайско-российский форум по развитию приграничного туризма; делегации приграничных провинций КНР являются постоянными участниками международной туристской выставки *PITE* во Владивостоке, а делегации субъектов ДФО принимают ежегодное участие в Харбинской международной торгово-экономической ярмарке.

Приграничный туризм является значимым фактором социально-экономического развития приграничных регионов, способствуя росту притока инвестиций, развитию предпринимательской активности и трудовой занятости населения, укреплению добрососедских отношений [1]. По уровню развития безвизового туризма с Китайской Народной Республикой Приморский край занимает 2-е место в России:

- если во въездном туризме в целом по России китайские туристы занимают 6,6 %, то в объёме въездного туризма Приморского края они составляют более 78 %;

– каждый пятый турист из Китая, приезжающий в Россию по безвизовому туризму, посещает Приморский край;

– если в целом в России доля туров в Китай составляет 4,8 % в объёме выездного туризма, то в Приморском крае это более 56 % международных выездных туров;

– каждый 4-й тур, или 25 % туров, в Китай россияне совершают через турфирмы Приморского края.

Динамичное развитие сотрудничества в туризме между Приморским краем и провинциями КНР способствует решению такой стратегической задачи, как расширение «евразийского коридора» России в АТР [2], сбалансированного и устойчивого функционирования геосистем приграничных регионов.

Рынок туристских услуг динамично развивается и видоизменяется: работа по выявлению, удовлетворению и формированию туристского спроса должна основываться на оперативных и достоверных данных туристского маркетинга. Однако система организации статистических исследований в сфере туризма в РФ крайне неэффективна, а региональный туристский маркетинг недостаточно развит [4], что значительно снижает туристскую привлекательность территорий и возможность разработки конкурентоспособных туристских продуктов. К недостаточно исследованным, по мнению автора, сферам туризма относится экскурсионная деятельность. Экскурсионный потенциал приграничных регионов РФ достаточно обширен и дифференцирован, социально-демографический состав экскурсантов значительно шире, чем состав туристских групп, развитие экскурсионного продукта может способствовать увеличению наполняемости туристских программ и продолжительности пребывания туристов в регионах. Однако несовершенство организации маркетинговых исследований значительно ограничивает реализацию экскурсионного потенциала в развитии приграничного туризма [5].

С 1996 г. туристская деятельность в Российской Федерации законодательно определена в качестве одного из приоритетных направлений экономики, разработаны и реализуются национальная и региональные программы развития туризма, накоплен значительный опыт по историографии туризма, однако вследствие несовершенства научно-методического и организационно-управ-

ленческого обеспечения этой сферы предпринимательства значительная часть туристско-рекреационного потенциала не вовлечена (или не достаточно эффективно вовлекается) в туристскую деятельность [3], что обуславливает необходимость дальнейших исследований этой сферы предпринимательства для реализации трансграничного потенциала сотрудничества России и Китая.

Список литературы

1. Гагауллина С. Ю. Въездной туризм как фактор социально-экономического развития Приморского края // В сб.: Демографическое развитие российского Дальнего Востока. Сер. Демография. Социология. Экономика. М.: Институт социально-политических исследований РАН, 2016. С. 160–168.
2. Гагауллина С. Ю. Роль туризма в формировании «евразийского коридора» России в АТР [Электронный ресурс] // В кн.: Современные тенденции, перспективы развития экономики и управления в странах АТР: материалы III Евразийской науч.-практ. конф. с междунар. участием / Приморский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. М., 2016. С. 154–159. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27610638> (дата обращения 12.01.2018).
3. Гагауллина С. Ю., Липкан И. В., Коссов А. Ю. Туристская деятельность в России: проблемы и перспективы развития теории и практики // Экономика и предпринимательство. 2016. № 10–3. С. 346–349.
4. Гагауллина С. Ю., Моханнад М. А. Маркетинг туристской привлекательности региона: теория и практика организации // Практический маркетинг. 2017. № 1. С. 35–44.
5. Гагауллина С. Ю., Фролова С. Н., Кушнарева И. Ю. Роль экскурсионной деятельности в развитии туристского потенциала региона (на примере Приморского края) // Экономика и предпринимательство. 2016. № 2, ч. 1. С. 375–379.
6. Ли Ш. Российско-китайские отношения на современном этапе [Электронный ресурс] // Молодой учёный. 2016. № 15. С. 355–357. Режим доступа: <https://www.moluch.ru/archive/119/32888> (дата обращения: 20.02.2018).
7. Сайт Федерального агентства по туризму РФ [Электронный ресурс] / Статистика [офиц. сайт]. Режим доступа: <https://www.russiatourism.ru/content/statistika> (дата обращения: 20.02.2018).

УДК 336.717

Дмитрий Владимирович Гордиенко,

д-р военных наук, профессор,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации,

г. Москва, Россия,

e-mail: gordienko@ranepa.ru

**Изменение уровня экономической безопасности Китая
в рамках экономической кооперации стран-членов ШОС
при реализации стратегии Экономического пояса
Шёлкового пути**

Обеспечение защищённости национальной экономики государства может осуществляться в форме экономической кооперации. В работе рассмотрены прогнозы и перспективы изменения защищённости национального хозяйства Китая при реализации Стратегии строительства Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП). Делается вывод, что ЭПШП является отражением процесса регионализации в Евразии и может обеспечить устойчивое развитие национальной экономики КНР и других стран-членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Ключевые слова: экономика, Китай, ШОС, стратегия Экономического пояса Шёлкового пути, экономическая кооперация, экономическая безопасность

Dmitry Vladimirovich Gordienko,

Doctor of Military Sciences, Professor,

Professor of the Russian Academy of National Economy and Public Service

under the President of the Russian Federation,

Moscow, Russia,

gordienko@ranepa.ru

**Change of Chinese Economic Safety in the Framework
of the Economic Cooperation of the SCO Countries with
Implementation of the Strategy for the Economic Silk Road**

Ensuring the protection of the national economy of the state can be carried out in the form of economic cooperation. In this paper, forecasts and prospects for changing the security of China's national economy in the implementation of the Strategy for the Construction of the Economic Belt of the Silk Road (EBSR) are considered. It is concluded that the EBSR is a reflection of the process of regionalization in Eurasia and can ensure sustainable development of the national

economy of the PRC and other member countries of the Shanghai Cooperation Organization (SCO).

Key words: *economy, China, SCO, the strategy of the Economic Belt of the Silk Road, economic cooperation, economic security*

Экономическая кооперация как форма обеспечения экономической безопасности государства в условиях глобализации определяет, прежде всего, реализацию различных мер экономического сотрудничества (экономической интеграции) государства с другими странами при наличии различных внешних и внутренних угроз.

Показателями взаимовлияния национальных хозяйств стран-членов ШОС и других стран мира могут стать: внешнеторговый товарооборот; объём иностранных инвестиций; структура золотовалютных резервов; взаимное использование сырьевых, трудовых, энергетических, продовольственных, валютных ресурсов и пр. [1–6].

Значения объёмов внешнеторгового товарооборота и др. показателей экономической кооперации могут стать основой для определения α_k – весов экономической интеграции стран-членов ШОС с другими странами мира при реализации Стратегии Экономического пояса Шёлкового пути и взаимозависимости их экономик в условиях глобализации.

По итогам 2013 г. Китай впервые обогнал США по объёму внешней торговли, заняв по этому показателю позицию мирового лидера.

По данным, опубликованным Главным таможенным управлением (ГТУ) КНР, в 2013 г. общий объём внешнеторгового оборота Китая составил 4 160,3 млрд долл. (+7,6 %), в том числе экспорт – 2210,00 млрд долл. (+7,9 %), импорт – 1950,3 млрд долл. (+7,3 %). Объём положительного сальдо торгового баланса составил 259,75 млрд долл. (+12,8 %). Доля Китая в мировой торговле составила 12,0 % (+0,7 п. п. к 2012 г.), при этом в мировом экспорте на Китай пришлось 13,7 % (+1,5 п. п.), в мировом импорте 12,1 % (+1,7 п. п.).

Наиболее крупными внешнеторговыми партнёрами КНР в 2013 г. стали страны Азии, на которые приходилось 2224,88 млрд

долл. (+8,8 %). Далее следовали: государства Европы – 729,97 млрд долл. (+6,9 %); Северной Америки – 575,70 млрд долл. (+7,4 %); Латинской Америки – 261,57 млрд долл. (+0,1 %); Африки – 210,24 млрд долл. (+5,9 %) и Океании – 153,18 млрд долл. (+12,2 %). Региональная структура совокупного товарооборота КНР характеризовалась повышением доли стран Азии (+0,59 %) и Океании (+0,15 %), а также снижением доли стран Северной Америки (–0,04 %); Европы (–0,11 %); Латинской Америки (–0,47 %) и Африки (–0,08 %).

По данным ГТУ КНР, в 2013 г. зависимость Китая от внешней торговли товарами снизилась на 1,0 п. п. по сравнению с 2012 г. и составила 46 %, в том числе, от экспорта – 23,6 % (–1,3 п. п.), импорта – 21,0 % (–1,1 п. п.). Зависимость от внешней торговли, которая отражает зависимость экономики от международных рынков, определяется как доля общего объёма внешней торговли в ВВП страны. Зависимость Китая от внешней торговли устойчиво снижается с рекордно высокого уровня в 67 %, зафиксированного в 2006 г. Между тем данный показатель все ещё значительно выше 30 % уровня, на котором находится внешнеторговая зависимость таких стран, как США, Япония и Бразилия. Это значит, что в экономике КНР имеется значительное пространство для снижения зависимости от внешней торговли за счёт стимулирования внутреннего потребления.

В 2016 г. объём торговли Китая с 53 странами, что расположено по маршрутам «Экономического пояса Шёлкового пути», превысил 916 млрд долл. (25 % общего внешнеторгового оборота КНР). Одновременно в этом же году объём инвестиций в проекты по развитию семи основных отраслей экономики (транспорт, энергетика, коммунальной хозяйство, строительство, телекоммуникации, социальная сфера, экология) и в сделки в форме M&As (слияние/интеграция и поглощение) составил более 493 млрд долл. При этом значительная доля этих объёмов принадлежит странам – членам ШОС [7–15].

Экономическая кооперация между Россией и Китаем. Экономические отношения между КНР и РФ на современном этапе являются сложными и неоднозначными, до конца нерешёнными проблемами российско-китайских отношений. Их развитие за

последние годы было теснейшим образом связано с качественными сдвигами как в развитии этих двух стран, так и с изменениями международной ситуации и вызовами времени. Преодолев многие проблемы, долгие годы мешающие налаживанию нормальных связей двух стран, лидеры РФ и КНР в конечном счёте пришли к выводу о необходимости развивать отношения равноправного доверительного партнёрства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI в. Эта фундаментальная парадигма о стратегическом взаимодействии и соразвитии была зафиксирована в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем, подписанном в июле 2001 г. на 20 лет. В основе партнёрства РФ и КНР на современном этапе лежат их глобально-стратегические интересы. В настоящее время бурно развивающийся Китай (2-е место в мире по объёмам ВВП и 1-е – по золотовалютным резервам) позиционирует себя как сила, набирающая глобальную значимость. Он ищет равноправного сотрудничества с мировым сообществом в поддержании глобальной и региональной стабильности. В этом плане стратегическое партнёрство с Россией в рамках ШОС помогает Китаю обеспечивать своё развитие в региональном и глобальном масштабах и противодействовать вызовам Запада позиционированию Китая в мире. В частности, в настоящее время в рамках ШОС ведётся практическая работа по реализации основных положений Плана мероприятий по выполнению Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств – членов ШОС. Создан сайт торгово-экономического сотрудничества в рамках ШОС, сформированы Деловой Совет и Межбанковское объединение ШОС. Годовой бюджет ШОС составляет 3,5 млн долл., из которых 2,16 млн долл. используются на содержание Секретариата. Остальные средства формируют бюджет регионального антитеррористического центра ШОС и других постоянных органов ШОС. Россия и Китай несут по 24 % годовых расходов, Казахстан 21 %, Узбекистан 15 %, Кыргызстан 10 % и Таджикистан 6 %.

В свою очередь Россия после распада СССР свою экономическую и финансовую слабость пытается компенсировать за счёт активного выхода на мировые и региональные рынки энергоресурсов и за счёт поддержания своего имиджа как второй в мире

ракетно-ядерной державы. Она позиционирует себя как глобальная держава, заявляющая о своем праве иметь собственное слово в вопросах построения новой мировой архитектуры и собственную зону интересов. В этом плане одним из самых слабых звеньев российской геополитики была Северо-Восточная Азия, ставшая одной из важнейших составляющих мирового сообщества, в котором Россия, к сожалению, пока занимает маргинальные позиции (крайне низкий уровень экономического, а наряду с этим и политического присутствия). В то же время изменения, вызванные крушением биполярного мира и возросшей значимостью отношений на региональном уровне, обусловили необходимость для России найти новое место в Северо-Восточной Азии, представляющее сферу жизненно важных интересов для России. Национальным интересам России, как подчёркивалось в Концепции национальной безопасности РФ от 17 декабря 1997 г., отвечает развитие диалога и всестороннего сотрудничества со странами АТР. В настоящее время восточное направление внешней политики и внешнеэкономической деятельности приобрело для России важное самостоятельное значение. Прорыв в северо-восточном направлении связан для России прежде всего с перспективами её долгосрочного сотрудничества с КНР. Выход России на стратегическое партнёрство с Китаем – одно из немногих серьёзных внешнеполитических успехов РФ за последние годы. Этому направлению нашей внешней политики не должно и не может быть альтернативы, хотя вполне естественна адаптация к меняющимся внешнеполитическим и внешнеэкономическим условиям. Российско-китайские торгово-экономические отношения выдержали проверку кризисом. Объём двухсторонней торговли достиг в 2011 г. 83,2 млрд долл. Взаимный товарооборот в 2012 г. составил рекордный уровень в 88,2 млрд долл. К 2015 г. планировалось увеличение взаимного товарооборота до 100 млрд долл. и к 2020 г. – 200 млрд долл. В 2017 г. взаимный товарооборот между Китаем и Россией составил 84 млрд долл. (Более подробно см.: <http://www.rg.ru/2012/09/03/ates-site.html> \$ <https://www.gia.ru/economy/20180112/1512472678.html>).

Совпадение, сходство и резонансность коренных национальных интересов наших двух стран может стать одним из главных

факторов экономического развития России, особенно её восточных регионов, и укрепления её международных позиций. В такой же мере это относится и к КНР. В поисках своего нового места в Северо-Восточной Азии (СВА) Россия стремится усилить экономическое присутствие в регионе. Это связано, в частности, с огромным ресурсным потенциалом его российской части, который (потенциал) может стать генератором экономического продвижения России в этот регион. Китай является оптимальным партнёром для российского Дальнего Востока по многим показателям: наличие взаимодополняемости экономик – энергоресурсы, тяжёлая промышленность, наукоёмкие отрасли и добывающая промышленность – у России; легкая промышленность, наличие избыточной рабочей силы, значительный объём валютных резервов – у КНР. Положительным примером является реализация Программы развития бассейна реки Туманная (Расширенная Туманганская инициатива – РТИ). По итогам последнего 9-го заседания Консультативной комиссии Программы ПРООН по развитию района р. Туманная была принята «Владивостокская Декларация РТИ». В ней стороны подтвердили свою готовность к экономической кооперации с использованием уникального межправительственного механизма, который представляет собой РТИ в регионе СВА. В соответствии с положениями Чанчуньского соглашения был принят бюджет и план работы Туманганского секретариата на 2008 г.; одобрен проект создания Консультативного бизнес-совета, Советов по энергетике и туризму, по защите окружающей среды. Участники заседания РТИ согласились с необходимостью подписания нового Соглашения о взаимопонимании в рамках Расширенной Туманганской инициативы, с учётом нового порядка финансирования дирекции путём взносов стран участников.

Прорывом в этом направлении стало заключение энергетического союза между Россией и Китаем в марте 2006 г. Речь идёт о строительстве грандиозных веток газо- и нефтепроводов из Восточной и Западной Сибири в Китай. Китай получает возможность решать свои энергетические проблемы. Россия, в свою очередь, выстраивая своего рода энергетический мост через Китай в Азиатско-Тихоокеанский регион, получает реальный шанс равномерно распределять свои транзитные и потребительские риски и

продвинуть развитие своих сибирских и дальневосточных регионов. (Пока же до 85 % нашей экспортной нефти идёт в Европу.) В 2006 г. Россия поставила Китаю почти 16 млн т сырой нефти. Когда заработает нефтепровод от Сковордино до Дацина, объём поставок сырой нефти из России в Китай может удвоиться и возрасти до 30 млн т в год. Кроме того, китайцы выражают желание вкладывать деньги в разработку нефтяных месторождений в Россию, сотрудничать и в деле переработки у себя нефти, и в области распределения нефтепродуктов. Не исключено, что именно с этим направлением будет связан возможный рост китайских инвестиций в экономику РФ. Правда, Ковыктинское месторождение, которое могло бы стать основой для формирования канала экспорта природного газа в Китай, пока заморожено в связи с разногласиями по цене поставок.

При этом, разумеется, нельзя закрывать глаза на то, что за последние 15 лет соотношение экономических потенциалов наших двух стран существенно изменилось в пользу Китая. Если исключить из сравнительного анализа производство углеводородного топлива, где наше преимущество огромно (скажем, нефти мы добываем в 2,5 раза больше, чем КНР; газа – в 11 раз больше); если также не касаться нашего преимущества в производстве вооружения, в области атомной энергетики, ракетной и авиационной техники, – сравнение многих других областей экономики окажется не в нашу пользу. Например, в Китае угля добывают в 7 раз больше, чем в России, электроэнергию производят в 3 раза больше, стали выплавляют в 6 раз больше, а станков производят в 100 раз больше, чем в РФ! Разрыв в экономической мощи и смена ролей в российско-китайском обмене продукцией новых и высоких технологий является определённым вызовом России.

Естественным российским ответом на этот серьёзный вызов может и должно стать только наше развитие – и экономическое, и научно-техническое. Основой стратегии экономического партнёрства РФ и Китая может стать стремление наших народов к лучшей жизни, возможность взаимодействия, совместной деятельности россиян и китайцев в достижении этой непростой задачи.

Основными хозяйственными проектами российско-китайского сотрудничества выступают:

– строительство высокоскоростной железнодорожной магистрали (ВСМ) Пекин – Москва протяжённостью 7000 км. Проект анонсирован в январе 2015 года. Часть высокоскоростного железнодорожного пути протяжённостью 2300 км от Пекина по территории Китая уже построена. Маршрут трассы будет включать проектируемую при участии Китая первую в России ВСМ Москва – Казань, проходя в средней части через российские Урал и Сибирь, а также Казахстан и Монголию. Время в пути составит примерно 30 часов вместо 5 суток в настоящее время. Линия впервые будет рассчитана на обращение как пассажирских, так и грузовых контейнерных поездов. Примерная стоимость всей железнодорожной линии через Казань, Екатеринбург, Челябинск, Астану, Иркутск, Улан-Батор оценивается в 242 млрд долл. По оценке первого вице-президента ОАО «РЖД» А. Мишарина проект может быть реализован в течение 8–10 лет. В рамках данного проекта ВСМ в 2016 г. начато также проектирование ВСМ Екатеринбург – Челябинск;

– военно-техническое и научно-техническое сотрудничество. Военно-техническое сотрудничество между Россией и Китаем является важной частью современных российско-китайских отношений, поскольку Китай является крупнейшим покупателем российского оружия. В настоящее время более 30 институтов РАН осуществляют научное сотрудничество с различными научными организациями Китая в рамках межинститутских прямых договоров. (Более подробно см., напр., П. Б. Каменов Российско-китайское научно-техническое сотрудничество // Проблемы дальнего Востока. 2017, № 5. – С. 80–91);

– реализация совместных энергетических проектов и др. В частности, в конце июня 2017 г. в Ярославле состоялась церемония сдачи в эксплуатацию Хуалянь-Тенинской ТЭЦ, завершившая совместный проект, реализованный за счёт китайско-российских инвестиций объёмом 570 млн долл. Продолжается строительство Тяньваньской атомной электростанции. Тяньваньская АЭС расположена в селе Тяньвань (*кит.* 田灣) в провинции Цзянсу (КНР). Это самый крупный объект экономического сотрудничества с Россией. Генплан АЭС предусматривает строительство 8 энергоблоков.

Основными видами поставляемых в Китай энергоносителей являются: нефть (до 52,5 млн т в год – 13,7 % нефтяного импорта Китая), сжиженный природный газ, уголь, электроэнергия, ядерное топливо. В 2014 г. был подписан крупный контракт на поставку в Китай российского природного газа по трубопроводу. Газпром принципиально договорился с Китаем, с какой даты начнутся поставки «голубого топлива» по газопроводу «Сила Сибири» (более подробно см.: <https://www.rg.ru/2017/06/30/gazprom-dogovorilsia-s-kitaem-o-date-nachala-postavok-po-sile-sibiri.html>).

Экономическая кооперация Китая со странами Средней Азии и Казахстаном. Страны Средней Азии и Казахстан в 2000-х гг. поменяли лидера в своих торговых и инвестиционных отношениях: если до 2000-х это была Россия, то после – исключительно Китай.

Построенные за счёт китайских инвестиций транспортные торговые коммуникации привели в 2000-х гг. к росту внешней торговли с Китаем Казахстана суммарно в 29 раз, Киргизии – в 49 раз, Таджикистана – в 62 раза, Туркмении – в 47 раз и Узбекистана – в 10 раз в сравнении с девяностыми годами.

Доля накопленных прямых китайских инвестиций у Туркменистана составляет 59 % от ВВП, у Казахстана – 53 %, у Киргизии – 42 %, у Таджикистана – 18 % и у Узбекистана – 15 %. При этом наибольшая зависимость от инвестиций Китая наблюдается у Туркменистана и Таджикистана.

В Туркменистане внешнеторговый оборот с Китаем увеличился с 4,5 млн долл. в 1992 г. до 8644 млн долл. в 2016 г. (в 1921 раз), с тенденцией экспорта в основном энергоносителей (88 %) в обмен на импорт продукции машиностроения и товаров конечного потребления. Это обусловлено вводом в эксплуатацию газового месторождения Багтыярлык, которое разрабатывается Китайской национальной нефтегазовой компанией (передано на 30 лет), и месторождения Галкыныш, которое на 80 % освоено за счёт инвестиций из Китая (стоимость проекта составила 10 млрд долл., из них 8 млрд долл. – китайские инвестиции).

В 2014 г. китайские инвестиции в экономику Таджикистана достигли 888,7 млн долл. (в 2007 г. – 216 млн долл.). Китайские кредиты были вложены в строительство ЛЭП («Юг-Север»,

Лалазор – Хатлон, Худжанд – Айни, единой электрической системы севера Таджикистана; реконструкция подстанции «Регар»; строительство ТЭЦ-2 в Душанбе); реконструкцию и строительство автодорог (Дашанбе – Кульма до границы с КНР; Душанбе – Чанак до Узбекистана); строительство железной дороги Душанбе – Курган-тюбе на участке Вахтад – Яван; строительство завода по производству криолита и фтористого алюминия; модернизацию ТАЛКО, строительство газопровода из Туркменистана в Китай. В обмен на строительство ТЭЦ-2 китайские компании получили право на разработку угольных месторождений по формуле «инвестиции в обмен на право освоения полезных ископаемых». Также Таджикско-китайской горнопромышленной компанией была освоена разработка крупных месторождений свинца и цинка «Алтын-Топкан» (г. Кайраккум, Согдийская область); а китайская компания “*Zijin Mining Group*” получила лицензию на добычу золота в г. Пенджикент, на базе Таджикского золоторудного комбината (ТЗРК), который был её полностью выкуплен в 2007 г. В 2015 г. долг Таджикистана перед Китаем вырос до 89 % от общей суммы долга перед странами-кредиторами – 1068,6 млн долл. перед Эксимбанком (КНР) и 12 млн долл. – непосредственно правительству Китая. В совокупности доля китайских кредитов в общем сумме внешнего долга Таджикистана составляет 41 %.

В Киргизии за счёт займов из Китая, который стал крупнейшим её кредитором за последние три года, строится альтернативная дорога «Север-Юг», построена дорога Бишкек – Балыкчи, ЛЭП Датка – Кемин и проводится модернизация ТЭЦ Бишкека.

Основным государством – партнёром по экспорту для Узбекистана является Китай, доля которого составляет 32,9 % [16–18].

Экономическая кооперация между Китаем и Белоруссией. В Белоруссии совместно с Китаем строится индустриальный парк «Великий камень», куда белорусская власть надеется привлечь новые инвестиции и технологии.

Соглашение о создании индустриального парка было подписано в 2012 г. Индустриальный парк «Великий камень» стал символом белорусско-китайского сотрудничества, воплощая его риски и возможности. Строительство, ведущееся преимущественно

за счёт китайской стороны, китайскими рабочими с использованием китайских материалов, продолжается. Парком управляет совместное предприятие, 60 % акций которого принадлежат китайской стороне. К строительству привлечены также белорусские рабочие, численность которых может составлять до половины всех занятых в строительстве. Минск согласился на такие условия в ожидании значительной отдачи от проекта в будущем. Например, есть замыслы связать индустриальный парк с портами на Балтике, обеспечив экспорт части его продукции в ЕС.

Китайской стороной также заявлено и об открытии кредитной линии для Беларуси в объёме 15 млрд долл.

Экономическая кооперация между Китаем и Пакистаном. Важнейшими направлениями здесь являются: создание китайско-пакистанского экономического коридора, реализация гидроэнергетических проектов, а также дальнейшее развитие военного сотрудничества. В частности, 20 апреля 2015 г. Фонд Шёлкового пути, корпорация «Три ущелья» (*China Three Gorges Corporation*) и Совет частной энергетики подписали «Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве по совместному освоению гидроэлектрического проекта в Пакистане». Проектом «*Гидроэнергетика Карот*» планируется до 2020 г. возведение плотины и каскада гидроэлектростанций мощностью 720 МВт на реке Джелум в районе деревни Карот.

Создание китайско-пакистанского экономического коридора представляет собой инфраструктурный проект на сумму 46 млрд долл., который включает в себя строительство железных и автомобильных дорог, а также трубопроводов. Он соединит пакистанский порт Гвадар, контролируемый китайским бизнесом, с Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР. Проект должен стать частью продвигаемой Китаем инициативы «Один пояс, один путь» (объединяет в себе проекты «Экономического пояса Шёлкового пути» и «Морского Шёлкового пути»).

Между Пакистаном и Китаем действует соглашение о свободной торговле, объёмы которой активно растут. Пекин оказывает широкую финансовую помощь Исламабаду. Пакистан является крупнейшим импортёром китайских вооружений и военной техники. Страны также реализуют ряд совместных проектов, в част-

ности, по созданию истребителя FC-1 (JF-17 в пакистанском обозначении). КНР активно помогает развитию пакистанской гражданской ядерной программы, а также сыграла значительную роль в создании Исламабадом собственного ядерного оружия [19].

Экономическая кооперация между Китаем и Турцией, Китаем и Азербайджаном. Китай опередил США по показателям двусторонней торговли с Турцией. В 1990–2016 гг. объём торговли между КНР и Турцией вырос с 238 млн до 27,7 млрд долл., прямые китайские инвестиции с 2015 по 2016 гг. увеличились с 509 млн до 809 млн долл.

Важнейшими проектами экономической кооперации между Китаем, Турцией и Азербайджаном выступает строительство Трансанатолийского газопровода (*TANAP*) и железной дороги Баку – Тбилиси – Карс – Эдирне, которая превращает Турцию в ключевой транспортный хаб для китайских товаров на юге.

В декабре 2016 г. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), созданный по инициативе КНР, выделил 600 млн долл. на финансирование Трансанатолийского газопровода (*TANAP*), который своей целью ставит поставки в Евросоюз природного газа из Азербайджана и Туркменистана. Кредит АБИИ на строительство *TANAP* был предоставлен под залог азербайджанской компании *Azerbaijan's Southern Gas Corridor (SGC) Company*. Справочно: Всемирный банк выделил также 800 млн долл. на строительство *TANAP*, из которых 400 млн долл. получила *Turkey's Petroleum Pipeline Corporation (BOTAS)*, а оставшуюся часть – *Azerbaijan's Southern Gas Corridor (SGC) Company*.

31 мая 2017 г. президент Азербайджана Ильхам Алиев рассказал участникам VII Каспийской международной выставки энергетики о степени готовности проекта: «Реализация Южнокавказского трубопровода находится на уровне 85 %. Этот трубопровод соединяет Азербайджан с Грузией. Успешно осуществляется проект *TANAP*, контракт по которому был заключен в 2012 г. Реализация проекта *TANAP* находится на уровне 72 %. Мы ожидаем, что в следующем году отметим ввод в строй проекта *TANAP*. Четвёртый проект – *TAP* (Трансадриатический газопровод). Уровень исполнения там составляет 42 %....».

Экономическая кооперация между Китаем и Ираном. Китаю за небольшой промежуток времени (чуть больше 20 лет) удалось занять первое место среди торговых партнёров Ирана (12,8 % – иранского экспорта и 10,5 % – импорта).

Китайские фирмы на иранском рынке в основном работают в сферах нефте- и газодобычи, нефтепереработки, электроэнергетики (в т. ч. атомной энергетики), строительства метрополитена, сооружения плотин, заводов по производству цемента, металлургических заводов, судостроения. Развивается также сотрудничество сторон в производстве автомобилей и военно-техническое сотрудничество. Китайская автомобильная компания Чери открыла свой первый зарубежный завод именно в Иране.

В феврале 1993 г. была заключена сделка о продаже Ирану реактора для осуществления ядерного синтеза, который бы располагался в университете Азад в Тегеране. В 1994 г. китайские специалисты дважды посещали Тегеран для установки, испытания и регулирования работы реактора.

В феврале же 1995 г. Иран сообщил китайской стороне, что реактор успешно функционирует. Игнорируя негативное отношение Вашингтона, в 1995 г. Тегеран и Пекин подписали соглашение на строительство китайской стороной на территории Ирана АЭС с двумя водо-водяными реакторами мощностью 300 МВт каждый. Реакторы, строительство которых китайцы обещали завершить через семь–девять лет, должны были использоваться для мирных целей и оставаться под контролем международных инспекций МАГАТЭ. Таким образом, эта сделка не нарушала принципов, устанавливаемых режимом нераспространения.

Иранское руководство проводит политику поощрения китайских инвестиций в свой нефтяной бизнес. В 2004 г. государственная китайская компания *Zhuhai Zhengrong* подписала с иранской стороной протокол о намерениях, согласно которому планировалось импортировать 110 млн т сжиженного природного газа из Ирана на протяжении 25 лет. Предварительно сделка оценивалась в 20 млрд долл. В том же году *Sinopec*, проведя переговоры с Национальной иранской газовой экспортной компанией и Иранской государственной нефтяной компанией, заключила сделку стоимостью в 100 млрд долл. на покупку 250 млн т сжиженного

природного газа в течение 25 лет. В 2007 г. был подписан контракт, согласно которому *Sinopec* предоставляла помощь Ирану в разработке и эксплуатации иранского нефтяного месторождения Ядавалан. В обмен Китай получал право в течение 25 лет импортировать добытую нефть в объёме 185 тыс. барр. в день. Стоимость контракта составила 2 млрд долл.

Самым крупным проектом с участием китайской стороны остаётся строительство четырёх линий метро в иранской столице.

Предложение привлечь китайские компании к строительству метро в Тегеране поступило ещё в начале 1990-х гг. Тендер выиграла Международная кредитно-инвестиционная компания Китая (СITIC). После пяти лет переговоров стороны подписали контракт, оцененный в 328 млн долл. (1997 г.). Таким образом, уже более 10 лет китайские компании участвуют в строительстве линий метрополитена в столице Ирана. Размер предоставленных кредитов и вложенных инвестиций исчисляется миллиардами долларов. Китайская сторона, помимо непосредственного участия в строительстве, также предоставляет большую часть необходимого оборудования для запуска линий метро: вентиляционные установки, вагоны для поездов, электропитание и т. д.

Среди китайских компаний помимо *SITIC*, непосредственно осуществляющей строительство, также фигурируют НОРИНКО (Промышленная корпорация севера) и Китайская технологическая экспортно-импортная корпорация, которые поставляют оборудование и системы электроснабжения для иранского метро.

Экономическая кооперация Китая со странами – членами ШОС может быть охарактеризована соответствующими показателями товарооборота этой страны в период с 2010 по 2020 гг. (см. табл. 1). Здесь и далее предполагается, что объёмы экспорта товаров в каждую из стран-членов ШОС и импорта из каждой страны – члена ШОС к 2020 г. при реализации стратегии Экономического пояса Шёлкового пути увеличатся на 10 % по сравнению с прогнозируемыми.

Реализация стратегии Экономического пояса Шёлкового пути позволит увеличить долю товарооборота Китая со странами – членами ШОС к 2020 г. не менее, чем на 0,88 % – с 8,89 % (488,7 млрд долл.) до 9,77 %. (537,57 млрд долл.).

Таблица 1

Товарооборот Китая

Страна	Экспорт в ...				Импорт из ...			
	2020 (прогноз)				2020 (прогноз)			
	без учёта реализации ЭПШП		с учётом реализации ЭПШП		без учёта реализации ЭПШП		с учётом реализации ЭПШП	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%
Индия	80,00	2,67	88,00	2,93	30,00	1,20	33,00	1,32
Казахстан	10,00	0,33	11,00	0,37	15,00	0,60	16,50	0,66
Киргизия	3,00	0,10	3,30	0,11	3,00	0,12	3,30	0,13
Пакистан	15,00	0,50	16,50	0,55	4,00	0,16	4,40	0,18
Россия	100,0	3,33	110,0	3,67	100	4,00	110	4,40
Таджикистан	7,00	0,23	7,70	0,26	5,00	0,20	5,50	0,22
Узбекистан	9,00	0,30	9,90	0,33	7,00	0,28	7,70	0,31
Афганистан	3,00	0,10	3,30	0,11	0,10	0,00	0,11	0,00
Белоруссия	3,00	0,10	3,30	0,11	5,00	0,20	5,50	0,22
Иран	9,00	0,30	9,90	0,33	7,00	0,28	7,70	0,31
Монголия	4,00	0,13	4,40	0,15	9,00	0,36	9,90	0,40
Азербайджан	1,20	0,04	1,32	0,04	4,00	0,16	4,40	0,18
Армения	0,80	0,03	0,88	0,03	0,50	0,02	0,55	0,02
Камбоджа	8,00	0,27	8,80	0,29	15,00	0,60	16,50	0,66
Непал	1,00	0,03	1,10	0,04	0,10	0,00	0,11	0,00
Турция	5,00	0,17	5,50	0,18	6,00	0,24	6,60	0,26
Шри-Ланка	7,00	0,23	7,70	0,26	12,00	0,48	13,20	0,53
ИТОГО	266	8,87	292,6	9,75	222,7	8,91	244,97	9,80
США	400	13,33			200	8,00		
ЕС	500	16,67			300	12,00		
ВСЕГО	3000	100	3000	100	2500	100	2500	100

Исходные данные для определения уровня экономической безопасности Китая с учётом её экономической кооперации и значения нормированных показателей экономической безопасности страны, реализованные при экономической кооперации Китая с государствами-членами ШОС, США и ЕС, представлены в табл. 2.

Приросты уровня экономической безопасности, реализованные в рамках его экономической кооперации представлены на рис. 1.

Очевидно, что при сохраняющихся трендах экономического развития Афганистана и структуре его товарооборота, возможен отрицательный прирост уровня защищённости национального хозяйства Китая (см. рис. 2).

К 2025 г. уровень экономической безопасности Китая, реализованный в рамках его экономической кооперации со странами – членами ШОС, может увеличиться на 1,63 п. п. – с 15,05 % до 16,68 % от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны Правительства и Народного банка Китая [20–22].

Таблица 2

Исходные данные для определения уровня экономической безопасности Китая с учётом его экономической кооперации

<i>Страна</i>	<i>Значения показателей, характеризующих экономическую кооперацию Китая</i>			
	<i>Частные показатели 2010 года</i>	<i>Частные показатели 2015 года (оценка)</i>	<i>Частные показатели 2020 г. (прогноз)</i>	
			<i>без учёта реализации ЭПШП</i>	<i>с учётом реализации ЭПШП</i>
Индия	1,0180	1,0240	1,0345	1,0380
Казахстан	1,0025	1,0055	1,0077	1,0085
Киргизия	1,0002	1,0003	1,0009	1,0009
Пакистан	1,0011	1,0028	1,0050	1,0056
Россия	1,0118	1,0246	1,0662	1,0731
Таджикистан	1,0004	1,0009	1,0012	1,0013
Узбекистан	1,0006	1,0012	1,0018	1,0020
Афганистан	0,9999	0,9997	0,9992	0,9991
Белоруссия	1,0002	1,0010	1,0025	1,0027
Иран	1,0007	1,0022	1,0041	1,0045
Монголия	1,0006	1,0023	1,0037	1,0041
Азербайджан	1,0003	1,0009	1,0017	1,0019
Армения	0,9999	1,0001	1,0003	1,0003
Камбоджа	1,0009	1,0038	1,0059	1,0065

Окончание табл. 2

Страна	Значения показателей, характеризующих экономическую кооперацию Китая			
	Частные показатели 2010 года	Частные показатели 2015 года (оценка)	Частные показатели 2020 г. (прогноз)	
			без учёта реализации ЭПШП	с учётом реализации ЭПШП
Турция	1,0010	1,0015	1,0031	1,0034
Шри-Ланка	1,0008	1,0026	1,0050	1,0056
Значения интегральных показателей, характеризующих экономическую кооперацию Китая с государствами – членами ШОС	1,039	1,076	1,150	1,167
США	1,2248	1,2074	1,2059	
ЕС	1,2267	1,2528	1,2855	
Значения интегральных показателей, характеризующих экономическую кооперацию Китая с государствами – членами ШОС, США и ЕС	1,561	1,627	1,783	1,809

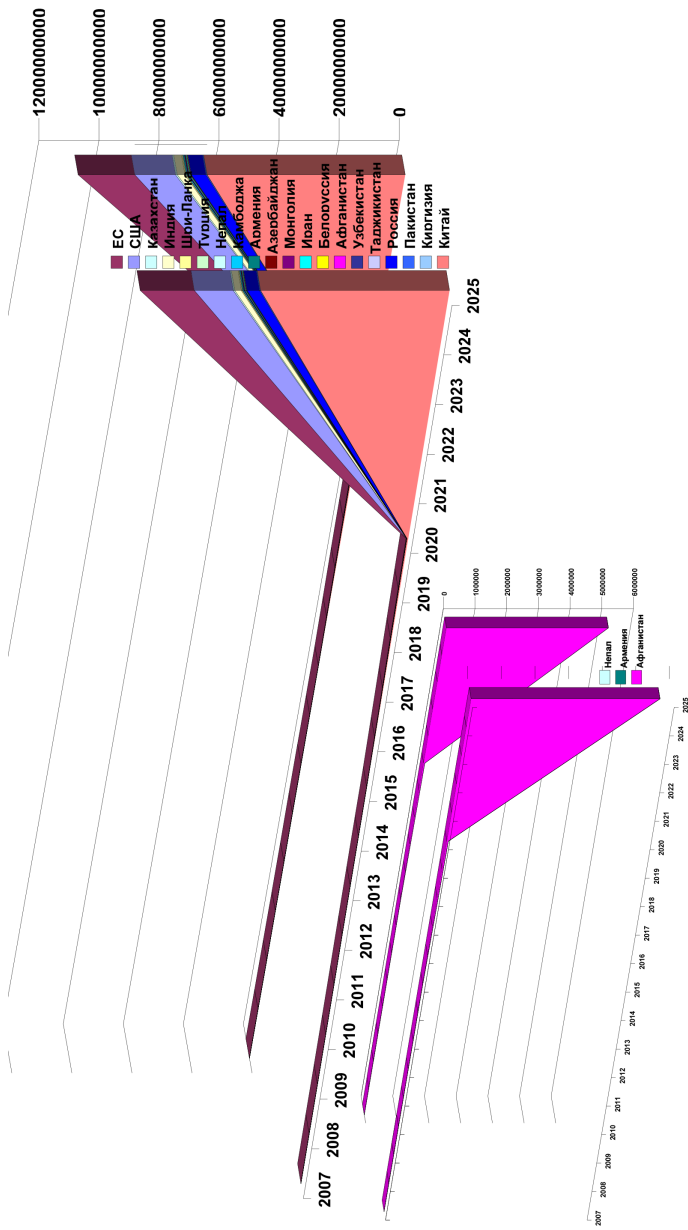

Рис. 1. Приросты уровня экономической безопасности Китая, реализованные в рамках его экономической кооперации без учёта реализации (а) и с учётом (б) реализации стратегии Экономического пояса Шёлкового пути

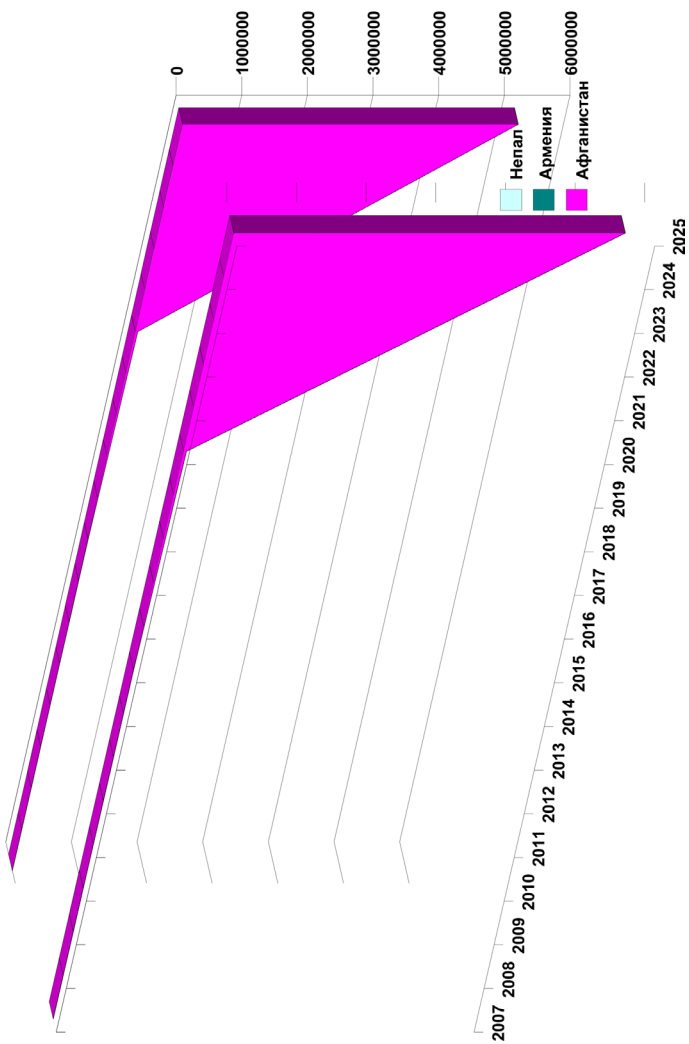

Рис. 2. Отрицательные приросты уровня экономической безопасности Китая, реализованные в рамках его экономической кооперации без учёта реализации (а) и с учётом (б) реализации стратегии Экономического пояса Шёлкового пути

Список литературы

1. Гордиенко Д. В. Влияние мирового финансово-экономического кризиса на изменение уровня экономической безопасности Китая // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 34. С. 69–76.
2. Гордиенко Д. В. Защищённость Китая от военных угроз и сравнительная оценка уровней военной безопасности государств Центральной и Северо-Восточной Азии // Китай в мировой и региональной политике: ежегодн. изд. Вып. XIX / сост. Е. И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 163–182.
3. Гордиенко Д. В. Изменение уровня экономической безопасности Китая при реализации стратегии Экономического пояса Шелкового пути // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы: тез. докладов XXII Междунар. науч. конф. Москва, 12–13 октября 2016 г. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 24–27.
4. Гордиенко Д. В. Изменение уровня экономической безопасности стран – членов Шанхайской организации сотрудничества при реализации стратегии Экономического пояса Шелкового пути // Повышение эффективности форм и методов распространения среди населения знаний по вопросам экономической и финансовой безопасности России, борьбы с теневыми доходами, противодействия финансированию терроризма, экстремизма, антигосударственной и деструктивной деятельности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Москва, 20 апреля 2017 г.) / отв. ред. А. Г. Забелин. М.: МФЮА, 2017. С. 54–58.
5. Гордиенко Д. В. Инициатива Экономического пояса Шелкового пути: обеспечение экономической безопасности России (экономический патронаж Правительства и Центрального банка) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. Вып. 3. С. 573–583.
6. Гордиенко Д. В. Обеспечение экономической безопасности Китая в условиях глобализации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 29. С. 45–62.
7. Гордиенко Д. В. Обеспечение экономической безопасности стран Северо-Восточной Азии в условиях глобализации // Северо-Восточная Азия: региональные измерения безопасности и российско-китайское сотрудничество / отв. ред. Д. В. Гордиенко, сост. Д. В. Гордиенко, А. С. Степанов. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 273–321.
8. Гордиенко Д. В. Оценка изменения уровня экономической безопасности России при реализации инициативы Экономического пояса Шелкового пути (экономическая кооперация и экономическое противоборство) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. Вып. 4. С. 787–800.
9. Гордиенко Д. В. Оценка экономической мощи ведущих индустриально развитых и развивающихся стран мира [Электронный ресурс] // Проблемы обеспечения безопасности Северо-Восточной Азии: региональ-

ные измерения и российско-китайское сотрудничество / отв. ред. Д. В. Гордиенко, сост. Д. В. Гордиенко, А. С. Степанов. М.: ИДВ РАН, 2015. Режим доступа: http://www.ifes-ras.ru/images/abook_file/ProblemsSVA-2015.pdf (дата обращения: 15.11.2017).

10. Гордиенко Д. В. Перспективы изменения уровня экономической безопасности стран – членов ШОС при реализации Стратегии Экономического пояса Шелкового пути [Электронный ресурс] // Стратегия Экономического пояса Шелкового пути и роль ШОС в её реализации: материалы круглого стола (ИДВ РАН, 16 марта 2016 г.) / отв. ред.-сост. В. А. Матвеев. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 10–75. Режим доступа: <http://www.docplayer.ru/28583567-Strategiya-ekonomicheskogo-poyasa-shelkovogo-puti-i-rol-shos-v-ee-realizacii-materialy-kruglogo-stola.html> (дата обращения: 17.11.2017).

11. Гордиенко Д. В. Перспективы изменения уровня экономической безопасности Китая при реализации стратегии Экономического пояса Шелкового пути // Китай в мировой и региональной политике. История и современность: ежегодн. изд. Вып. XXI / сост., отв. ред. Е. И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 234–255.

12. Гордиенко Д. В. Перспективы изменения уровня экономической безопасности стран-членов ШОС при реализации стратегии Экономического пояса Шелкового пути [Электронный ресурс] / X Междунар. Кондратьевская конф. «Научное наследие Н. Д. Кондратьева и современность», посвящ. 125-летию со дня рождения: сб. тез. докладов и выступлений участников Конференции. Москва – Волгоград: Междунар. фонд Н. Д. Кондратьева. М.: Учитель, 2017. С. 104–105. Режим доступа: <http://www.kondratiev.top/wp-content/uploads/2017/09.pdf> (дата обращения: 05.11.2017).

13. Гордиенко Д. В. Понятие экономической безопасности на современном этапе // Пути укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии: материалы совместного российско-вьетнамского исследования. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 281–288.

14. Гордиенко Д. В. Промышленная политика Китая и влияние её реализации на обеспечение экономической безопасности КНР в современных условиях // Финансовая экономика. 2014. № 2. С. 7–22.

15. Гордиенко Д. В. Сравнительная оценка уровней технологической безопасности Китая, Японии, США, стран Евросоюза и Российской Федерации в современных условиях [Электронный ресурс] // Проблемы обеспечения безопасности Северо-Восточной Азии: региональные измерения и российско-китайское сотрудничество / отв. ред. Д. В. Гордиенко; сост. Д. В. Гордиенко, А. С. Степанов. М.: ИДВ РАН, 2015. Режим доступа: http://www.ifes-ras.ru/images/abook_file/ProblemsSVA-2015.pdf (дата обращения: 15.11.2017).

16. Гордиенко Д. В. Сравнительная оценка уровня экономической безопасности приграничных дальневосточных регионов России // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации: ма-

териалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., 10 марта 2016 г., г. Чита / отв. ред. А. Ю. Лавров. Чита: ЗабГУ, 2016. С. 56–60.

17. Гордиенко Д. В. Сравнительная оценка экономической мощи КНР и ведущих индустриально развитых и развивающихся стран мира [Электронный ресурс] // Китай в мировой и региональной политике. История и современность: ежегодн. изд. Вып. XX / сост., отв. ред. Е. И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 213–228. Режим доступа: http://www.ifes-ras.ru/images/abook_file/kitmir15fin.pdf (дата обращения: 15.11.2017).

18. Гордиенко Д. В. Уровень экономической безопасности Китая при реализации стратегии Экономического пояса Шелкового пути // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. Ю. Лавров. Чита: ЗабГУ, 2017. С. 34–42.

19. Гордиенко Д. В., Камаев Р. А. Обеспечение экономической безопасности государства в условиях глобализации: монография. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016. 360 с.

20. Гордиенко Д. В., Лузянин С. Г., Оценка уровня безопасности стран Северо-Восточной и Центральной Азии. М.: ИДВ РАН, 2013. 88 с.

21. Гордиенко Д. В., Сафонов М. С. Экономическая безопасность России: Теоретический и методологический аспекты: монография. М.: Проспект, 2016. 256 с.

22. Гордиенко Д. В., Яковлева Н. Г. Мировой финансово-экономический кризис и обеспечение экономической безопасности государства: монография. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2013. 392 с.

УДК 339.56, 327.8

Андрей Владимирович Губин,

канд. полит. наук,

эксперт Российского института стратегических исследований,

доцент Восточного института – Школы региональных

и международных исследований,

Дальневосточный федеральный университет,

г. Владивосток, Россия,

e-mail: andrey.gubin@mail.ru

Проблемы сотрудничества Дальнего Востока России с Китаем

Статья акцентирует внимание на прикладных вопросах взаимодействия России и Китая, связанных с использованием потенциала Дальнего Востока и Забайкалья. Устранение имеющихся сложностей может суще-

ственно укрепить как межрегиональные и приграничные связи, так и способствовать сопряжению Евразийского экономического сообщества с Экономическим поясом Шёлкового пути.

Ключевые слова: *российско-китайское экономическое сотрудничество, Дальний Восток, приграничное взаимодействие РФ – КНР*

Andrey Vladimirovich Gubin,

*Ph. D., Fellow of Russia's Institute for Strategic Studies,
Associate Professor, Oriental Studies Institute-School of regional
and international studies, Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia,
e-mail: andrey.gubin@mail.ru*

Limitations of Cooperation of Russian Far East with China

Presented work focuses on practical issues of Sino-Russian cooperation concerning exposing potential of Russian Far East and Trans-Baykal region. Overcoming shown difficulties can solidify border and transregional ties as well as facilitate harmonization of Eurasian Economic Community with Silk Road Economic Belt.

Key words: *Russia-China economic cooperation, Russian Far East, cross-border cooperation*

Согласно Концепции внешней политики Российской Федерации 2016 г., «Россия заинтересована в активном участии в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе, использовании его возможностей при реализации программ социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока, в создании в регионе всеобъемлющей, открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества на коллективных началах» [7].

Одной из главных целей проведения во Владивостоке Саммита организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в 2012 г. было привлечение иностранных инвестиций для ликвидации разницы в социально-экономическом развитии Дальнего Востока и европейских регионов страны. Зарубежный, а также частный российский капитал неизменно рассматривался как главный фактор форсированного освоения Дальнего Востока и формирования новых оснований роста. В этой связи уже с 2013 г. стало наблюдаться сокращение бюджетных по-

ступлений в программы развития региона. Стоит отметить и то, что усиление напряжённости в отношениях с западными партнёрами с 2014 г. также потребовало некоторой переориентации бюджетных средств.

Однако реальных проектов с иностранным участием пока на Дальнем Востоке не так много: потенциальные инвесторы скорее заняли выжидательную позицию, совместное производство налажено в крайне ограниченных масштабах. Прямые инвесторы из-за рубежа пока проявляют сдержанную активность в Дальневосточном федеральном округе (ДФО), не наращивая объёмов вливаний в российскую экономику. Размер накопленных иностранных инвестиций в регионе составляет 39,6 млрд дол. США. Лидером инвестиционной активности на конец 2016 г. по-прежнему является Сахалин – 35,2 млрд дол. США (–3 % по сравнению с 2015 г.); с большим отрывом вторую позицию занимает Якутия – 1,2 млрд долл. США (–17 % по сравнению с 2015 г.); Приморский край – на третьей позиции, демонстрирует рост зарубежных инвестиций в экономику, вероятно, благодаря запуску проекта «Свободный порт Владивосток», 1,175 млрд долл. США (+8,5 % по сравнению с 2015 г.) [4].

До недавнего времени центральное правительство КНР сравнительно мало интересовалось российским Дальним Востоком (РДВ) и Восточной Сибирью. Связи с РДВ были по-настоящему важны только для приграничных провинций Хэйлунцзян и Цзилинь, в то время как для остальных территорий Китая и для Пекина они находились на периферии внимания.

Однако в 2013–2014 гг. ситуация начала меняться. Высшее руководство Китая стало уделять РДВ больше внимания, что проявилось как в официальных заявлениях, так и в серии крупных соглашений и сделок. В апреле 2014 г. вице-премьер Госсовета Ван Ян посетил Владивосток и отметил «привлекательность» региона для китайского бизнеса [1]. Наиболее показательным моментом стали высказывания заместителя Председателя КНР Ли Юанчао на Санкт-Петербургском экономическом форуме в мае 2014 г. Говоря о перспективах китайско-российского экономического сотрудничества, Ли особо подчеркнул роль РДВ, который вместе с северо-востоком Китая представляет единый экономический район [9].

Тем не менее, несмотря на стратегический характер российско-китайского партнёрства, межрегиональное сотрудничество характеризуется собственной динамикой и сопровождается рядом сложностей. Часто в качестве аргументации приводятся обещания китайских властей десятилетней давности о вложении в РФ не менее 12 млрд долл. США к 2020 г. [12]. Вместе с тем существуют очевидные проблемы даже с учётом китайских инвестиций на Дальнем Востоке, поскольку официальные данные отражают потоки между крупными, обычно государственными, корпорациями. Однако движения китайского капитала не так очевидны: например, около 30 млрд долл. США составляют кредиты китайских банков российским госкорпорациям нефтегазового и транспортного секторов [5]. Данные о прямых китайских инвестициях недостаточно достоверны, поскольку они представлены в основной своей массе в малом и среднем бизнесе, который пока не слишком прозрачен для государственного контроля и регулирования.

С начала 2000-х гг. на Дальнем Востоке, в основном в Приморском крае, отмечались попытки китайского бизнеса создать так называемые «торгово-экономические комплексы», «промышленные парки» и «сельскохозяйственные базы». Как правило, с подобными инициативами выступали китайские предприниматели, занимающиеся оптовой приграничной торговлей. В силу различных причин только единицы в итоге легально осуществляют деятельность на территории Дальнего Востока, производя паркетную доску, обувь и сельхозпродукцию. Как правило, эти компании имеют формального российского руководителя, а китайские собственники малоизвестны и не пытаются проникнуть в публичную и политическую сферы [2]. Некогда широко разрекламированные «точки роста» экономики Приморского края – промышленные зоны «Юаньдун» и «Канцзи», а также приграничный торгово-экономический комплекс «Пограничный» торжественно открывались порядка пяти раз при участии российских и китайских официальных лиц различного уровня, но так и не начали плановой работы.

Между органами российской власти и китайским бизнесом на Дальнем Востоке не складываются отношения системного противостояния, как это подают ряд российских и зарубежных СМИ.

Однако практика «погони за крупным инвестором», который может способствовать созданию точек роста в регионе, себя не оправдала – так как долгое время китайский капитал на ДВ был представлен малым и средним бизнесом, возможности которого ограничены.

В 2016 г. крупнейшими торговыми партнёрами Дальнего Востока стали: Китай (36,5 % от стоимостного объёма товарооборота); Япония (23 %); Республика Корея (21,5 %); США (5 %) [8].

Сотрудничество Дальнего Востока с КНР осуществляется в условиях масштабного сокращения стоимостных объёмов товарооборота России с северо-восточными провинциями КНР. В числе основных причин – падение мировых цен на нефть, девальвация российского рубля и снижение спроса на китайскую готовую продукцию (см. табл. 1).

Таблица 1

**Товарооборот северо-восточных провинций КНР с Россией в 2015 г.
(по данным китайской таможенной статистики)**

<i>Провинции</i>	<i>Стоимость (млн долл. США)</i>			<i>Прирост к 2014 г. (%)</i>		
	<i>Общий оборот</i>	<i>Экспорт</i>	<i>Импорт</i>	<i>Общий оборот</i>	<i>Экспорт</i>	<i>Импорт</i>
Хэйлунцзян	10 846	2 353	8 493	-53,6	-73,9	-40,5
Ляонин	3 018	932	2 086	23,8	-20,9	66,2
Цзилинь	521	270	251	-10,5	-39,8	94,7

Из подобных данных крайне сложно делать сколько-нибудь значимые выводы о сотрудничестве Дальнего Востока и Забайкалья именно с китайскими приграничными провинциями. Значительная часть грузопотока в обе стороны имеет транзитный характер и не потребляется непосредственно на территории данных регионов.

По-прежнему около 80 % российского экспорта в КНР составляет сырьевая продукция [10], что может свидетельствовать о крайне медленном включении китайских партнёров в проекты по организации в России, в том числе на Дальнем Востоке, производств конкурентоспособной продукции. Замечания ряда экспер-

тов о чрезмерной зависимости дальневосточных регионов России от торговли с Китаем справедливы лишь отчасти – пропорции существенно разнятся в зависимости от специфики торгового баланса субъекта федерации.

Руководствуясь приведёнными данными и прочей таможенной статистикой, можно сделать вывод, что Китай не является ключевым партнёром, например, для Камчатки или Магаданской области. От 45 до 60 % внешнеторгового оборота данных регионов приходится на Республику Корея. Уникальная ситуация наблюдается в Якутии, где благодаря добыче алмазов более половины оборота приходится на Бельгию, а 15 % на Индию. Что касается Сахалина, то в силу реализации там крупных нефтегазовых проектов, по 40 % оборота приходится на Японию и Республику Корея. Своеобразная ситуация на Чукотке – 93 % экспорта уходит в Китай, тогда как главный поставщик товаров и услуг – США (32 %) (см. табл. 2).

Таблица 2

Торговая зависимость от КНР территорий ДФО (данные 2015 г., рассчитано автором на основании данных Дальневосточного таможенного управления)

<i>Субъект Федерации</i>	<i>Экспорт в КНР, млн дол. США</i>	<i>Импорт из КНР, млн дол. США</i>	<i>Общий оборот, млн дол. США</i>	<i>Доля КНР в общем обороте субъекта/импорте %</i>
Амурская область	322	338	660	86.2 / 87.5 / 84.9
ЕАО	22	67	89	94.5 / 93.5 / 94.9
Камчатский край	189	18	207	34 / 36.2 / 20.5
Магаданская область	15	9	24	5.6 / 4.6 / 8.4
Приморский край	1,887	3,927	5,814	50.6 / 47.7 / 52.2
Республика Саха (Якутия)	497	27	524	10.3 / 9.9 / 39.8
Сахалинская область	1,677	79	1,756	9.8 / 10 / 6
Хабаровский край	678	235	913	41 / 47.2 / 29.6
Чукотский АО	133	21	154	57.2 / 93 / 16.7

Вместе с тем для некоторых регионов российского Дальнего Востока Китай является главным торговым партнёром. Порядка 90 % от всех предлагаемых на экспорт Амурской областью топлива, сои, руды и леса отправляются в Китай. Китайские компании приобретают все излишки сои у ЕАО. Якутия продаёт почти всю руду и уголь в КНР. Рудный экспорт Чукотки полностью идёт в Китай. Камчатка и Сахалин поставляют в Китай лишь треть всего экспортного вылова рыбы, а Магаданская область – только 16 %. Наиболее сбалансирована структура торговли с Китаем у Приморского и Хабаровского краёв – 70–80 % всех контрактов на поставку древесины заключаются с китайскими партнёрами, однако по топливу и морским биоресурсам доля Китая заметно ниже – 40–50 % (см. табл. 3).

Таблица 3

Экспортная специализация регионов (данные 2015 г., рассчитано автором на основании данных Дальневосточного таможенного управления)

<i>Доля продукции в общем объёме экспорта в КНР, % / Доля КНР по отношению к другим покупателям, %</i>					
<i>Субъект Федерации</i>	<i>Нефтепродукты, жидкое и минеральное топливо</i>	<i>Рыба, моллюски, ракообразные</i>	<i>Лес, древесина, пиломатериалы</i>	<i>Руды, известняк</i>	<i>Прочие товары</i>
Амурская область	49.9 / 85.7	0	12.1/92.2	34.7 /91.7	Сельхоз-продукция, в основном соя – 3 / 99
ЕАО	0	2.6/100	71.5/96.7	0	Сельхоз-продукция, в основном соя – 23.2/100

Окончание табл. 3

<i>Доля продукции в общем объёме экспорта в КНР, % / Доля КНР по отношению к другим покупателям, %</i>					
<i>Субъект Федерации</i>	<i>Нефтепродукты, жидкое и минеральное топливо</i>	<i>Рыба, моллюски, ракообразные</i>	<i>Лес, древесина, пиломатериалы</i>	<i>Руды, известняк</i>	<i>Прочие товары</i>
Камчатский край	0	93.6/36.1	0	0	Отходы пищевой промышленности, в основном рыбная мука – 5.4 / 66.4
Магаданский край	0	100/16.1	0	0	
Приморский край	53.3 / 45.3	27.6/56.4	14.4/71.9	0.1/2.5	
Республика Саха (Якутия)	90.6 / 71.7	0	0	5.6/88.2	Драгоценные камни и металлы – 3.8 / 0.4
Сахалинская область	89.6 / 9.4	9.8/31.9	0	0	
Хабаровский край	24.6 / 40.3	5.1/19.8	68.9/79.7	0	
Чукотский АО	0	0	0	99.4/100	

По озвучиваемым Министерством по развитию Дальнего Востока цифрам, объём китайских инвестиций в регионе превысил 2,5 млрд долл. США. Значительный их объём приходится на Приморский край, где зарегистрировано 208 предприятий с китайским капиталом. По предварительным данным, 18 % компаний имеют исключительно торговую направленность, 13 % работают в сфере гостиничного и ресторанного бизнеса, 13 % – лесозаго-

товки и деревообработки, 12 % – сельского хозяйства. В Приморском крае от китайских компаний в проекты территорий опережающего развития (ТОР) и свободного порта Владивосток (СПВ) на конец 2017 г. поступило около 20 заявок на сумму более 1,6 млрд р. С участием китайских инвесторов реализуются проекты в таких сферах, как сельское хозяйство, лесопереработка, добыча полезных ископаемых, туризм, транспорт и логистика, строительство, развитие инфраструктуры.

Важным инструментом взаимодействия приграничных дальневосточных регионов с Китаем можно считать сотрудничество в области туризма. Лидирующее положение в России по уровню развития туристских связей с КНР занимает Приморский край.

Современная ситуация в данной сфере характеризуется ростом потока китайских граждан в направлении РФ и существенным сокращением количества россиян, выехавших в сторону КНР. Если ещё в 2010 г. количество китайцев, посещающих Приморье, было меньше количества россиян, выезжающих в Китай, в шесть раз, а в 2005 г. – в десять, то сейчас эти цифры почти сравнялись (см. табл. 4). Основная причина – падение курса российского рубля по отношению к китайскому юаню, а также рост уровня жизни и доходов жителей северо-восточных китайских провинций.

Таблица 4

Количество граждан РФ и КНР, пересекших границу через пункты пропуска на территории Приморского края (тыс. чел.) – по информации Департамента туризма Администрации Приморского края

<i>Позиция</i>	<i>2012 г.</i>	<i>2013 г.</i>	<i>2014 г.</i>	<i>2015 г.</i>	<i>2016 г.</i>
Въезд в РФ граждан КНР	264	278	287	329	365
Выезд в КНР граждан РФ	641	555	484	473	420

Дальнейшее развитие туристической отрасли может быть связано с реализацией инициативы «Свободный порт Владивосток», предусматривающей упрощённый визовый режим для находящихся на территории, включающей 16 муниципальных образований края, до восьми суток. Иностранец может въехать через пункт пропуска, работающий в режиме «свободного порта» и далее отправиться в путешествие по России, что создаёт

возможность формирования пакетных предложений для туристических групп. Вместе с тем сроки начала безвизового пропуска иностранцев несколько раз откладывались с 1 января 2016 г., и вопрос о возможности выезда за пределы Приморского края так и не решён. Пионерский пропуск в упрощённом режиме был организован для посетителей Восточного экономического форума в сентябре 2017 г.

Весьма специфическим проектом является интегрированная развлекательная курортная зона «Приморье». Первый гостиничный комплекс и казино открылись в октябре 2015 г. Всего до 2022 г. планируется ввести в строй отели на 6 000 номеров, театры и киноконцертные комплексы, торгово-выставочную зону, аквапарк, яхт-клуб, спортивные объекты. Проект реализуется группой компаний (в числе которых «Джи уан Интертейнмент»), входящей в гонконгский игровой концерн «Мелко»; камбоджийской (фактически китайской) «Нага Корп», а также «Даймонд форчунс» и «Роял тайм», имеющих российско-киприотское происхождение. Общая сумма инвестиций до 2022 г., согласно заявленным намерениям, должна превысить 1,5 млрд долл. США, но говорить о полном их поступлении в указанные сроки достаточно сложно – стройка значительной части объектов заморожена, фактически действует только первая очередь, обслуживающая ограниченное количество китайских туристов.

По предварительным данным Федеральной налоговой службы, сумма налоговых поступлений от деятельности игровой зоны «Приморье» составила по итогам 2016 г. только 57 % от плановых показателей [3]. В настоящее время в игорно-развлекательном комплексе трудоустроено около 1 000 приморцев, дополнительные 4–5 тыс. рабочих мест могут появиться только после сдачи всей намеченной инфраструктуры. Вероятно, как минимум до момента начала упрощённого пропуска иностранцев в режиме «свободного порта» нельзя будет говорить о выходе объекта на окупаемость, равно как и его коммерческой значимости для Приморского края, а также потенциале образования мультипликативного эффекта для содействия развитию экономики региона.

Слабым местом развития рекреационной отрасли на базе турпотока из КНР является также недостаточное количество пасса-

жирских маршрутов. В 2012 году планировалось начать регулярное железнодорожное пассажирское сообщение Владивосток – Суйфэньхэ – Харбин, однако технические аспекты маршрута до сих пор не утверждены, а соответствующее соглашение длительного времени находится на согласовании в системе российских ведомств. Китайцы неоднократно заявляли о планах открыть регулярное авиасообщение Далянь – Владивосток и Муданьцзян – Владивосток. Сегодня из Владивостока в направлении КНР осуществляются на регулярной основе авиаперевозки в Харбин, Чанчунь, Пекин, Шанхай и САР Сянган (по два раза в неделю каждый). Ряд рейсов, например Владивосток–Яньцзи, осуществляются российскими авиакомпаниями на условиях чартерных перевозок только для китайских граждан – россиянин не может приобрести билет по данному маршруту.

Рост туристического потока, особенно в нашем направлении, может быть обеспечен как через реальное упрощение правил взаимных посещений, так и путём развития рекреационной инфраструктуры дальневосточных регионов с участием китайских компаний (строительство гостиниц, баз отдыха, развлекательных центров). Значительные перспективы имеет открытие дополнительных пассажирских маршрутов: железнодорожного сообщения Владивосток – Харбин, постоянного авиасообщения с Муданьцзяном и Далянем, увеличения числа авиарейсов в другие китайские города, развитие паромной переправы из Зарубино и Владивостока в порты Республики Корея и Японии.

Слабым звеном является и приграничная инфраструктура с российской стороны. Ещё в 2012 г. начались первоначальные работы по реконструкции многосторонних автомобильных пунктов пропуска (МАПП) через государственную границу «Пограничный» и «Краскино» в Пограничном и Хасанском районах Приморского края соответственно. Новые МАПП с учётом их обеспеченности личным составом государственных контрольных органов могли увеличить существующий пассажирский и грузовой потоки в 2,5–4 раза, был запланирован и пропуск личного автотранспорта. Однако до сих пор объекты не сданы – частично построенная инфраструктура не эксплуатируется и приходит в запустение.

Оказалась нереализуемой и практика организации приграничных торговых комплексов «Пограничный – Суйфэньхэ», «Благовещенск – Хэйхэ» и «Забайкальск – Маньчжоули» с безвизовым пропуском на их соответствующие территории граждан РФ и КНР. Созданные китайцами на их части сооружения эксплуатируются в коммерческих целях, тогда как российская сторона не смогла создать условия для эксплуатации объектов как по вине недальновидности частных инвесторов, так и отсутствия инициативы государственных структур.

По официальной информации государственных ведомств и местных властей основой для развития транспортно-логистического потенциала юга Дальнего Востока являются международные транспортные коридоры (МТК) «Приморье-1» и «Приморье-2». Несмотря на то, что данные проекты разрабатывались ещё в 1990-е гг., сегодня их реализацию связывают с решениями В. Путина и Си Цзиньпина о сопряжении Евразийского экономического союза с Экономическим поясом Шёлкового пути.

В 2016 г. Народное правительство и комитет КПК провинции Хэйлунцзян в очередной раз объявили о намерении создать Большой транзитный сухопутно-морской комбинированный транспортный путь. Один из предлагаемых китайской стороной маршрутов совпадает с проектом коридора «Приморье-1»: Харбин – Муданьцзян – Суйфэньхэ/Дуннин – Пограничный/Полтавка – Уссурийск – порты Владивосток/Восточный/Находка – международные морские линии.

В свою очередь власти провинции Цзилинь проявляют заинтересованность в совместной реализации проекта коридора «Приморье-2»: Чанчунь – Цзилинь – Хунчунь – Краскино – порты Зарубино/Посъет – международные морские линии.

По современным оценкам, номенклатуру грузов из северо-восточных провинций Китая через территорию Приморского края на юг Китая и страны АТР будут составлять зерно, соя, кукуруза, промышленные товары, оборудование и текстиль в контейнерах. К 2030 г. потенциальный дополнительный грузооборот по МТК «Приморье-1» может составить до 7 млн контейнеров (*TEU*) и 5 млн т зерна, а по МТК «Приморье-2» – до 15 млн *TEU* и 23 млн

т зерна. Для достижения данных показателей инвестиции должны составить не менее 210–230 млрд р. для каждого проекта.

Как представляется, для провинций Хэйлунцзян и Цзилинь участие в создании транспортных коридоров – выгодное вложение средств ввиду высокой (до 10 %) доли окупаемости и долгосрочная выгода в виде наличия надёжных каналов экспорта и импорта. Китайские провинции, не имеющие выхода к морю, получают доступ к морскому транспорту и смогут развивать потенциал экспортно ориентированных производств. Китайские СМИ упоминают, что реализация данных инфраструктурных проектов совместно с российской стороной станет источником создания новых рабочих мест для китайских госкорпораций, а также средством обеспечения социальной стабильности.

Развитие данных транспортных коридоров позволит увеличить валовой региональный продукт юга Дальнего Востока, увеличить налоговые поступления и создать новые рабочие места. Вместе с тем выгода для российской стороны не так очевидна, если будут реализовываться только предлагаемые сегодня форматы.

Ряд специалистов высказывают свои опасения в связи с представленной консалтинговой компаний «Маккинси» проекта развития международных транспортных коридоров. Предложения консультантов не учитывают текущую геополитическую ситуацию в регионе, поскольку игнорируют многосторонний формат сотрудничества и опираются только на двусторонние отношения Россия-Китай. Это ведёт к тому, что работа нацелена не на формирование реально действующих МТК, а на продолжение китайской транспортной системы на территории России. Консалтинговой фирмой пропущен крайне важный этап подписания межправительственных соглашений, согласования инвестиционной и организационной структуры, который может занять неопределённое время с учётом того, что проекты МТК существуют уже около 20 лет. При дальнейшей доработке проектов международных транспортных коридоров потребуется уделить больше внимания внутренней координации, учесть ранее проделанную российской стороной работу, выработать переговорную позицию со странами СВА.

Целесообразна и гармонизация наших планов развития транспортной инфраструктуры с некоторыми китайскими иници-

ативами. Недавно власти провинции Хэйлуцзян объявили о намерении построить скоростную железную дорогу вдоль границы с Россией, которая фактически будет представлять обновлённый проект КВЖД и составит конкуренцию БАМу и участку Транссиба [15]. Бесспорно, при согласовании данного проекта с российской и монгольской сторонами, он окажет благоприятное воздействие на межрегиональную торговлю, тогда как односторонняя его реализация нанесёт ущерб российским интересам. В частности, достаточно перспективным видится соединение Владивостока и Читы через китайскую территорию [14].

Стоит отметить, что по-прежнему нерешённым является вопрос строительства моста через Амур в районе г. Благовещенска, а также организации временных пунктов пропуска через Амур в зимнее и летнее время (путём укрепления льда или наведения понтонов). Существуют сложности и со стандартизацией железнодорожной колеи – китайская имеет ширину 1435 мм, а российская – 1520 мм, при этом китайские подвижные составы шире. Определённые успехи имеются в строительстве железнодорожного мостового перехода Нижнеленинское – Тунцзян в ЕАО [11]. Требуется тщательного изучения и инициатива по созданию МТК «Приморье-3» Фэньшуйлин – Барабаш – Владивосток, основная часть которого пройдёт через Амурский залив, что позволит сократить время в пути до госграницы до 40 минут.

Говоря о развитии Дальнего Востока в контексте сопряжения масштабных инициатив Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути, следует двигаться к пересмотру подходов сторон. В частности, по мнению ряда российских экспертов, «недостаточно создания административных оазисов на наиболее перспективных площадках – нужна последовательная работа как федеральных органов власти, так и региональных и местных администраций по снижению административного давления, снятию избыточных барьеров для бизнеса, облегчению доступа к инфраструктуре, созданию благоприятной социальной среды» [13]. В этой связи требуется разработать интегрированную модель управления Дальним Востоком и Сибирью, включая Арктику, в том числе для комплексного решения транспортных проектов.

Одним из наиболее значимых мероприятий, направленных на привлечение зарубежных партнёров на Дальний Восток России, можно назвать Восточный экономический форум. Четвёртый форум пройдёт в начале сентября 2018 г. во Владивостоке. Итоги трёх мероприятий свидетельствуют о повышенном внимании инвесторов к проектам на ДВ из Республики Корея, Японии, Индии, Сингапура и других государств АТР. Кроме того, форум позволяет должным образом представить имеющиеся в регионе возможности для иностранного участия, включая инновационные модели территорий опережающего развития и свободного порта.

Следует учитывать, что северо-восточные провинции КНР не имеют значительных инвестиционных возможностей, они сами скорее реципиенты внутрикитайских инвестиций и бюджетных средств, а потому заинтересованы только в краткосрочном размещении капитала в РФ. Кроме того, долгое время экономика данного региона КНР была ориентирована на переработку российского сырья с последующей поставкой товаров народного потребления в РФ и перевалку экспортно-импортных грузов, что не вполне отвечает российским интересам развития собственной промышленности на ДВ. Крупный китайский бизнес из наиболее экономически развитых китайских провинций и городов (Чжэцзян, Гуандун, Хэбэй, Хубэй, Цзянсу, гг. Шанхай, Пекин, Тяньцзинь, Чунцин) фактически начал проявлять интерес к дальневосточным регионам только после встречи В. В. Путина и Си Цзиньпина в Москве в мае 2015 г.

Предлагаемая значительной частью потенциальных китайских инвесторов бизнес-модель переработки российского сырья в КНР с последующей поставкой части произведённого товара обратно в Россию с сопутствующим секторным развитием транспортного комплекса не увязывается с принципами совместного содействия развитию российского Дальнего Востока и северо-востока Китая. В свете повышения активности Японии, Республики Корея, стран АСЕАН, Индии и других государств, а также их готовности оказывать технологическое содействие и осуществлять реальные инвестиции в долгосрочные энергетические, промышленные и транспортные проекты существует вероятность переориентации планов от задач развития в сторону повышения экономической эффективности проектов.

Следует отметить, что ряд вопросов российско-китайского взаимодействия может быть решён с помощью начавшего в 2017 г. свою работу Совета сотрудничества между регионами Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая [6]. Целесообразно усилить межведомственное и межпарламентское общение между двумя государствами как по генеральным вопросам сопряжения ЕАЭС и ЭПШП, так и частным аспектам развития приграничных регионов. Кроме того, недостаточно реализуют свой потенциал в области международного сотрудничества и субъекты РФ, власти которых не рискуют принимать самостоятельных решений и склонны завышать ожидания от зарубежных инвесторов.

Список литературы

1. Вице-премьер КНР: Приморский край представляет огромный интерес для китайского бизнеса [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.primamedia.ru/news/show.php?id=351551&printmode=1> (дата обращения: 11.01.2018).
2. Иванов С. А. Участие властей провинции Хэйлуцзян в российско-китайском экономическом сотрудничестве: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Владивосток, 2015. С. 48–155.
3. Игровая зона в Приморье не оправдывает налоговых ожиданий [Электронный ресурс] // Прима-медиа: информационное агентство. 17 окт. 2016 г. Режим доступа: <http://primamedia.ru/news/538868/> (дата обращения: 11.01.2018).
4. Инвестиции из стран АТР на Дальний Восток идут осторожно [Электронный ресурс] // Дальневосточный капитал. 2016. 31 авг. Режим доступа: http://www.dvkapital.ru/specialfeatures/df0_31.08.2016_8687_investitsii-iz-stran-atr-na-dalnij-vostok-idut-ostorozhno.html (дата обращения: 11.01.2018).
5. Китайский капитал на юге Дальнего Востока России: ожидания государства и реалии взаимодействия. Владивосток: Изд-во Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2016. С. 6.
6. Кокарев К. А. О российско-китайском сотрудничестве в реализации трансконтинентальных проектов [Электронный ресурс] // РИСИ: офиц. сайт. Режим доступа: <http://www.riss.ru/analitics/26249/> (дата обращения: 11.01.2018).
7. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ В. В. Путиным 30 нояб. 2016 г.) [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Мин-ва иностр. дел России. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 11.01.2018).

8. По данным Дальневосточного таможенного управления [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dvtu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=20193:9-2016-&catid=265:2016-02-03-05-45-38&Itemid=281 (дата обращения: 11.01.2018).

9. Российские власти готовят Дальний Восток для заселения китайцами [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.online812.ru/2014/07/07/019/> (дата обращения: 11.01.2018).

10. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития. Портал внешнеэкономической информации: интернет-сайт. Режим доступа: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_ru_trade (дата обращения: 11.01.2018).

11. Рубикон переходит к стыковке [Электронный ресурс] // EastRussia. Информ.-аналит. агентство «Восток России». Режим доступа: <http://www.eastrussia.ru/material/rubikon-perekhodit-k-stykovke/> (дата обращения: 11.01.2018).

12. Санакоев С. От поставок сырья – к экспорту высоких технологий [Электронный ресурс] // Деловой Китай. Т. VIII. М., 2005. Режим доступа: <http://www.polpred.com/free/china/book.pdf> (дата обращения: 11.01.2018).

13. Сибирь и Дальний Восток – неотъемлемые части одного макрорегиона [Электронный ресурс] // EastRussia. Информ.-аналит. агентство «Восток России». Режим доступа: <http://www.eastrussia.ru/material/sibir-i-dalний-vostok-neotemlemye-chasti-odnogo-makroregiona/> (дата обращения: 11.01.2018).

14. Создание транспортных коридоров Китай-Приморье оценили в 315 млрд рублей [Электронный ресурс] // Ведомости. 2016. 24 марта. Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/03/24/634897-sozдание-transportnih-koridorov-kitai-primore-otsenili-315-mlrd-rublei> (дата обращения: 11.01.2018).

15. Хэйлунцзян построит вдоль границы с Россией железную дорогу общей протяженностью 3000 км [Электронный ресурс] // Забинфо: информ. портал. 01.11.2015. Режим доступа: <http://zabinfo.ru/133027> (дата обращения: 11.01.2018).

УДК 327.83

Наталья Юрьевна Гусевская,

канд. пед. наук,
зав. кафедрой международного права и международных связей,
Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия,
e-mail: gusnat1@rambler.ru

Российско-китайское взаимодействие в сфере образования: проблема сохранения паритета

В контексте исторической ретроспективы в статье рассматривается вопрос о роли образования в развитии российско-китайских отношений с конца XIX в. Автор отмечает, что вовлечённость России в проблемы образования и культуры в Китае во многом определялась российскими геополитическими императивами в регионе. В статье установлено, что в ретроспективе российско-китайских отношений образование являлось одним из инструментов непрямого воздействия на взаимоотношения двух государств.

Ключевые слова: Россия, Китай, образование, «мягкая сила», международные отношения

Natalia Yur'evna Gusevskaya,

Candidate of Pedagogy,
Head the Department of International Law and International Relations,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: gusnat1@rambler.ru

Russian-Chinese Educational Cooperation: the Challenge of Maintaining Parity

The article deals with the role of education in the development of Russian-Chinese relations since the end of the 19th century in the context of historical retrospect. The author noted that Russia's involvement in the problems of Chinese education and culture was largely determined by Russian geopolitical goals in the region. The article reveals that in the retrospective of Russian-Chinese relations education was one of their instruments of indirect impact on relations between the two powers.

Key words: Russia, China, education, "soft power", international relations

Образование представляет собой важнейший государственный и социальный институт, без которого невозможно поступа-

тельное развитие человеческих ресурсов – главного актива современного государства. С этой точки зрения вклад России в развитие образования в КНР является важным аспектом истории их взаимоотношений. В контексте формирования современного азиатского вектора российской внешней политики и необходимости упрочения международного положения России в Восточной и Центральной Азии рассмотрение исторического опыта взаимодействия в принципиально значимой для человека и государства образовательной сфере представляется актуальным и необходимым.

Нужно отметить, что устойчивые культурные контакты России и Китая прослеживаются с середины XVII в. С начала следующего столетия они определялись деятельностью Пекинской духовной миссии, которая сыграла ведущую роль в развитии российско-китайских культурных и научных связей.

Вовлечённость России в проблемы образования и культуры в Китае во многом определялась российскими геополитическими императивами в регионе. Эти вопросы стали подниматься по мере экспансии Российской империи в Восточную Азию в последней четверти XIX в.

Важным рубежом развития российско-китайских отношений в области образования стало строительство КВЖД начале XX в. на северо-востоке Китая, когда возникла необходимость в ускоренной подготовке специалистов для обслуживания данного объекта. Сначала в Харбине, а затем в Тяньцзине и Шанхае стали открываться российские учебные заведения, которые во многом соответствовали подобным учреждениям из дореволюционной системы образования в России и работали по её программам. Существовала преемственность традиций и методов российского образования. Для чтения лекций приглашались известные российские ученые и педагоги [2].

После открытия движения по КВЖД в 1904 г. на всей территории Китая было открыто более 30 русских учебных заведений разного профиля, а также ряд учебных подразделений по обучению русскому и китайскому языкам [4]. По линии железной дороги и в Харбине по образцу российских заведений создавались учреждения просвещения, здравоохранения, связи на средства Управления железной дорогой и частных пожертвований.

Первая русская школа в Маньчжурии была открыта в 1898 г. в Старом Харбине. Начальное училище, открытое на средства КВЖД, возглавил педагог И. С. Степанов [5]. В 1907 г. в ведении Управления КВЖД состояло двадцать начальных училищ – 11 одноклассных и 9 двухклассных. Начальные училища на КВЖД имели шестилетний курс обучения. В одноклассных училищах действовало три последовательных отделения, в зависимости от уровня образования учащихся. В каждом отделении обучение продолжалось два года. Обучение велось на русском языке, что очень важно. Управление железной дорогой уделяло значительное внимание организации школьного дела. Для привлечения опытных учителей создавались благоприятные материальные условия. К 1914 г. часть училищ, подчинённых Управлению дороги, перешло в ведомство Министерства народного просвещения, в том числе частные женские учебные заведения в Харбине – прогимназия М.С. Генерозовой (1903 г.) и гимназия М. А. Оксаковской (1906 г.). Харбинские учебные заведения формально подчинялись главной инспекции училищ Приамурского генерал-губернатора. Учебные заведения, расположенные в районе посёлка Маньчжурия, находились в ведении Иркутского генерал-губернатора [9].

После Октябрьской революции 1917 г. культурные и образовательные связи развивались стабильно и эффективно, начали работать «Всесоюзное общество культурной связи с заграницей», «Общество культурной связи Китая и СССР, в рамках которых были созданы клубы по изучению русского языка. Наладился научно-образовательный обмен между вузами СССР и Китая. Советское правительство с целью поддержать антиколониальное народное движение 21 апреля 1921 г. открыло в Москве Коммунистический университет трудящихся Востока. В 1923 г. туда прибыла группа китайских коммунистов во главе с одним из создателей КПК Чжао Шиянем. С марта 1923 г. по сентябрь 1924 г. при содействии Коминтерна и советского правительства университет принял для обучения три группы общей численностью около ста человек. В 1925 г. с целью подготовки кадров для Гоминьдана и КПК советское правительство приняло решение о создании в Москве Университета трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (в апреле 1928 г. университет был переименован в Коммунистический

университет трудящихся Китая). В 1925–1930 гг. через университет прошло более 1000 членов КПК –Е Тин, Гуань Сянъин, Ван Цзясян, Цинь Бансянь, Ван Мин, Цзо Цюань, У Ланьфу, Ши Чжэ, Ян Шанкунь, Чэнь Гэн, У Сюцюань, Чэнь Бода, Лю Бочэн, Кай Фэн, Е Цзяньин и другие составили ядро КПК в период от её образования и до полной победы во всём Китае [10].

В этот период особенно интенсивно развилось образовательное сотрудничество с Северо-Востоком Китая. В связи с востребованностью специалистов для обслуживания КВЖД 18 октября 1920 г. в г. Харбине открылся Русско-Китайский индустриально-транспортный техникум КВЖД, по статусу приравненный к высшему специальному учебному заведению. Его целью являлась подготовка будущих русских и китайских инженеров, «полезных краю и Китайской Восточной железной дороге [4]. Директором техникума избран инженер путей сообщения А. А. Щелков.

В 1922 г. на базе указанного техникума открылся Русско-Китайский политехнический институт (ставший в 1928 г. Харбинским политехническим институтом), в котором действовала дореволюционная модель российского образования. Использование в Харбинском политехническом институте классической системы обучения, применение учебных планов, программ и университетского Устава, разработанных ещё в Российской империи, обеспечивали высокий образовательный ценз получаемых студентами знаний и технических навыков. Курс обучения увеличился до пяти лет. Преподавание велось с «трёхязыковым профилированием студентов на русском, английском и китайском языках. В методах обучения сохранялась ориентация на практическую направленность, принятая в традиционной классической «системе русского образования. С 1925 г. лучшие выпускники оставались в институте для проведения научных исследований и преподавания. После 1949 г. этот принцип организации учебного процесса, характерный для наиболее продвинутых образовательных и научно-исследовательских учреждений СССР переняли во многих китайских университетах [13].

После образования Китайской Народной Республики на учебу в Советский Союз в большом количестве направлялись избранные представители китайской молодёжи. Согласно статистике, в

1950 г. в СССР обучалось 400 студентов из Китая, что составило 6,4 % от общего числа студентов из-за рубежа; в 1960 г. – 900 студентов и, соответственно, 9,7 %. Народное образование КНР с 1949 до середины 1950-х гг. в общих чертах проходило тот же путь, что и социалистическая система образования в СССР [1]. В итоге высшее образование Китая было реструктурировано по советскому образцу: установлены специальности и специализации, подготовка по которым осуществлялась в соответствии с учебными планами, заимствованными у Советского Союза.

Позже политическая и экономическая напряжённость между двумя государствами негативно отразилась на расширении взаимодействия в области культуры и образования СССР и КНР. Период 1960–1970-х гг. характеризуется значительным уменьшением советско-китайского взаимодействия во всех сферах, в том числе культурной и образовательной. Использование опыта Советского Союза подверглось острой критике китайскими теоретиками за отсутствие адаптации к китайским реалиям [14].

Изменения в политике, экономике и культуре Китая в 1970–1980-х гг. оказали влияние на отбор и развитие модели высшего образования в пользу западного образца образовательной системы. И всё же необходимо подчеркнуть, что советское профессиональное образование на протяжении XX в. неоднократно рассматривалось в качестве объекта изучения китайских

Нужно отметить, что происходящие в настоящее время в Китае и в России изменения неизбежно отражаются на формате образовательного сотрудничества. Сверхбыстрый рост экономики Китая, сохраняющийся в течение 30 с лишним лет, позволил КНР стать сильным игроком на мировом рынке. Быстрое превращение Китая в одну из ведущих мировых держав оказало влияние на стратегии и китайских вузов, и китайских абитуриентов в отношении российских университетов.

К сожалению, приходится констатировать, что в новой «большой игре» Россия очевидно отстает от своего соседа. Во-первых, в результате целенаправленной и последовательной государственной политики КНР в сфере образования происходит динамичное развитие китайских университетов. Нарращивание материально-технической базы вузов, строительство современных кампусов

является результатом и государственных инвестиций, и экономической свободы университетов. «Китайские университеты стали символами национальных амбиций. Интенсивно развивающаяся система высшего образования в КНР уже опередила по количественным показателям все страны мира [6]. Соответственно, Китай теперь может гораздо полнее удовлетворять потребности собственных и иностранных граждан в получении высшего образования и экспортирует свои образовательные услуги уже в Россию.

Важным фактором, определяющим выбор образовательных учреждений, становится рост благосостояния китайских граждан. Начиная со второго полугодия 2013 г. экономический рост в КНР опирается, главным образом, «на внутренний спрос, в том числе на инвестирование и потребление [12]. Нужно отметить, что и раньше китайские студенты активно получали образование за рубежом – в США, европейских странах, Австралии и пр. Теперь эти образовательные услуги, достаточно дорогие, доступны большому числу китайских абитуриентов. В связи с этим теряется конкурентное преимущество российских вузов – более низкая стоимость обучения.

На неутешительные результаты российской образовательной мягкой силы оказывает влияние языковой фактор. Во-первых, с 1978 г. началом политики реформ и открытости в начальных и средних школах Китая почти исключительно в качестве иностранного языка стал преподаваться английский, вследствие чего выпускники средних и высших учебных заведений для продолжения учебы за границей выбирают вузы США, Великобритании и других стран Запада [11]. По данным Россотрудничества, число изучающих русский язык в КНР постоянно сокращается. Значит, сокращается и число потенциальных иностранных абитуриентов российских вузов. Если полвека назад Советский Союз был практически монопольной кузницей кадров с высшим образованием для КНР, то сейчас Россия контролирует лишь 1,5–2 % этого рынка [3]. Отметим с сожалением, что это не только упущенная экономическая выгода, но и упускаемые политические возможности «мягкого влияния Российской Федерации.

В свою очередь, КНР во главу в своей внешнеполитической деятельности ставит как раз продвижение мягкой силы Китая посредством создания институтов Конфуция в России, в задачи которых ставится распространение китайского языка и китайской культуры за границей, формирование привлекательного имиджа Китая в РФ, создание условий для активизации «экономического сотрудничества. Фактически институты Конфуция стали частью так называемой китайской «народной дипломатии.

Первый институт Конфуция появился в нашей стране в 2006 г. в Российском государственном гуманитарном университете в Москве. С тех пор в России «пустили корни 18 институтов и 4 класса Конфуция [8]. Заметим, однако, что активная деятельность институтов Конфуция в нашей стране не сопровождается столь же активной работой соответствующих ведомств Российской Федерации по созданию в КНР центров изучения русского языка. Это нарушает один из важнейших принципов международных отношений, а именно взаимность.

Таким образом, анализ последних 100–150 лет российско-китайского взаимодействия России и Китая в области образования и культуры приводит к неутешительному выводу не только о потере Россией некогда лидирующих позиций, но и возникновении объективной опасности в свою очередь стать «лёгкой добычей китайской мягкой силы.

Список литературы

1. Аликберова А. Р. Анализ российско-китайских отношений в области образования на современном этапе (региональный аспект) // Казанская наука. 2013. № 5. г. Казань: Казанский издательский дом, 2013. С. 24–27.
2. Антиповский А. А., Боровская Н. Е., Франчук Н. В. Политика в области науки и образования в КНР. 1949–1979 гг. М.: Наука, 1980. 288 с.
3. Гарусова Л. Н., Сухая А. Е. Интернационализация высшего образования и международная деятельность университетов российского Дальнего Востока [Электронный ресурс] // Территория новых возможностей. 2014. № 2. Режим доступа: <http://www.puma/article/n/internatsionalizatsiya-vysshego-obrazovaniya-i-mezhdunarodnayadeyatelnost-universiteto-v-rossiyskogo-dalnego-vostoka> (дата обращения: 29.11.2017).

4. Карнаух Н.В., Ху Мин. Россия и Китай: исторические аспекты сотрудничества в области высшего образования // Вектор науки Тольят. гос. ун-та. Сер.: Педагогика, психология. 2011. № 2. С. 234–237.
5. Лазарева С.И., Шпилева А.Н. Российская эмиграция и развитие образования в Маньчжурии в 20–40-х гг. XX в. // Ойкумена. 2013. № 3. С. 94–102.
6. Помпелова Ю.П. Высшее образование для национальных меньшинств в КНР // Вестник Минск. ун-та. 2014. № 1. С. 20.
7. Путин В. Россия и меняющийся мир // Российская газета. 2012. 27 февр.
8. Румянцев Е.Н. Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина. – М.: Синосфера, 2016.
9. Соколовский П. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае. Харьков, 1914 г. С. 118;
10. Цао Тинцзюнь, Се Юнли, Ван Юйвэнь. Укреплять сотрудничество Китая и России в сфере высшего образования – воспитывать кадры, отвечающие условиям «регионализации и «интернационализации // Научно-образовательное и культурное сотрудничество стран – участниц ШОС. XII Междунар. науч.-практ. конф. 21–23 мая 2014 г. Чита: ЗабГУ. Ч. I. С. 7–17.
11. Цзея Л. Развитие российско-китайских отношений в области образования // Образование и наука. 2013. № 10. С. 91–104.
12. Цзунь Фэн. Развитие китайской экономики умеренно форсируется // Китай. 2013. № 7. С. 27.
13. Manchuria: s Higher Education in ‘Yuiaka. 13.Otsuka, Japan Involvement with Some Historical Lessons from an Imposed Educational Cooperation // Education, Culture and Identity in Twentieth-Century China. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2001. P. 57.
14. Peppere Suzanne. Radicalism and Education Reform in 20-th Century China. Yanbridge University Press, 1996. P. 160.

УДК 332.1

Ирина Александровна Забелина,

канд. экон. наук,
научный сотрудник, доцент,
Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН;
Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия,
e-mail: i_zabelina@mail.ru

Оценка качества экономического роста в приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока¹

В статье выполнена оценка качества экономического роста в восточных регионах трансграничного взаимодействия с КНР на основе индикатора «эко-интенсивность». Установлено, что в большинстве из них на каждую тысячу добавленной стоимости образуется больше выбросов загрязняющих веществ, чем в среднем по РФ. На примере одного из регионов (Забайкальский край) показано, что индикатор «эко-интенсивность» может также использоваться на муниципальном уровне.

Ключевые слова: регион, трансграничное взаимодействие, качество экономического роста, эко-интенсивность, негативное воздействие на окружающую среду

Irina Alexandrovna Zabelina,

Candidate of Economic Sciences,
researcher, associate professor
Institute of natural resources, ecology and cryology SB RAS;
Zabaikalsky State University, Chita, Russia,
e-mail: i_zabelina@mail.ru

Estimation of Economic Growth Quality in Border Regions of Siberia and Far East

Using the indicator «eco-intensity» we estimated the growth quality in the Eastern border regions of Russia. The results of estimation shown that in most part of them eco-intensity of air pollutant emissions was higher than average value for Russian Federation. By the example of Trans-Baikal Territory we demonstrated that the indicator «eco-intensity» also can be used at the municipal level.

Key words: region, cross-border cooperation, quality of growth, eco-intensity, environmental pressure

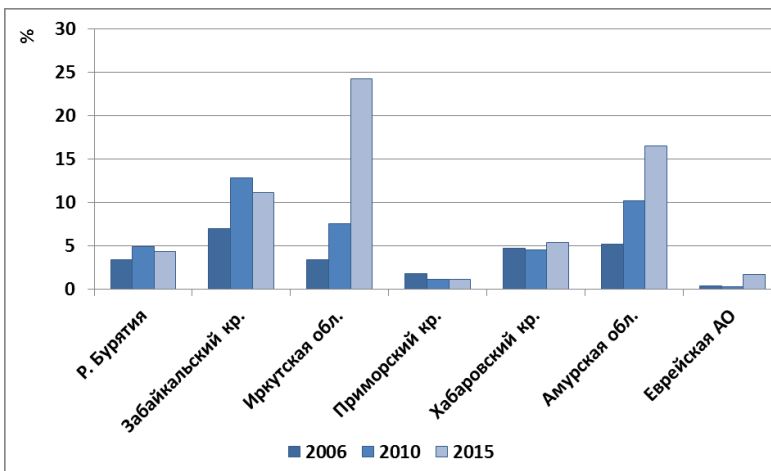
---

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований СО РАН (XI.174.1).

В настоящее время ввиду существования особых геополитических интересов РФ в АТР особое внимание уделяется развитию трансграничного сотрудничества. Основным внешнеторговым партнёром восточных регионов является Китай, который в последние годы активно продвигает инициативу «Экономический пояс Шелкового пути...». В соответствии с данной концепцией стратегические интересы КНР существенно выходят за её границы и сосредоточиваются на территории других стран. По некоторым оценкам этот проект охватывает 43 % мировой территории и 67 % численности населения [133]. Очевидно, что столь масштабная инициатива не может не оказать некоторого влияния на экономическое развитие приграничных регионов Сибири и Дальнего Востока. Именно в них в последние годы реализуются совместные российско-китайские проекты, направленные преимущественно на добычу и переработку природных ресурсов [6].

В этой связи исследуются различные аспекты взаимоотношений двух стран. Например, в работе [4] выполнен анализ влияния эффекта приграничности на инвестиционные процессы, который показал, что приграничное положение не меняет тенденцию общего отставания восточных регионов от среднероссийского уровня. В других работах рассматриваются эколого-экономические аспекты российско-китайского взаимодействия. В статье [5] показано, что удельные показатели экологической нагрузки в приграничных регионах РФ по некоторым видам загрязнений существенно выше, чем в регионах КНР, что означает для России более высокий уровень негативного воздействия на природные среды в расчёте на единицу экономического результата. Основной целью данного исследования является оценка качества экономического роста в регионах трансграничного взаимодействия на основе индикатора «эко-интенсивность».

В последние годы наметилась тенденция возрастания роли минерально-сырьевого комплекса в развитии экономики восточных приграничных регионов России. Об этом свидетельствует, прежде всего, увеличение доли добычи полезных ископаемых в ВРП большинства регионов (см. рис. 1).

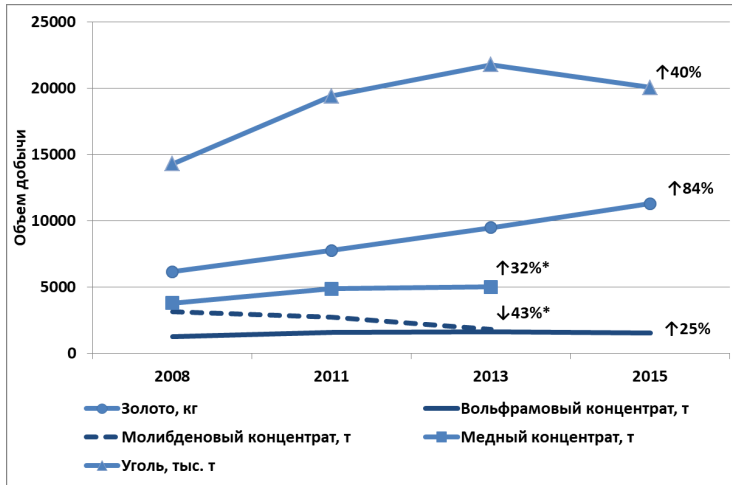

Рис. 1. Доля ВЭД «Добыча полезных ископаемых» в ВРП регионов трансграничного взаимодействия с КНР

Наиболее заметное расширение добывающего сектора в структуре экономики наблюдается в Амурской и Иркутской областях, в которых доля данного ВЭД выросла более чем в 3 и 7 раз соответственно. В Амурской области большое количество инвестиционных проектов сосредоточено в сфере добычи не топливно-энергетических полезных ископаемых (в том числе золота), начата реализация проекта по созданию горно-металлургического кластера в Приамурье с перспективой экспорта продукции в КНР [10]. В Иркутской области продолжается последовательный рост объемов добычи жидких углеводородов, природного газа, а также отмечается увеличение золотодобычи [9].

В Забайкальском крае, где вклад ВЭД «Добыча полезных ископаемых» вырос в 1,6 раза, существенно увеличился объем добычи полиметаллических руд на Ново-Широкинском руднике [8]; расширяется золото- и угледобыча [11]; работает в тестовом режиме горно-обоганительная фабрика на Найон-Тологойском месторождении полиметаллических руд [12], а также запущен Быстринский горно-обоганительный комбинат [2]. В последние годы в регионе наблюдался заметный рост объемов добычи ос-

новых полезных ископаемых: золота (как рудного, так и россыпного), вольфрамового и медного концентрата, а также угля (см. рис. 2).

Рис. 2. Объёмы добычи минерально-сырьевого комплекса Забайкальского края по основным видам минерального сырья¹

Вместе с тем деятельность по добыче полезных ископаемых, наряду с электроэнергетической отраслью, остаётся одним из основных загрязнителей окружающей среды в регионах. Так, на долю горнодобывающих предприятий Забайкальского края приходится более 20 % общего объёма выбросов от стационарных источников, 70 % сбросов загрязнённых сточных вод и 90 % отходов производства и потребления (большая часть которых представляют собой отходы 5-го класса). Загрязняющие вещества, накапливаясь в природных средах, негативно влияют на здоровье и благосостояние местного населения [7]. Таким образом, особую актуальность приобретают исследования, направленные на оценку качества экономического роста.

Эко-интенсивность определяет степень негативного воздействия на природные ресурсы и среды в расчёте на единицу эконо-

¹ Изменение показателя представлено за период с 2008 по 2013 гг.

мического результата и позволяет оценить, насколько затратным является экономический рост с точки зрения потребления экологических благ [1]:

$$E_i^j = P_i / Y_i,$$

где E_i^j – эко-интенсивность соответствующего вида воздействия; P_i – соответствующая экологическая нагрузка; Y_j – соответствующий экономический результат.

В качестве экономического результата можно рассматривать не только объём добавленной стоимости, но и такие показатели, как вклад в создание новых рабочих мест, отчисления в бюджетную систему, и др. Основным измерителем уровня экономического развития региона, как правило, выступает валовой региональный продукт (ВРП), который может использоваться при расчёте показателей эко-интенсивности как полученный в процессе производственной деятельности экономический результат.

Таблица сравнительного анализа показателей эко-интенсивности выбросов загрязняющих веществ в атмосферу и сбросов загрязнённых сточных вод показывает, что в большинстве регионов трансграничного взаимодействия с КНР на каждую тысячу добавленной стоимости образуется больше загрязняющих веществ, чем в среднем по РФ.

Таблица 2

Эко-интенсивность сбросов загрязнённых сточных вод, общих выбросов и выбросов наиболее распространённых загрязняющих веществ, 2015 г.

Регион	Выбросы	Сбросы	Диоксид серы	Окислы азота	Оксид углерода	Твёрдые вещества
	кг/тыс. р.	м ³ /тыс. р.	г/тыс. р.			
Амурская обл.	0,46	0,26	79,46	54,90	171,20	145,55
Еврейская АО	0,41	0,30	51,26	28,97	155,99	171,59
Забайкальский кр.	0,48	0,14	133,41	59,88	107,70	165,16
Иркутская обл.	0,63	0,50	218,24	100,74	182,33	92,94

Приморский кр.	0,27	0,41	81,63	32,23	46,47	90,84
Р. Бурятия	0,53	0,19	213,56	68,57	96,98	126,86
Хабаровский кр.	0,20	0,30	32,89	42,34	43,04	49,17
РФ	0,27	0,22	62,91	27,43	73,65	27,93

При этом фактически во всех регионах эко-интенсивность выбросов твёрдых веществ в атмосферу превышает среднероссийский уровень в 3–6 раз.

Данный индикатор также может быть использован на муниципальном уровне [5]. Однако территориальные органы Федеральной службы государственной статистики не публикуют данные по объёму добавленной стоимости в разрезе отдельных муниципальных районов. С учётом доступности и полноты статистической информации в качестве показателей, характеризующих экономический результат в муниципальных районах, могут рассматриваться следующие:

- объём отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг по трём видам экономической деятельности: добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды;

- численность занятых в экономике.

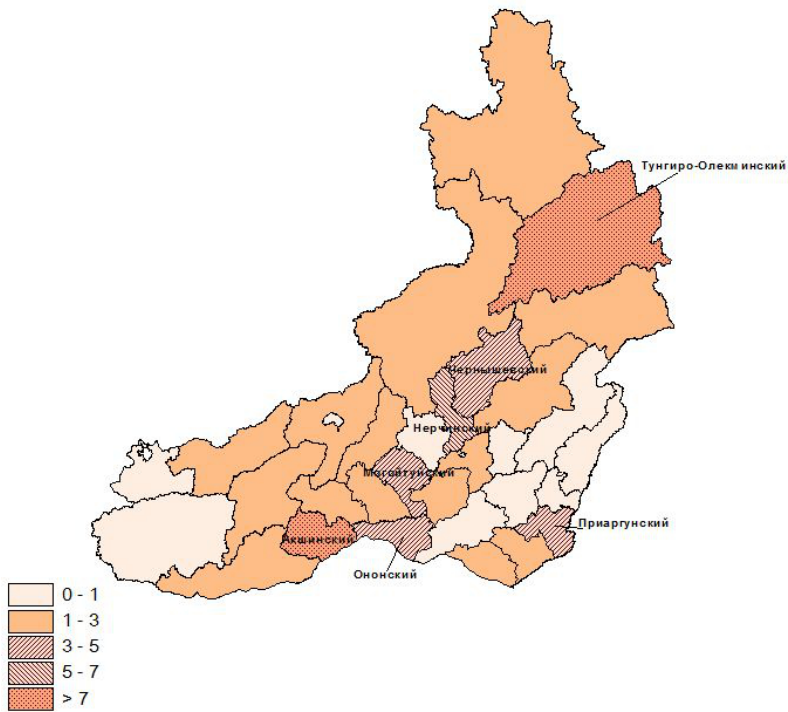
Для Забайкальского края и его муниципальных районов были рассчитаны следующие показатели эко-интенсивности загрязнения атмосферы:

$$E_E^{OUN} = \frac{\text{Выбросы загрязняющих веществ}}{\text{Объём отгруженных товаров, работ, услуг}} .$$

$$E_E^L = \frac{\text{Выбросы загрязняющих веществ}}{\text{Численность занятых в экономике}} .$$

В большей части муниципальных районов эко-интенсивность, рассчитанная на объём отгруженных товаров, работ и услуг (см. рис. 3), превышает средние значения по Забайкальскому краю (0,7 кг/тыс. р.) преимущественно более чем в 2 раза.

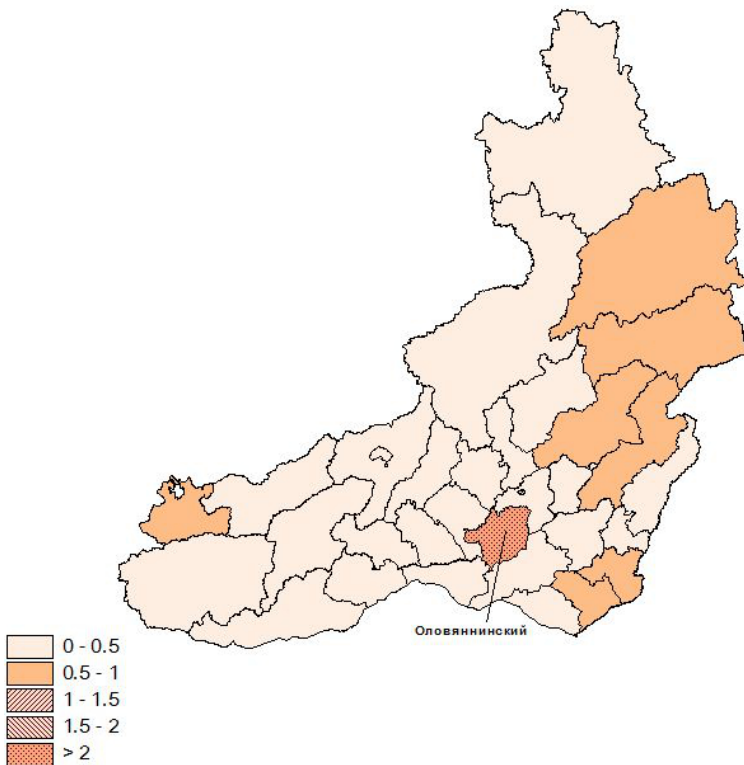

Рис. 3. Распределение показателя (эко-интенсивность выбросов загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников, характеризующая негативное воздействие в расчёте на тыс. р. объёма отгруженных товаров, работ, услуг) по муниципальным районам Забайкальского края, 2015 г., кг/тыс. р.

Эко-интенсивность, рассчитанная на 1 занятого в экономике, характеризует соотношение между полученными в распоряжение населения рабочими местами, которые будут использованы для получения доходов населения, и объёмом выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, часть из которых может оказывать негативное воздействие на здоровье проживающего на определённых территориях населения. Максимальные значения эко-интенсивности (0,47–3,01 т/чел.) сопровождают хозяйственную деятельность в 9 районах края (см. рис. 4): Александрово-Заводский

район, Газимуро-Заводский район, Город Краснокаменск и Краснокаменский район, Каларский район, Могочинский район, Оловянинский район, Петровск-Забайкальский район, Приаргунский район, Сретенский район и Тунгиро-Олекминский район (малонаселённый район).

Рис. 4. Распределение показателя (эко-интенсивность выбросов загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников, характеризующая негативное воздействие в расчёте на 1 занятого в экономике) по муниципальным районам Забайкальского края, 2015 г., т/чел.

Рассмотренные индикаторы эко-интенсивности могут способствовать диагностике экологически неравноценного обмена в тех регионах (или муниципальных районах), в которых продукция

добывающего сектора экономики поставляется за его пределы. Высокие показатели эко-интенсивности могут означать, что при низком экономическом результате оказывается значительное негативное воздействие на определённую территорию, а основная цепочка создания высокой добавленной стоимости находится за её пределами. Если динамика показателей в процессе экономического развития будет ухудшаться, то необходим дальнейший анализ ситуации и установления причин, по которым увеличивается эко-интенсивность экономики. Если ситуация смещается в сторону экологически неравноценного обмена, то требуется выработка дополнительных мер со стороны органов государственной власти, позволяющих предотвратить несправедливое распределение благ.

Список литературы

1. Бобылев С. Н., Макеенко П. А. Индикаторы устойчивого развития России (эколого-экономические аспекты). М.: ЦПРП, 2001. 220 с.
2. Быстринский ГОК: Первый запуск [Электронный ресурс] // Городской портал Чита.ру. Режим доступа: <https://www.chita.ru/articles/108653/> (дата обращения: 21.02.2018).
3. Глазырина И. П., Забелина И. А., Клевакина Е. А. Экологическая составляющая экономического развития: приграничные регионы России и Китая // ЭКО. 2014. № 6. С. 5–24.
4. Глазырина И. П., Фалейчик А. А., Фалейчик Л. М. Приграничное сотрудничество в свете инвестиционных процессов: пока минусов больше, чем плюсов // ЭКО. 2011. № 9. С. 51–70.
5. Забелина И. А., Клевакина Е. А. Экологические показатели качества экономического роста в Забайкальском крае // Вестник Забайкал. гос. ун-та. 2016. Т. 22. № 3. С. 101–111.
6. Ломакина Н. В. Промышленное развитие Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая: цели, результаты и возможности для сотрудничества // ЭКО. 2014. № 6. С. 25–39.
7. Мкртчян Г. М., Тагаева Т. О. Экологическая политика: на пути к устойчивому развитию // ЭКО. 2012. № 7. С. 119–135.
8. Ново-Широкинский рудник изнутри: обогатительная фабрика [Электронный ресурс] // Городской портал Чита.ру. Режим доступа: <https://www.chita.ru/articles/89997/> (дата обращения: 21.11.2017).
9. Пояснительная аналитическая записка по итогам социально-экономического развития Иркутской области за 12 месяцев 2016 г. [Электронный ресурс] // Официальный портал Иркутской области. Режим доступа: <http://www.irkobl.ru/region/economy/strategy> (дата обращения: 17.02.2018).

10. Программа социально-экономического развития Амурской области на 2013–2017 годы [Электронный ресурс] // Официальный сайт М-ва экономического развития Амурской области. Режим доступа: <http://www.mer.amurobl.ru/ru/sections/55> (дата обращения: 17.02.2018); Инвестиционные проекты [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Амурской области. Режим доступа: <http://www.invest.amurobl.ru/info/investor-projects/> (дата обращения: 17.02.2018).

11. Степанова М. Горнодобывающая отрасль остаётся опорой экономики края [Электронный ресурс] // Официальный сайт рекламного информационного агентства «Медиатор». Режим доступа: <http://www.mediator-rus.com/images/Zabaykalsky-September-2015.pdf> (дата обращения: 21.02.2018).

12. Фабрика на Нойон-Тологое в Забайкалье запустится в 2017 г. спустя 7 мес. тестовой работы [Электронный ресурс] // Городской портал Чита.ру. Режим доступа: <https://www.chita.ru/news/92244/> (дата обращения: 21.12.2017).

13. Dong S., Li Z., Li Y., Shi G., Yu H., Wang J., Li J., Mao Q., Huang Y. Resources, Environment and Economic Patterns and sustainable development modes of the Silk Road Economic Belt // Journal of Resources and Ecology. 2015. Vol. 6. № 2. P. 65–72.

УДК 327.8

Наталья Александровна Казанцева,
канд. полит. наук,
доцент кафедры востоковедения и
регионоведения Северной Америки,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: nakazantseva79@inbox.ru

Канадо-китайские отношения: история и современность

В статье анализируются основные этапы развития канадо-китайских отношений. Выделяются основные внутренние и внешние факторы, отмечается доминирующее значение американского фактора, влияющего на вектор развития данных отношений.

Ключевые слова: канадо-китайские отношения, политика «непризнания Китая», политика «единого Китая», стратегия «Большого Китая», диверсификация торгово-экономических отношений

Natalja Aleksandrovna Kazantseva,
candidate of political sciences
assistant professor of Oriental and North American
Regional Studies Department,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
nakazantseva79@inbox.ru

Canada-China Relations: History and the Present Time

The article analyzes the main stages in the development of the Canada-China relations. The main internal and external factors, the dominant importance of the American factor which influences the vector of development of these relations are singled out.

Key words: *Canada-China relations, «no-China» policy, «one China» policy, «greater China» strategy, diversification of trade and economic relations*

История канадо-китайских отношений не имеет достаточно долгой истории, но при этом данный вектор внешней политики Канады претерпел значительные изменения. На сегодняшний день вопрос развития канадо-китайских отношений является предметом изучения многих зарубежных и отечественных исследователей (Ч. Бёртон, Ф. Билд, Б. М. Фролик; Е. В. Израелян, Л. А. Немова и др.). При этом в современных условиях рассмотрение данного вопроса актуализируется в связи с растущей экономической и политической мощью Китая, его «массированным проникновением» на внутренний рынок Канады.

Традиционно в историографии канадо-китайских отношений выделяют следующие этапы: непризнание Китая (*no-China policy*); политика единого Китая (*one China policy*); стратегия Большого Китая (*greater China strategy*).

В период 1949–1968 гг. политику канадского правительства в отношении молодой Китайской народной республики характеризовали как «политику непризнания Китая» в связи с международной изоляцией китайского государства большинством стран Запада. Позиция правительств Л. С. Лорана (1948–1957 гг.), Дж. Дифенбакера (1957–1963 гг.), Л. Пирсона (1963–1969 гг.) по данному вопросу не отличалась разнообразием. Все премьер-министры осознавали необходимость признания Коммунистической

партии Китая (КПК) законным правительством КНР, однако на тот момент это не нашло реального отражения в официальной политике Оттавы в отношении Пекина.

В данном контексте можно выделить ряд внутренних и внешних причин. К числу внутренних причин относят антикоммунистические настроения среди канадского населения, внутриканадскую апатию в отношении китайского вопроса и, как следствие, отсутствие единого взгляда по вопросу признания КНР. Главной внешней причиной являлась позиция США, осуждающая режим КПК и участие Китая в Корейской войне. Принимая во внимание существующие причины, федеральные власти Канады предпочли переложить ответственность за признание Китая следующим администрациям. С одной стороны, отсутствие поддержки внутри страны могло бы ослабить позиции федерального правительства на внутриканадском уровне. С другой стороны, правительства С. Лорана, Дж. Дифенбакера, Л. Пирсона не были готовы поставить под угрозу свои отношения с могущественным соседом в лице США [14].

Однако, несмотря на отсутствие политического взаимодействия между правительствами Китая и Канады, во время правления Дж. Дифенбакера было инициировано двустороннее экономическое взаимодействие между странами. В качестве главного инициатора выступил министр сельского хозяйства Канады Э. Гамильтон. Нехватка продовольствия в Китае, вызванная политикой «Большого скачка», предоставляла Канаде большие возможности для решения финансовых, внутренних и международных вопросов. Политика правительства Дж. Дифенбакера вошла в историю как дипломатия пшеницы (*wheat diplomacy*). Соглашение о поставках пшеницы, достигнутые между правительствами Китая и Канады, получило значительную внутреннюю политическую поддержку правительства Дж. Дифенбакера особенно в Западных провинциях Канады. Кроме того, экономическое взаимодействие между двумя странами могло оказаться полезным в целях установления дипломатических отношений, поскольку заключённые контракты стали хорошей основой для развития доверительных отношений между Канадой и Китаем, что является значительным преимуществом, учитывая внутреннее подозрение Китая в отношении иностранцев.

Кардинальные изменения в решении китайского вопроса в канадской федерации произошли после прихода к власти П. Э. Трюдо в 1968 г. Как отмечает А. Лоуренс Хинь-Ки, правительство П. Э. Трюдо продемонстрировало иной подход по установлению дипломатических отношений с Китаем, отличный от предыдущих администраций. Американский фактор, долгое время оказывающий колоссальное влияние на различные сферы канадского государства, уступил место экономическим интересам самой Канады. Впервые в истории страны П. Э. Трюдо принял решительные меры для преодоления исключительной ориентированности Канады на США. В своей внешней политике администрация П. Э. Трюдо взяла курс на диверсификацию международных отношений Канады, снижение зависимости и уязвимости Канады перед Соединенными Штатами и их внешней политикой. Таким образом, правительство Трюдо предложило 3 стратегии: «повышение национальной осведомленности среди канадцев; реструктуризация процесса принятия решений в сфере внешней политики для долгосрочного планирования целей; расширение внешних контактов в Атлантическом и Тихом океанах, уделяя особое внимание Европейскому сообществу и Японии» [4].

Как отмечает Э. А. Бабаев, основные интересы Канады в АТР в 1970 гг. сводились к следующему:

1. Расширение торговых отношений.
2. Содействие свободному передвижению и обмену туристами.
3. Поощрение взаимных инвестиций.
4. Создание межправительственной кооперации.
5. Взаимодействие между правительством и деловыми кругами [2].

В связи с этим установление дипломатических отношений с Китаем рассматривалось правительством П. Э. Трюдо не только как возможность расширения сферы международных отношений Канады в Тихом океане, но и как стимул дальнейшего развития деловых отношений, зародившихся между странами во времена Дж. Дифенбакера. Российский исследователь Э. А. Бабаев образно заметил: «несмотря на различия в менталитете людей Запада и Востока, пришло осознание того, что торговые связи важны для обеих сторон» [3].

Таким образом, в октябре 1970 г. Канада установила дипломатические отношения с Китаем. Кроме того, в 1971 г. канадские представители в Организации Объединённых Наций активно поддержали вступление КНР, а также проголосовали за предоставление ей места в Совете Безопасности ООН.

Успех установления дипломатических отношений между Канадой и Китаем стал своеобразным катализатором проведения и установления аналогичных двусторонних переговоров для других государств. Впоследствии «канадская формула» использовалась целым рядом государств в их собственных двусторонних переговорах по признанию Китая [15].

Несмотря на дипломатические успехи правительства П. Э. Трюдо, в 1970-х гг. не произошло ожидаемого активного роста торгово-экономических отношений между странами. В 1973 г. премьер-министр Канады посетил Китай с официальным визитом, в ходе которого было подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, после чего местный рынок становился более открытым для канадской высокотехнологичной продукции. Как отмечает Э. А. Бабаев, основой канадского экспорта в Китай на протяжении 1970-х гг. продолжала оставаться пшеница. Экспорт готовых изделий ограничивался самым минимумом [4].

В данном контексте также важно отметить, что в 1970–1980 гг. шло поступательное развитие политических, экономических и социокультурных отношений между двумя странами. При этом, по мнению Э. А. Бабаева, «каждая сторона в рамках этого диалога параллельно преследовала и собственные прагматичные цели». Канадское правительство стремилось, в первую очередь, наращивать торгово-экономические связи, а китайское руководство пыталось использовать социокультурный аспект преимущественно в политических целях – для решения проблемы воссоединения Китая и пропаганды собственной идеологии. Канаде в этом процессе отводилась роль посредника, своеобразного «моста» между КНР и США [5].

Анализируя подходы правительства П. Э. Трюдо в решении «китайского вопроса», необходимо отметить, что в начале 1970-х гг. правительство Канады не только отошло от политики «непризнания Китая», но и декларировало переход к политике «единого

Китай» (*one-China policy*), согласно которому коммунисты представляют единственное законное правительство. Накануне проведения Олимпийских Игр в г. Монреаль в 1976 г., канадское правительство поддержало решение КПК о запрете участия делегации из Тайваня в качестве представителей «Китайской Республики».

После прихода к власти Б. Малруни в 1984 г. политика Канады в отношении Китая получила название стратегии «Большого Китая» (*greater China strategy*). В этот период произошло расширение отношений между странами на двух уровнях. Правительство Канады стремилось использовать расширение официальной канадской помощи Китаю и неэкономическое взаимодействие как средство дальнейшего участия и установления влияния на процесс принятия решений Пекина [16]. Кроме того, в течение 1980-х гг. поощрялось развитие отношений «негосударственного уровня» между провинциями Канады и китайскими городами, которое рассматривалось как создание дополнительных стимулов для дальнейшего роста на микроуровне.

По мнению А. Лоуренс Хинь-Ки, второй уровень был более спорным в стратегии «Большого Китая», т. к. касался государственного уровня отношений между Канадой, Тайванем и Гонконгом. Хотя премьер-министр Б. Малруни утверждал, что первостепенная власть остаётся за режимом Пекина, его правительство считало возможным дальнейшее расширение контактов Канады с Тайванем и Гонконгом. В данном контексте канадский исследователь подчёркивает, что в 1980-х гг. взаимодействие Канады с двумя островными территориями стало возможным благодаря гибкому подходу Дэн Сяопина к вопросу суверенитета. КПК терпимо относилась к экономическим отношениям с китайскими провинциями, городами, Гонконгом и Тайванем, если они не противоречили целям и задачам руководства в Пекине и не препятствовали развитию экономики страны.

В 1993 г. после победы Ж. Кретъена на парламентских выборах в Канаде канадо-китайские отношения вступили в новую фазу своего развития. Канадская экономика находилась в состоянии затяжной рецессии. В поисках выхода из сложившейся экономической ситуации в стране, премьер-министр инициировал создание «Команды Канады», которая традиционно включала самого пре-

мьер-министра, ключевых министров его кабинета, премьеров провинций и территорий, представителей бизнеса и академических кругов. Цель данной миссии канадского государства заключалась в продвижении канадских экономических интересов, расширении торгово-экономических отношений канадских провинций и территорий в мире. За время правления Ж. Кретьена «Команда Канады» посетила Китай дважды – в 1994 и 2001 гг. Однако заметим, что поставленных целей данная миссия так и не достигла. В самой Канаде достаточно критично относятся к эффективности данных поездок, так как «в последующие годы не появилось достаточных доказательств улучшения ситуации в сфере торговли или инвестиций между Канадой и другими странами», в частности Китаем [17].

Таким образом, весьма активные инициативы, предпринятые в период правления Ж. Кретьена, не привели к значительным изменениям в сфере торговли и доле канадских инвестиций на китайском рынке. Как отмечает Ч. Бёртон, согласно официальным данным, в период 1997–2006 гг. доля Канады в импорте Китая неуклонно сокращалась, достигнув рекордно низкого показателя 0,97 % в 2006 г. [10]. При этом канадский исследователь отмечает, что Австралия, значительно отличающаяся от Канады, добилась большего профицита в торговле с Китаем и стала основным конкурентом Канады в АТР. Более того, согласно докладу, опубликованному в *Globe and Mail* в 2009 г., в Австралии обучалось 130 тыс. китайских студентов, по сравнению с 42 тыс. студентами в Канаде, хотя в Австралии на 10 млн чел. меньше, чем в Канаде. Также Ч. Бёртон формулирует основные причины, снижающие значимые экономические показатели Канады на китайском рынке:

– торговый дисбаланс. Существующий торговый дисбаланс отражает структурные характеристики канадской экономики по отношению к Китаю в пределах глобальной экономики. Однако данная причина не даёт достаточных оснований рассматривать подобный дисбаланс в торговле как проблему, поскольку отражает экономические принципы глобального рынка;

– слабая производительность Канады. Данный показатель, по мнению экспертов, связан с исключительно китайскими факторами, такими как манипуляция валютными курсами для поддержа-

ния дешевизны китайского экспорта и импорта дорогостоящих товаров, скрытые субсидии китайским государственным предприятиям и субсидии местных органов власти местным предприятиям, действия местных органов власти по недопущению появления канадских предприятий в Китае и т. д.;

– «культура» канадского бизнеса. Считается, что канадцам не хватает видения и драйва, что связано с их опорой на правительственные субсидии и программы стимулирования. Например, в Канадской торговой палате отметили, что «многие компании являются небольшими и не склонными к риску, с ограниченным знанием китайского рынка».

При этом канадский исследователь указывает на тот факт, что в Канаде проживает в пять раз больше людей с китайской родословной, чем в США, поэтому Канада должна иметь значительное преимущество в плане языка, культурного понимания и готовности действовать в китайской среде [11].

В качестве дополнительного стимула развития канадо-китайских отношений Ч. Бёртон также указывает на единодушие среди представителей всех политических партий Канады относительно основных приоритетов этих отношений. К таковым традиционно относятся: поддержка благосостояния благодаря торговле и инвестициям; привлечение высококвалифицированных китайских специалистов; сотрудничество в сфере честной/справедливой торговли, поддержание устойчивости окружающей среды, ограничение распространения болезней, уважение прав человека, борьба с транснациональной преступностью [12].

При этом представители различных политических партий нередко высказывают опасения о предполагаемых нарушениях прав человека в современном Китае. Именно этот вопрос стал причиной разрыва канадо-китайского диалога из-за критики С. Харпера в первые годы его прихода к власти. Однако позже отношения между двумя странами были восстановлены в ходе визитов премьер-министра Канады в Китай в 2009 и 2012 гг. Как отмечает отечественный канадовед Е. В. Израелян, результаты были настолько внушительными, что обе стороны заявляли о «новом этапе сотрудничества» и о «стратегическом партнёрстве», главным образом в области использования канадских природных ресурсов [6].

За последние годы китайская сторона выступила в качестве крупного инвестора в разработку битуминозных песков Альберты и сланцевого газа в Британской Колумбии, были достигнуты договоренности о поставках в Китай урановой руды.

Следуя намеченному курсу, в декабре 2012 г. консервативное правительство С. Харпера одобрило сделки по продаже канадских сырьевых компаний. Первой была покупка китайской государственной корпорацией (*Chinese National Offshore Oil Corporation – CNOOC*) канадской нефтяной компании «Нексен»; второе соглашение касалось приобретения малазийской государственной корпорацией «Петронас» (*Petronas*) канадской компании Прогресс энерджи (*Progress Energy*). Заключение договоренности о поглощении Нексен стало большой победой для китайской компании. Ни Канада, ни иная страна никогда прежде не продавали китайским инвесторам таких крупных активов. Как отмечает Е. В. Израелян, договоренность с Оттавой внушила Пекину надежду на подвижки в деловом сотрудничестве с США[13].

Сменивший С. Харпера на посту премьер-министра Дж. Трюдо также продолжает курс на диверсификацию торгово-экономических партнёров Канады, отдавая предпочтение быстро развивающимся экономикам Китая и Индии. Многие учёные и политики высказывают мнение о необходимости разработки так называемой «азиатской стратегии» Канады, которая бы учитывала большой спрос растущих экономик на энергоносители и сырьё, что позволит в конечном итоге привлечь в Канаду столь необходимый иностранный капитал. Отечественный канадолог Л. А. Немова так же говорит о возможности заключения в ближайшем будущем соглашения о свободной торговле Канады с КНР, которое достаточно активно поддерживается большим бизнесом Канады.

Однако появились достаточные расхождения в оценках перспектив заключения подобного соглашения. Китайская сторона высказывает незамедлительную готовность начать переговоры. В Канаде, в свою очередь, опасаются возникновения вероятных проблем экономического, политического и экологического характера. Кроме того, как и 50 лет назад уровень поддержки канадцами свободной торговли с Китаем заметно упал. В стране достаточно активны противники расширения связей с Китаем, в особенно-

сти «массированного проникновения гигантских корпораций в ресурсные и иные отрасли национальной экономики» [8]. В октябре 2017 г. в Канаде вышел очередной выпуск журнала Института Макдональда-Лорье *Inside Policy*. Часть публикаций журнала, под общим названием «Дракон у ворот» (*Dragon at the Door*), посвящена развитию современных канадо-китайских отношений, доступу китайских корпораций к природным ресурсам Канады, возможным угрозам канадской национальной безопасности со стороны Китая и т. д. [13]. Таким образом, растущее недовольство академических кругов и рядовых канадцев заставляет правительство Дж. Трюдо проявлять осторожность во взаимоотношениях с Китаем. Как отмечает Л. А. Немова, по официальным заявлениям министра международной торговли Х. Фриланд, в Канаде рассматриваются возможности со временем заключить масштабное торгово-экономическое соглашение с КНР, но для этого необходимо заручиться «широкой общественной поддержкой» [9].

Проанализировав эволюцию канадо-китайских отношений, можно сделать вывод о том, что активные действия Канады по признанию Китая, упрочению его позиций в системе международных отношений не были оценены в должной мере: сфера торгово-экономического сотрудничества между государствами так и не получила достаточного развития. При этом на действия Канады и Китая всегда оказывал влияние мощный американский фактор. В своём стремлении выйти из орбиты влияния Вашингтона, преодолеть одностороннюю экспортную ориентированность Канада продолжает осуществлять диверсификацию своих торгово-экономических партнёров, что ведёт к неизбежному сближению с активно развивающимся Китаем. При этом Китай рассматривает Канаду исключительно с прагматических позиций, как «мостик» для развития делового сотрудничества с США.

Список литературы

1. Бабаев Э. А. Канада и страны Азиатско-Тихоокеанского региона: Тенденции последней трети XX века [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. 2011. № 11. С.38. Режим доступа: http://www.vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/babaev_e._a._48_52_11_113_2011.pdf (дата обращения: 15.01.2018).

2. Бабаев Э. А. Канада и страны Азиатско-Тихоокеанского региона: Тенденции последней трети XX века // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. 2011. Вып. 11. С. 40.
3. Бабаев Э. А. Канада и страны Азиатско-Тихоокеанского региона: Тенденции последней трети XX века // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. 2011. Вып. 11. С. 38.
4. Бабаев Э. А. Канада и страны Азиатско-Тихоокеанского региона: Тенденции последней трети XX века // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. 2011. Вып. 11. С. 50.
5. Бабаев Э. А. Китайско-канадские отношения в 70–80-е гг. XX в.: социокультурный аспект // Вестник Красноярск. гос. ун-та им. В. П. Астфьева, 2012. С. 282.
6. Израелян Е. В. Внешняя политика Канады: экономическое измерение // Канада: современные тенденции развития. М.: Весь мир, 2017. С. 268.
7. Израелян Е. В. Внешняя политика Канады: экономическое измерение // Канада: современные тенденции развития. М.: Весь мир, 2017. С. 269.
8. Немова Л. А. Внешнеэкономическая стратегия: курс на диверсификацию // Канада: современные тенденции развития. М.: Весь мир, 2017. С. 197.
9. Немова Л. А. Внешнеэкономическая стратегия: курс на диверсификацию // Канада: современные тенденции развития. М.: Весь мир, 2017. С. 200.
10. Burton Ch. The Canadian Policy Context of Canada's China Policy since 1970 [Электронный ресурс] / The China challenge: Sino-Canadian relations in the 21st century. University of Ottawa Press, 2011. P 41. Режим доступа: https://www.ruor.uottawa.ca/bitstream/10393/23096/1/China_Challenge.pdf (дата обращения: 02.02.2018).
11. Burton Ch. The Canadian Policy Context of Canada's China Policy since 1970 // The China challenge: Sino-Canadian relations in the 21st century. P. 42
12. Burton Ch. The Canadian Policy Context of Canada's China Policy since 1970 // The China challenge: Sino-Canadian relations in the 21st century. P. 43
13. Dragon at the Door. The Future of Canada-China Relations [Электронный ресурс] // Inside Policy. The Magazine of the Macdonald-Laurier Institute October, 2017. Режим доступа: https://www.macdonaldlaurier.ca/files/pdf/MLI_201710_OCTOBER_InsidePolicy%20_WEB.pdf (дата обращения: 02.02.2018).
14. Hing-Kee Lawrence Alexander Chi. Canadian-Chinese Relations: Implications for Sovereignty [Электронный ресурс] // McMaster University. August, 1994. P. 41. Режим доступа: <https://www.macsphere.mcmaster.ca/bitstream/11375/12104/1/fulltext.pdf> (дата обращения: 02.02.2018).
15. Hing-Kee Lawrence Alexander Chi. Canadian-Chinese Relations: Implications for Sovereignty // McMaster University. August, 1994. P. 80–81.

16. Hing-Kee Lawrence Alexander Chi. Canadian-Chinese Relations: Implications for Sovereignty // McMaster University. August, 1994. P. 102.

17. Holroyd C. Deconstructing Canada in an Age of Global Competition // Policy Options. May, 2009. P. 60.

УДК 338.26(510)

Наталья Никитична Коледенкова,

канд. экон. наук,

ст. науч. сотрудник

Центра социально-экономических исследований Китая,

Институт Дальнего востока РАН,

г. Владивосток, Россия,

e-mail: Koledenkova@ifes-ras.ru

Развитие центральных районов Китая в XXI веке

Статья акцентирует внимание на необходимости изучения политики сбалансированного регионального развития Китая. Анализируются проблемы развития Центрального Китая, который по территориальному принципу относится к внутренним районам и является одним из четырёх крупных экономических районов страны.

Ключевые слова: *Китай, регион, центральные районы, провинции, валовой региональный продукт, инвестиции*

Natalia Nikitichna Koledenkova,

candidate economic science,

older science collaborator

centre Social-economic research China,

Institute of Far Eastern Studies RAS,

Vladivostok, Russia,

e-mail: Koledenkova@ifes-ras.ru

The Development of the Central Regions of China in the XXI Century

The article focuses on the need of the Chinese policy of balanced regional development's examination. The author analyzes the problems of Central China's development which according to the territorial principle applies to the interior area and is one of four major economic region of the country.

Key word: *China, region, central areas, province, gross regional product, investments*

В Китае в начале XXI в. проводится политика сбалансированного регионального развития, основной целью которой является преодоление имеющегося дисбаланса в экономическом развитии регионов – прежде всего между развитыми восточными провинциями и отсталыми территориальными образованиями в центральной и западной части страны. В годы экономической реформы, вплоть до начала XXI в. основной проблемой экономики было неравномерное развитие регионов – быстрое развитие приморских районов и недостаточное развитие внутренних. На XVI съезде КПК (2002 г.) была принята «стратегия координированного развития» региональной экономики. В соответствии с этой программой было установлено деление страны на четыре экономические зоны. Это – восточные районы, центральные, северо-восточные и западные [2]. Центральные районы включают шесть провинций – Шаньси, Аньхой, Цзянси, Хэнань, Хубэй и Хунань. Район расположен в центральной части страны, являясь внутренним районом по территориальному принципу, что даёт ему возможность устанавливать широкие возможности по экономическим связям с Северо-Восточным Китаем, Западным и Восточным. Занимает площадь 1,033 млн км², что составляет 10,7 % общекитайского показателя, а население – более 360 млн чел., или 1/4 населения Китая.

Стратегической целью развития Китая во втором десятилетии XXI в. является задача модернизации экономической системы, поставленная на XIX съезде КПК. Для её решения предполагается сосредоточить силы на ускоренном создании производственной системы, обеспечивающей скоординированное развитие реального сектора экономики, научно-технических инноваций, на формирование экономической системы, отличающейся эффективностью рыночных механизмов, постоянно наращивать инновационный потенциал и конкурентоспособность китайской экономики.

Особое значение в решении поставленных выше задач является осуществление стратегии согласованного развития регионов. При этом предстоит усилить меры по формированию новой архитектоники масштабного освоения западного региона Китая. Путём углубления реформ необходимо ускорить темпы возрождения северо-восточной и других старых промышленных баз, за

счёт инноваций содействовать опережающему оптимизационному развитию Восточного региона и через выявление преимуществ Центрального региона осуществлять его подъём. Проводить согласованное развитие региона Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй и строить новый район Сюньань. Стимулировать развитие экономического пояса вдоль реки Янцзы с ориентиром на совместное проведение мероприятий по охране экологии и отказ от экстенсивного освоения территорий. Тем самым создавать новый, более эффективный механизм согласованного развития регионов [1].

Как следует из доклада на XIX съезде КПК, в общей стратегии регионального развития особое место занимают проблемы развития центральных районов Китая, который на нынешнем этапе является крупным индустриально-аграрным районом страны.

В результате последовательной реализации мероприятий программы по развитию центрального региона в начале XXI в. удалось добиться определённых успехов в экономическом развитии. По такому ключевому показателю, как валовой внутренний продукт, в провинциях Центрального Китая происходит рост. Так, в 2008 г. ВРП в провинциях Шаньси составил 731,5 млрд юаней; Хэнани – 1801,8; Хубэй – 1132,9; Хунани – 1155,5; Аньхое – 885,1; Цзянси – 697,1. В 2016 г. соответственно – 1305,0; 4047,2; 3266,5; 3155,1; 2440,7; 1849,9. По объёму валового регионального продукта первое место занимает провинция Хэнань, за ней следует Хубэй и Хунань. Следует особо отметить, что по объёму ВРП среди провинций страны Хэнань занимает 5-е – место, после провинций Гуандун, Цзянсу, Шаньдун, Чжэцзян.

Растёт показатель валового регионального продукта на душу населения Центрального Китая, который составил в 2008 г. в провинциях Шаньси – 21 506 юаней, Хэнани – 19 181, Хубэй – 19 858, Хунани – 18 147, Аньхое – 14 448, Цзянси – 15 900, то в 2016 г. соответственно Шаньси – 35 532, Хэнани – 42 575, Хубэй – 55 665, Хунани – 46 382, Аньхое – 39561, Цзянси – 40 400. Что же касается валового регионального продукта на душу населения по провинциям региона, то пров. Хубэй занимает 1-е место, заметно опередив пров. Хэнань. Провинции, автономные районы и города центрального подчинения всего Китая только на 13-м месте [5].

Центральный Китай является одним из наиболее развитых в промышленном отношении районов КНР. По объёму валового промышленного производства он занимает второе место в стране, уступая только Восточному Китаю. Центральный регион Китая относится к числу районов – крупных производителей такой важной продукции, как уголь, электроэнергия, в том числе гидроэнергия, сталь, прокат, цветные металлы, цемент, минеральные удобрения, горнорудное оборудование, тяжёлые металлорежущие станки, тракторы, автомобили, в том числе легковые, холодильники, стиральные машины и др. В то же время он занимает небольшой удельный вес в стране по производству нефти и нефтепродуктов, современного оборудования и высокотехнологичной продукции.

Центральный Китай – это крупная зерновая база, важный район по производству масличных культур, хлопка, мяса. На его долю приходится примерно 30 % сбора зерна в стране, в том числе около 40 % пшеницы и риса, 20 % хлопка и более 40 % масличных культур.

В последние годы большое внимание уделяется вопросам строительства Экономического пояса вдоль реки Янцзы, который охватывает такие провинции центральных районов Китая, как Аньхой, Цзянси, Хубэй и Хунань, т. е. районы среднего течения р. Янцзы. Наряду со строительством Экономического пояса Шёлкового пути и Морского шёлкового пути, а также интегрированным развитием Пекина, Тяньцзиня и Хэбэя, построение «Экономического пояса реки Янцзы» – это одна из трёх основных стратегий развития, принятых китайским правительством. Поскольку крупнейшая река Азии пересекает восточные, центральные и западные районы страны с обширными территориями, то Экономический пояс р. Янцзы имеет огромный потенциал развития. Как отмечают в Китае, этот проект должен стать стержневым для нового этапа политики реформ и открытости и одновременно важной основой дальнейшего развития центральных районов.

В соответствии с этой программой был принят план развития городских кластеров вдоль среднего течения реки Янцзы с тем, чтобы создать новый двигатель экономического роста и продвижения урбанизации. Новые города появятся около г. Ухань в про-

винции Хубэй, около группы городов Чанша – Чжучжоу – Сянтань в провинции Хунань, вокруг озера Поянху в провинции Цзянси. Эти городские кластеры охватят в общей сложности 317 тыс км², создав экономический пояс р. Янцзы. Как отмечается в программе Госсовета КНР по концепции развития городов вдоль Янцзы, они станут и ключевыми направлениями реализации стратегии «Рост Центрального Китая».

Китай выдвинул стратегию «Роста Центрального Китая» ещё в 2004 г. А в принятой в 2006 г. программе «Содействие подъёма центральных районов Китая» предполагалось в первую очередь ускорить темпы экономического развития. Для выполнения этой задачи к 2020 г. планируется создание современного сельского хозяйства с преимущественным производством зерновых, базы производства электроэнергии и сырьевых отраслей, развитие конкурентоспособной промышленной производственной структуры и высокотехнологичных отраслей и комплексной транспортно-логической системы [4].

Перед промышленностью центральных районов к 2020 г. были поставлены следующие задачи: развитие промышленности на новой технической основе; активное развитие базовых отраслей в ключевых направлениях; в производстве промышленной продукции должна преобладать большая доля обновлённой продукции; развитие самостоятельных инноваций в производстве и создание собственных брендов. Задачи промышленного роста центральных районов Китая предполагают ускорение урегулирования производственной структуры путём развития как традиционных производств, так и новых стратегических производств. При этом предполагается устранять проблемы с избыточными производственными мощностями, стимулировать слияние информатизации и индустриализации, ускорять создание инфраструктуры нового поколения.

Для решения этой задачи в регионе ведётся активная работа по развитию обрабатывающей промышленности в соответствии с принятой в 2015 г. Программой «Сделано в Китае – 2025». Программа представляет собой первый десятилетний план действий, нацеленный на модернизацию национальной обрабатывающей промышленности. Она имеет своей целью развитие до

2025 г. обрабатывающей промышленности Китая до уровня промышленно развитых стран. В первом десятилетнем плане определено девять приоритетных направлений – повышение инновационного потенциала обрабатывающего сектора, повышение уровня интеграции информационных технологий и индустрии, укрепление потенциала базовых отраслей промышленности, активизация процесса формирования китайских брендов, всестороннее внедрение «зелёного» производства, обеспечение прорывов в развитии 10 ключевых отраслей, углубление структурной перестройки обрабатывающего сектора, активное развитие обслуживающих производств и производственных услуг и, наконец, повышение уровня интернационализации обрабатывающего сектора.

К 10 ключевым отраслям, согласно плану, относятся: ИТ-индустрия нового поколения; станки с цифровым управлением и роботы высокого класса; аэрокосмическое оборудование; морское инженерное оборудование и высокотехнологичные суда; передовое оборудование для рельсового транспорта; энергосбережение и автомобили, работающие на новых источниках энергии; электроэнергетическое оборудование; сельскохозяйственное машиностроение; новые материалы; биофармацевтика и медицинская техника с высокими характеристиками [3].

В соответствии с принятой программой в регионе ведётся активное развитие машиностроительной промышленности в таких отраслях, как горно-шахтное оборудование, металлургическое, природоохранное, энергетическое, с упором на разработку и монтаж высокоэффективных генераторов по выработке электричества на новых и возобновляемых источниках энергии; развиваются технологии и повышается уровень строительства линий электропередач постоянного и переменного тока со сверхвысоким напряжением; продвигаются технологии интеллектуальных электросетей; оказывается содействие производству энергосберегающего оборудования, а также развивается индустрия сохранения энергии. В станкостроении ведётся разработка новых станков с ЧПУ для обработки деталей в рамках крупносерийного производства, с увеличением производства электроэрозионных, ультразвуковых станков, лазерного и других видов оборудования. Особое внимание планируется уделять развитию железнодорожно-

го машиностроения, автомобильной промышленности, судостроению и гражданской авиации. Развитие машиностроительной промышленности увязывается с потребностями оборонной промышленности.

Центральный Китай нацелен на развитие высокотехнологического оборудования в машиностроительной промышленности. Это прежде всего: станки с цифровым управлением и роботы высокого класса, электроэнергетическое оборудование, передовое оборудование для рельсового транспорта, энергосбережение и автомобили, работающие на новых источниках энергии, сельскохозяйственное машиностроение.

Следует отметить, что модернизация машиностроительной промышленности, как предполагается, будет осуществляться по линии развития «умного производства». Планируется развитие интеллектуального производства как по стране в целом, так и центральных районах непосредственно в два этапа.

Первый этап (2015–2020 гг.) – внедрение цифровых сетевых технологий в производственные отрасли непосредственно на предприятии.

Второй этап (2020–2025) – интеграция сетевых технологий и дальнейшая интеллектуализация производственных процессов.

На каждом этапе планируется придерживаться четырёх наиболее важных принципов: развивать инновации, интеллектуализировать производственный процесс, укреплять промышленные предприятия, обеспечивать экологическую безопасность процессов.

Рассматривая развитие интеллектуального производства как приоритетное направление в центральных районах Китая, предполагается стимулировать создание государственных образцово-показательных зон и инновационных центров машиностроительной промышленности. Реализовывать целевые программы, направленные на развитие производства важнейшего оборудования главным образом передовых обрабатывающих производств. Содействуя, таким образом, выходу производства на средний и высший уровень развития. Активно проводить работы по обновлению технологий на традиционных производствах.

Исходя из поставленных задач в Программе «Содействие подъёму центральных районов Китая», к 2020 г. в районе предпо-

лагается создание современного сельского хозяйства; наращивание совокупных производственных мощностей, способных обеспечить население продовольствием, а также увеличить доходы крестьянства. При этом развить крестьянские специализированные и акционерные кооперации, создать новый тип хозяйственной системы аграрного сектора. Предполагается обеспечивать стабильное развитие производства основных видов сельхозпродукции и продолжать реализовывать программу увеличения зернопроизводящих мощностей, проводить мероприятия по обеспечению устойчивого роста производства зерна, ускорять научно-техническую инновацию и её распространение в аграрном секторе, стимулировать механизацию сельского хозяйства, обеспечивать развитие современного семеноводства, оптимизировать структуру ассортимента и повышать урожайность на единицу площади. Проводить мероприятия по поддержке производства хлопка, масличных культур. Строить фермы стандартизированного масштаба свиноводства и молочного животноводства, а также крупного и мелкого рогатого скота. Главная задача сельскохозяйственного производства региона – это сбор зерна, который должен составить 1/3 всего сбора зерна страны.

Развитие региона во многом определяется инвестиционной политикой, которая является необходимым условием наращивания экономического потенциала. В последние годы растёт объём инвестиций в развитие экономики Центрального Китая. Из 36,964 трлн юаней, которые инвестировались в регионы в 2012 г., в экономику центрального региона было направлено 8,791 трлн юаней, в то время как в восточные – 15,174, западные – 8,875, северо-восточные – 4,124. В 2016 г. из 59,630 трлн юаней, которые были направлены на развитие регионов, в экономику центрального региона было инвестировано 15,676 трлн юаней, в восточные – 24,966, западные – 15,405 и северо-восточные 3,064. Таким образом, на долю центральных районов Китая приходится 26,3 % от общего объёма инвестиций страны.

Тем не менее масштабы государственных инвестиций на выполнение принятой Программы «Содействие подъёму центральных районов Китая» не высокие. Государственные инвестиции в развитие региона осуществлялись в основном в реализацию круп-

ных инфраструктурных проектов государственного значения. Так, в рамках Программы государственные инвестиции направлялись на строительство гидротехнического комплекса «Три ущелья», средней части газопровода Тарим – Шанхай, линий электропередач, которые связывают западные и приморские районы; реализацию масштабных водохозяйственных проектов переброски воды с юга на север. Важной тенденцией в последние годы в центральном регионе является увеличение инвестиций в обрабатывающую промышленность.

Увеличивается объём иностранных инвестиций в развитие региона. Если ранее иностранные предприниматели предпочитали для инвестиций более развитый восточный регион, то в последние годы всё чаще стали ориентироваться на центральный регион, предлагающий более дешёвую рабочую силу и низкие расценки на аренду земли. Только за 2011–2013 гг. при уменьшении Восточного Китая в общей сумме иностранных инвестиций с 83,35 до 81,9 % доля Центрального Китая увеличилась с 6,7 % до 9,1 %.

Безусловно, притоку иностранных инвестиций способствует одобренная Госсоветом КНР «Программа по стимулированию притока иностранных инвестиций в центральные районы Китая». Благодаря этому была создана одна из первых зон развития новых технологий – зона Дунху. На территории этой зоны находится головной офис автомобильной корпорации «Дунфэн», 6 автомобильных заводов и 20 центров по разработке автомобилей. Кроме того, в г. Ухане находится «Компания по производству оптического волокна и кабелей Чанфэнь», которая является совместным предприятием Китайского центра экономического развития почты и телеграфа «Хуасинь», Голландской компании телекоммуникационных технологий и АО «Уханьской корпорации телекоммуникаций «Чаньцзянь». В настоящее время является научно-исследовательской и производственной базой по выпуску оптоволоконной продукции и производственного оборудования, а также одним из трёх крупнейших предприятий отрасли в мире. Оптоволоконная продукция, выпускаемая данной компанией, широко используется крупнейшими компаниями Китая, такими как *China Telecom*, *China Mobile* и *China Unicom*, а также организациями, работающими в области телерадиовещания и других сферах промышлен-

ности. Продукция этой компании экспортируется в более чем 50 стран мира, включая США, Южную Корею, Тайвань и др.

Лазерные производственные технологии являются одними из ключевых технологий для экономического развития страны. В г. Ухане пров. Хубэй, который славится как «локомотив национальной лазерной индустрии», активно развивается лазерная индустрия с помощью российских специалистов.

Следует также обратить внимание, что для ряда городов центрального региона созданы условия для привлечения в приоритетном порядке зарубежных инвестиции и установлены для инвесторов дополнительные льготы. К таким городам относятся Наньчан, Ганьчжоу, Чжэнчжоу, Ухань, Хэфэй, Уху, Синьсян, Цзяоцзо и Тайюань. Кроме того, поощряется участие зарубежных инвесторов (путём слияния и приобретения, а также участие в акционерном капитале) в преобразовании средних и малых госпредприятий, создание ими в данном регионе производственных баз, инвестиционных компаний и центров исследований и разработок.

Динамично развиваются связи провинций Центрального Китая с внешним миром. Объём внешнеторгового оборота региона в 2016 г. составил около 6 % всего внешнеторгового оборота страны. Наибольший объём внешней торговли приходится на пров. Хэнань. По показателю объёма экспорта пров. Хэнань превосходит все провинции Центрального Китая, однако по этому показателю всё большую роль стали играть пров. Цзянси и Аньхой. Основные экспортные товары – сельскохозяйственная продукция, минеральное сырьё, стройматериалы, текстиль, машиностроительная продукция, в том числе холодильники и стиральные машины. Импорт – промышленное оборудование, телекоммуникационное оборудование, компьютеры, средства связи.

Благодаря тому, что центральные районы Китая достигли успехов в развитии, это позволяет развивать межрегиональное сотрудничество между Китаем и Россией. В данный период межрегиональное сотрудничество реализуется между провинциями Хубэй и Аньхой и российскими городами – Самара, Пенза, Чувашская Республика. Заключены соглашения о сотрудничестве в сфере сельского хозяйства, торговли, науки и техники, гуманитарных обменов. Безусловно, данное сотрудничество будет спо-

способствовать продвижению развития межрегионального сотрудничества в направлении от пограничных регионов вглубь страны.

Список литературы

1. Доклад Синь Цзиньпина на 19-м съезде КПК [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.paper.people.com.cn/rmrb/html/2017-10/28/nbs.D110000genmrb.01.htm> (дата обращения: 18.02.2018).
2. Островский А. В. КНР: экономика регионов / отв. ред. А. В. Островский; сост. П. Б. Каменов; Институт Дальнего Востока РАН. М.: Изд-во МБА, 2015. 660 с. С. 30.
3. Программа «Содействие подъёму центральных районов Китая» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.china.com.cn/policy/txt/2010-01/12/content_19218531.htm/ (дата обращения: 18.02.2018).
4. Программа «Сделано в Китае – 2025» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784 (дата обращения: 18.02.2018).
5. Чжунго тунци няньцзянь. 2009 (Статистический ежегодник Китая. 2009). Пекин, 2009. Табл 2–14, 2–15. Чжунго тунци няньцзянь – 2017. Пекин, 2017. Табл. 3–9.

УДК 327

Татьяна Николаевна Кучинская,

*д-р филос. наук, доцент,
заведующий кафедрой востоковедения
и регионоведения Северной Америки,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: kuchinskaya_1@mail.ru*

**Социокультурные основания китайского регионализма
(внутренний и внешний аспекты)**

Статья посвящена теоретическому осмыслению феномена китайского регионализма сквозь призму социокультурного подхода. Автор подробно анализирует методологические проблемы познания сущности процессов глобальной регионализации КНР в культурно-цивилизационном контексте, акцентируя внимание на характерных признаках китайского «нового» регионализма и его проявлениях во внутренних и внешних социокультурных практиках.

Ключевые слова: китайский регионализм, новый регионализм, региональные практики КНР, социокультурный подход

Tatiana Nikolaevna Kuchinskaya,
*Doctor of Philosophy, Associated Professor,
Head of Oriental and North American
Regional Studies Department,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: kuchinskaya_t@mail.ru*

Socio-cultural Essences of China's Regionalism (internal and external aspects)

The article is devoted to the theoretical interpretation of the Chinese regionalism phenomenon through the prism of the sociocultural approach. The author analyzes the methodological problems of cognizing the essence of the PRC's global regionalization processes in the cultural and civilizational context, focusing on the features of China's "new" regionalism and its realization in internal and external sociocultural practices..

Key words: *Chinese regionalism, new regionalism, regional practices of the PRC, socio-cultural approach*

Китайский регионализм как объективная социокультурная реальность, оказывающая всё большее воздействие на соседние страны и мир в целом, требует тщательного анализа его содержания и практик. Для России в условиях политики «разворота на Восток» и развития интеграции в пределах евразийского междивизиационного пространства значимость китайского регионализма постоянно возрастает.

Китайский регионализм во многом обусловлен цивилизационной спецификой и постоянно генерирует «новые» формы: внутренний, трансграничный, транснациональный; «гармоничный», «мягкий», «репрезентативный» и т. д. [10]. Появление в Китае инновационных социокультурных практик – региональной культурной модернизации, региональных стратегий культурной «мягкой силы», построения «гармоничного общества», «гармоничного мира», «китайской мечты», глобальной цивилизационной инициативы «Один пояс – один путь» и т. п., обуславливает необходимость научной рефлексии значимых для России характерных признаков китайского «нового» регионализма в единстве и разнообразии их социокультурных проявлений [11].

В данном контексте выявление сущности, специфических форм и практик китайского регионализма связано с методологическими проблемами познания «нового» глобального регионализма как формы взаимодействия социокультурных образований (государств, регионов, макрорегионов, трансрегионов) на мировой арене и в рамках национальных пространств в условиях глобализации и регионализации [4].

«Новый» глобальный регионализм как объективный социокультурный процесс представляет собой переформатирование современного социокультурного пространства мира под влиянием взаимодействия глобальных и национально-региональных сил [20]. Исследование данных феноменов оформляется в теории регионализма, в которой актуальными представляются два основных взаимодополняемых направления, рассматривающих регионализм как сугубо геополитическое/геоэкономическое, или шире – как сложное социокультурное, явление.

Глобальный регионализм как когнитивная парадигма оперирует понятием «регион» и его производными, объясняющими сущность и принципы взаимодействия регионально-странового (национального) и глобального (наднационального, транснационального) уровней организации мирового пространства. В настоящее время «регион» и «региональная система» фактически признаны элементами международных отношений, циркулирующими в больших политико-экономических зонах. Обрамлённые политическими и символическими границами, регламентированные соглашениями о международном сотрудничестве, данные единицы перестают восприниматься лишь как сугубо географические и экономические категории. Кроме исторического опыта, специфики сходства и отличия по архетипам менталитета и культуры подобная форма интеграции требует учёта комплексного социокультурного контекста, выраженного в специфике глобалитета локально-региональных культур, глобального регионализма той или иной социокультурной общности в условиях межкультурного взаимодействия.

Регионологический и социокультурный подходы, позволяющие рассмотреть региональные проекции реализации внутренних и внешних социокультурных практик современного Китая в рам-

ках стратегии «нового» китайского глобального регионализма, выступают основой научной интерпретации данного феномена. Категориальная триада «регион – регионализация – регионализм» как основа регионологического подхода является одной из наиболее распространённых и продуктивных в практике исследования пространственных форм организации социокультурного пространства и характеризуется высокой разработанностью её существенных характеристик и соотношения самих понятий [13].

Познание специфики китайского регионализма в отечественной науке связано с концептуальными идеями Д.А. Воскресенского (Большая Восточная Азия) [6]; С.В. Севастьянова (Восточноазиатский (китайский) регионализм) [18]; С.Г. Лузянина (региональное измерение российско-китайского взаимодействия в Евразии) [15]; В. А. Дергачева (теория Больших Многомерных Пространств) [8]; В. А. Абрамова, Н. А. Абрамовой (китайский «новый» регионализм) [2] и др.

Значительный вклад в разработку понятия внесли исследования международного коллектива научной «Школы интерпретаций региональных практик современного Китая» Забайкальского государственного университета (В. А. Абрамов, Н. А. Абрамова, Т. Н. Кучинская, Т. В. Колпакова, Ли Пин, В.С. Морозова, Цуй Хунхай, Чжоу Юй, Янь Шуфан и др.), посвящённые проблематике «региона» в целом и её интерпретации относительно китайской социокультурной реальности. Операционализированная в рамках Школы регионологическая парадигма в сочетании с системным, структурно-функциональным, цивилизационным, социокультурным и гервмениевтическим подходами образует комплексную методологию, применимую для анализа китайского регионализма, его социокультурных оснований, специфических форм и глобально-региональных практик [1; 3; 11; 20; 24 и др.].

Сформированное в рамках забайкальской Школы представление о расширяющемся социокультурном пространстве КНР как динамической развивающейся открытой региональной системе, опорными элементами которой выступают культурно-цивилизационные пространственные различия, собственно жизненное пространство китайского социума с его ценностями, идентичностями и инновационной китайской культурой как квинтэссенцией тра-

диций китайской культуры и инноваций культурного строительства КНР, позволяет разрешить проблемы определения базовых культурных признаков так называемой «китайскости» («чжунго-син»), поднимаемые в рамках современных научных дискуссий о социокультурной сущности китайского культурного регионализма. Интегрирующим элементом китайского социокультурного пространства и своеобразным «маркером» духовно-культурного состояния современного китайского общества выступает социокультурная идентичность, которая представлена как сложная многоплановая конструкция, включающая несколько уровней (цивилизационный, национальный, этнический, региональный, личностный) и видоизменяющаяся по сферам жизнедеятельности – культурно-цивилизационная, социальная, культурная, экономическая, идейно-политическая («социалистическая»).

Стоит отметить, что культурные аспекты регионализации в рамках национального социокультурного пространства современного Китая отечественной наукой разработаны недостаточно (В. С. Кречетова [9], Ли Пин [14]). В китайском научном дискурсе, напротив, данная проблематика находится в центре внимания и выражена значительным количеством работ (Ань Гань, Сань Хайянь, Дун Юйхун, Чжао Сюань, Цэн Сяньвэй, Лун Цзи, Ся Жиюнь, Чжан Эрсюнь, Ван Хуэйчан, У Биху, Янь Яоцзюнь и мн. др.), посвящённых проблемам описания региональных культур, выделения культурных регионов, построения культуроцентричных стратегий регионального развития. Данные исследования составляют основу осмысления фактора культурной регионализации и культурной модернизации, выявления специфики культурного регионализма в рамках национального социокультурного пространства КНР.

Китайские учёные достаточно подробно исследуют функции потенциала региональных культур в формировании культурных регионов как дифференцированных культурно-региональных моделей, способствующих сбалансированному региональному развитию и всесторонней социокультурной модернизации КНР.

Высокая региональная дифференцированность (сравнимая во многом с российскими условиями) как имманентная характеристика национального социокультурного пространства Китая обу-

словливает специфику его культурного регионализма, предполагающего активное использование потенциала региональной культуры в построении культурно-региональных моделей развития. Важным критерием выделения функциональных культурных регионов являются внутренние и внешние механизмы влияния региональных культур. Внутренние механизмы определяют ценностные императивы и детерминируют принятие решений и экономическое поведение в регионе, а внешние – составляют потенциал развития культурных индустрий и формирования культурных брендов. В этой связи новая теория регионального роста – «культурная репрезентация» («вэньхуа дайбяосин») регионов, основанная на взаимодействиях: «региональная культура→модель регионального развития», «точка→ось», «ядро→периферия», «образ региона → конкурентоспособность» – выступает одним из инновационных инструментов всесторонней социокультурной модернизации КНР и её «внутренних» регионов.

«Мягкая сила» региональной культуры, реализуемая в форме создания культурно-экономических территориальных комплексов, выступает одним из компонентов инновационных проектов пространственной модернизации КНР. Так, культурно-историческое наследие, духовные ресурсы региональных культур используются в новейших региональных стратегиях развития бассейна р. Янцзы, региона «Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй», «Экономического пояса вдоль 33 градуса северной широты» («ЭП-33») [5] и конструирования опорных городов и регионов масштабного национального проекта «Один пояс – один путь», призванных обеспечить межрегиональное взаимодействие, связуемость территориальных систем и комплексов с целью всесторонней модернизации социокультурного пространства современного Китая [12].

Исследование транснационального уровня регионализации мирового социокультурного пространства выражается в анализе форм межцивилизационного взаимодействия, роли локально-региональных культур и трансформирующихся функций границ. Становление транснационализма и трансрегионализма как научной парадигмы и формы взаимодействия цивилизаций и культур «поверх» национальных границ связано с зарубежными теориями

интернационализации, транснационализации и глобализации культуры.

«Новый» регионализм в условиях транснационализации мирового пространства, по мнению исследователей, более многомерен: он включает в себя экономический, политический, социальный и культурный аспекты. В новом регионализме процессы регионализации и глобализации неразрывно связаны. Так же, как и глобализация, регионализация порождает схожий гомогенизирующий эффект на уровне региона, «размывая» суверенитет национальных государств и меняя их роль. «Новый» регионализм представляет собой своего рода попытку поставить транснациональные транзакции под определённый политико-территориальный контроль [23]. Важная особенность «нового» регионализма – экстравертность, т.е. поиск оптимальных способов интегрирования входящих в региональные соглашения стран в общемировые глобальные процессы [17].

Ещё одна особенность модели «нового» регионализма – признание многоуровневой и многослойной системы интеграции. На низком уровне она обычно происходит не между экономиками двух или более стран, а между их субнациональными субъектами непосредственно через государственную границу.

Таким образом, можно отметить, что новый регионализм характеризуется усилением внимания к проблематике региональной идентичности, поиском ответов на изменения в мировой экономике, активным участием неправительственных акторов и, наконец, множественной размерностью и комплексным характером [7]. Под влиянием «нового» регионализма резко возрастает социокультурная интеграция стран в регионе.

Одной из форм нового регионализма выступает «мягкий» [16], «гармоничный» регионализм. Проявление «гармоничного» регионализма отражено в «кооперации юг-юг». Данный термин исторически используется в политике и академической науке для обозначения обмена ресурсами, технологиями и знаниями между развивающимися странами.

Механизмы реализации «гармоничного» регионализма осуществляются взаимно на основе руководящих норм в региональном окружении. Страны увеличивают торговлю и активизируют

взаимовыгодное сотрудничество, развивают региональную экономическую интеграцию, способствуя увеличению существующих региональных и субрегиональных механизмов сотрудничества; оставаясь открытыми для других предложений по региональному сотрудничеству и приветствуя страны за пределами региона, играют конструктивную роль в содействии региональному миру и развитию.

Так, Отто Ф. фон Фейгенблат выделяет три основные категории «гармоничного» регионализма: мир, стабильность и процветание. Базовыми элементами «гармоничного» регионализма, по мнению автора, выступают сотрудничество, кооперация, конкуренция, всеобщая вовлечённость, диалог и переговоры. Всеобщая вовлечённость в «гармоничный» регионализм происходит в международной среде под влиянием социально-экономических и политических факторов. Региональные акторы остро осознают необходимость адаптации к международной среде, так как их благосостояние зависит от достижения целостного взаимодействия как внутри, так и вне региона. В основе данной модели лежат концепции сотрудничества, кооперации и конкуренции. Поскольку взаимодействие в рамках «гармоничного» регионализма требует и предполагает общение, схема показывает три важных вида связи – диалог, переговоры и обсуждение [25].

Философскому осмыслению сущности китайского «гармоничного» регионализма посвящён ряд публикаций австралийского учёного, профессора Университета г. Бонд Р. Делиос. В работе «What does Harmonious Regionalism mean? 和谐地区主义的含义?» китайский «гармоничный регионализм» рассматривается автором в контексте анализа принципов становления и функционирования «гармоничного региона», противопоставляя их сложившимся в западной теории международных отношений принципам социального конструктивизма. «Гармоничный регионализм», являясь производным концепции «гармоничного мира» КНР, отражён в традиционном понятии гармонии и принципах её достижения: «недеяния» (увэй), соотношения инь-янь, конфуцианской культуры гармонии между людьми, государствами и нациями. «Гармоничный регионализм», утверждает Р. Делиос, интерпретируется в современном философском дискурсе как процесс (дао, путь), на-

полненный традиционными практиками конфуцианской культуры «гармонии». Они заложены в основе китайской коррелятивной взаимовыгодной региональной политики, кооперации, обмена ресурсами, технологиями и знаниями между развивающимися странами. Принципы «гармоничного регионализма» активно используются Китаем в Азии, в рамках региональных организаций. Выступая внешнеполитическим инструментом глобальной концепции КНР построения «гармоничного мира», соответствующий традиционным культур-философским интерпретациям «гармонии» внутри и вовне, «гармоничный регионализм» предполагает гармонизацию внутреннего и внешнего развития КНР, построение регионального взаимовыгодного сотрудничества и добрососедских отношений в мире [22].

На практике построение «гармоничного регионализма» осуществляется с помощью «уровневой дипломатии» по линии расширения многостороннего диалога с великими державами, окружающими странами, развивающимися странами. Отношения с великими державами – особый аспект китайской дипломатии. Пекин ведёт себя с ними всё более уверенно, хотя речь не идёт о кардинальной смене акцентов или политических установок. Роль этой группы государств отражена в старой официальной внешнеполитической формуле «четырёх главных опор» (сыгэ да дивэй) внешней политики КНР: «отношения с великими державами являются ключом, с окружающими странами – приоритетом, с развивающимися странами – основой, а многосторонние институты – трибуной» [19].

Китайская концепция «гармоничного мира» («хэсе шицзе») интерпретируется как культуроцентричная философия, способная значительно развить идеи транскультурализма и диалога культур в мире, представляя культурно-ценностный потенциал расширения коммуникативной этики, исключая унификацию (вестернизацию) и фрагментацию (культурный изоляционизм). Китайская культура философского осмысления будущего гармоничного мироустройства в соответствии с ценностными принципами традиционной конфуцианской культуры: «единения без унификации» (хэ эр бу тун); «следования срединности» (чжунхэ); «внутреннего совершенства и внешней активности» (нэй шэн вай ван) – опреде-

ляет универсально-партикулярную парадигму «гармоничного регионализма» (хэсе дицжюу чжуи), которую Китай, расширяя культурно-цивилизационное сотрудничество и диалог культур, успешно реализует в Центральной, Юго-Восточной, Южной, Северо-Восточной Азии.

Значительный вклад в проблему комплексного осмысления китайского транснационального регионализма внесли китайские учёные Чжан Сяотун и Ли Сяююэ [26], сотрудники Исследовательского центра экономической дипломатии при Уханьском университете (КНР), которые детализировали представление о китайском регионализме, выделив основные направления и этапы его эволюции, сдерживающие и стимулирующие факторы его развития, представив характеристики регионализма с китайской спецификой и обозначив будущие направления его развития.

Так, начальный этап развития китайского регионализма (1990–2012 гг.), по мнению авторов, связан с расширением участия Китая в торгово-экономической кооперации и создании зон свободной торговли в Азии. Данный этап характеризуется эволюцией китайского регионализма по трём направлениям: во-первых, переход от враждебного отношения к регионализму в Азии в целом к активному участию; во-вторых, значительное расширение географического ареала региональной кооперации (к настоящему времени выделяется два основных направления китайского регионализма: западное – евразийское пространство, южное – к индийскому океану); в-третьих, трансформация роли самого Китая в Азии – позиционирование роли великой глобальной державы – государства-«даго».

На данном этапе китайский регионализм наполняется и определяется базовыми принципами, включающими необходимость развития кооперации на основе взаимного доверия и взаимной выгоды при соблюдении принципов гармоничного соразвития, взаимных консультаций, разнообразия форм, внедрения инноваций и открытости. Однако представленная идеализированная модель не лишена недостатков. К сдерживающим факторам развития китайского регионализма в Азии относят: распространение теорий «китайской угрозы», конкуренцию за региональное лидер-

ство с США и Японией, территориальные споры с соседними государствами.

В противовес этим факторам выделяют условия, способствующие развитию китайского регионализма в Азии, к которым относят: бурный экономический рост, успех реформ, благоприятствующие экономической интеграции; позитивный экономический имидж Китая; успех китайской дипломатии в рамках ШОС и развитие добрососедских отношений со многими странами Азии.

Второй этап развития китайского регионализма (2012 г. – н. 0,в.) связан с экономической дипломатией Си Цзиньпина, когда Китай находится в поиске концептуальных оснований экономической кооперации, в качестве которых предлагается углубление кооперации на основе строительства «сообщества общей судьбы» (*community of common destiny*), «сообщества общих интересов» (*community of common interest*); строительства региональной идентичности на основе общности истории и культуры государств Азии.

Учёные Чжан Сяотун и Ли Сяюэ также выделяют восемь основных характеристик «регионализма с китайской спецификой», к которым относят:

- строительство регионализма, нацеленного на экономический подъём Китая, следуя принципам взаимного доверия и взаимной выгоды в рамках концепции «мирного развития»;
- приоритет суверенитета в процессе региональной интеграции;
- рациональный подход к реализации регионализма в рамках концепции «научного развития», предполагающий принятие своевременных и обдуманных решений;
- градуализм, проявляющийся в реализации направлений экономической интеграции и географического ареала распространения китайского регионализма;
- построение региональной идентичности с универсальными региональными ценностями в качестве основания для реализации китайского регионализма и позиционирования имиджа Китая в регионе;
- открытый характер регионализма для стран регионального сообщества, в отличие от американской и европейской модели региональной интеграции;

– политика китайского регионализма выступает одним из важнейших механизмов проведения внутренних реформ и открытости;

– концептуально обоснованный регионализм, реализующий идеи построения сообщества общей судьбы и общих интересов при соблюдении баланса «моральность – интерес». В основе такого регионализма – общность истории и культуры стран региона, а важнейший инструмент – «мягкая сила» [26].

Философско-культурологический контекст анализа социокультурных оснований китайского регионализма показывает его подвижность, проявляющуюся во взаимосвязанных трансформациях китайской культуры и ценностей, в порождении инновационных форм пространственной организации – культурных моделей регионализма, активно использующих потенциал «мягкой силы» китайской культуры для гармонизации внутренних связей и усиления культурно-цивилизационного влияния в различных регионах мира.

Социокультурные практики гармоничного регионализма КНР реализуются через прямые и косвенные механизмы культурного воздействия «мягкой силы». Содержательные характеристики китайской «мягкой силы» обнаруживают её «культуроцентричность» и ценностную наполненность. Процесс инновирования китайских культурных ценностей и укрепления их экстравертного потенциала воздействия в рамках наращивания культурной «мягкой силы», являясь частью партийной идеологии КПК, осуществляется на основе воспроизводства традиционных ценностей, укрепления ценностей социализма, заимствования и китаизации зарубежного опыта с целью генерирования системы всеобщих ценностей. Подобный культурно-ценностный синтез является для китайской культуры инновационной формой, позволяющей гибко проецировать «мягкую силу» Китая вовне.

В целом, выявленные социокультурные особенности китайской модели «нового» регионализма позволили определить его сущностные характеристики и выявить инновационные пространственно-региональные формы, значимые для российской практики взаимодействия с КНР. Перспективным направлением исследования темы является дальнейшее углубление теоретиче-

ских интерпретаций социокультурных региональных практик КНР, обусловленных всё возрастающими темпами динамики его развития, наращивания культурного потенциала и пространственными масштабами «расширения», представляющими научный и практический интерес для отечественных региональных исследований современного Китая.

Список литературы

1. Абрамов В. А. Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения: монография. М.: Восточная книга, 2010. 232 с.
2. Абрамов В. А., Абрамова Н. А. Теория «нового регионализма» в исследованиях китайских ученых // Трансграничье в изменяющемся мире. 2006. № 1. С. 75–82.
3. Абрамов В. А., Абрамова Н. А. Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития: монография. М.: Восточная книга, 2014. 256 с.
4. Абрамов В. А., Кучинская Т.Н. Процесс регионализации КНР: реалии и их понятийное отражение // Вестник Чит. гос. ун-та. 2009. № 3. С. 196–201.
5. Абрамова Н. А., Абрамов В. А. Становление новых форм внутренней регионализации Китая в условиях модернизации его социокультурного пространства // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Чита: ЗабГУ, 2017. С. 7–13.
6. Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации / под ред. А. Д. Воскресенского. М.: МГИМ (У) МИД РФ, 2010. 442 с.
7. Ван Цзайлян, Ван Цзыбо. Цюйюй чжуи: гайнянь, лэйсин цзи фачжань майло = Регионализм: понятие, виды и история развития // Лилунь юй сяньдайхуа. 2013. № 4. С. 82–87. (Кит. яз).
8. Дергачев В. А. Геополитика Больших многомерных пространств. URL: <http://dergachev.ru> (дата обращения: 24.12.2017).
9. Кречетова В. С. Эволюция хозяйственно-культурных территориальных комплексов Китая: дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. М., 2008. 169 с.
10. Кучинская Т. Н. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР: дис ... д-ра филос. наук: 09.00.13. Чита, 2013. 413 с.
11. Кучинская Т. Н. Китайский регионализм: социокультурные основания: монография. Чита: ЗабГУ, 2017. 228 с.
12. Кучинская Т. Н. Региональные культуры Китая и их роль в социокультурной модернизации страны // Россия – Китай: история и культура: сб.

статей и докладов участников X Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 329–341.

13. Кучинская Т. Н., Колпакова Т. В. Китайский новый регионализм в мировых интеграционных процессах: вопросы теории и практики (на примере ЕАЭС) // Российско-китайские исследования. 2017. Т. 1, № 1. С. 50–62.

14. Ли Пин Культурная регионализация в условиях межкультурного взаимодействия. Чита: Поиск. 2008. 208 с.

15. Лузянин С. Г. Россия и Китай в Евразии: Международно-региональные измерения российско-китайского партнерства / отв. ред. академик РАН М.Л. Титаренко. М.: Форум, 2009. 288 с.

16. Макарычев А.С. «Мягкий» и «жесткий» регионализм: калининградские контуры // Космополис. 2002. 2003. № 2. С. 79–89.

17. Мировое комплексное регионоведение: введение в специальность: учебник / под ред. проф. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2017. 448 с.

18. Севастьянов С. В. Модели регионализма и регионализации Восточной Азии: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04. М., 2009. 370 с.

19. Цзинь Жэньцин. Мо хули гунъинб цзянь хэсе шицзе = Стремиться к взаимной выгоде и взаимному выигрышу, строить гармоничный мир. Режим доступа: <http://politics.people.com.cn/GB/1026/5287651.html> (дата обращения: 21.11.2017). Цит. по: Мамонов. Инерция и новации во внешней политике Китая // Международные процессы. Журн. теории международных отношений и мировой политики. Т. 8, № 3. 2010. Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/twenty-four/005.htm#note29> (дата обращения: 24.11.2017).

20. Ярыгина О. А., Кучинская Т. Н. Китайский «гармоничный регионализм» в СВА и ЮВА: особенности интеграции // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сб. Восточного центра. 2013. № 13. С. 63–68.

21. Ярыгина О. А., Кучинская Т.Н. «Новый регионализм»: социокультурные практики Китая // Современные наукоемкие технологии. 2013. № 7. С. 19–20.

22. Dellios R. What does Harmonious Regionalism mean? 和谐地区主义的含义? // East Asia Security Symposium and Conference 东亚安全座谈讨论会. Beijing. Aug. 2012.: Dellios R China's harmonious world (hexie shijie) policy perspective: How Confucian values are entering international society // Invited paper presented at the 2560th anniversary conference and the fourth congress of International Confucian Association (ICA): The current mission of Confucianism. Beijing, People's Republic of China. Sep. 2009. Режим доступа: http://epublications.bond.edu.au/hss_pubs/363 (дата обращения: 12.12.2017).

23. Hettne B. Beyond the «New Regionalism» // New Political Economy. 2005. № 10/4. P. 557–559.

24. Kolpakova T. V., Kuchinskaya T. N. China's "New Regionalism" as A Mechanism to Strengthen the Influence of China In The Global Integration Pro-

cesses: An Example of Eurasian Economic Union // International Journal of Economics and Financial Issues. 2015. Т. 5. № SPEC. ISSUE. P. 109–115.

25. Otto F. Von Feigenblatt. Harmony through holistic engagement :an emic model of Greater East Asian regionalism // Journal of Contemporary Eastern Asia. 2013. № 12. P. 61–87.

26. Xiaotong Zh. China's Regionalism in Asia. The Asian Forum / Zh. Xiaotong, L. Xiaoyue // An Online Journal. 2014. Vol. 3, No. 3. Режим доступа: <http://www.theasanforum.org/chinas-regionalism-in-asia> (дата обращения: 15.02.2018).

УДК 372.881.1

Вероника Александровна Левченко,

*магистрант,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: nika-lev95@mail.ru*

Об организации обучения китайскому языку бакалавров направления «Международные отношения»

В статье рассматриваются различные аспекты организации профессионально ориентированного обучения китайскому языку бакалавров направления «Международные отношения».

Ключевые слова: профессионально-ориентированное обучение, китайский язык

Veronica Aleksandrovna Levchenko,

*magistrant,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: nika-lev95@mail.ru*

On the Organization of the Chinese Language Teaching of the Bachelors in the Field of Study «International Relations»

Various aspects of the organization of the professionally-oriented teaching of the bachelors in the field of study «International Relations» are considered in the article.

Key words: professionally-oriented teaching, the Chinese language

Современный период характеризуется значительным повышением требований к подготовке кадров для сферы международных отношений, уровень профессиональной компетентности которых является важным фактором общественно-политического и социально-экономического развития государства. Иностранные языки являлись и продолжают оставаться основой профессиональной подготовки специалистов-международников, что подтверждается количеством часов, определённых в нормативных документах на их изучение.

ФГОС ВО по направлению подготовки 41.03.05 *Международные отношения* (уровень бакалавриата), принятый в 2016 г., содержит требование о необходимости формирования у обучающихся способности решения профессиональных задач с использованием иностранного языка. В результате освоения образовательной программы выпускник должен обладать общекультурными, общепрофессиональными и профессиональными компетенциями, а именно: «способностью к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия» (ОК-7); «владением не менее чем двумя иностранными языками, умением применять иностранные языки для решения профессиональных вопросов, в том числе ведения переговоров с зарубежными партнёрами» (ОПК-12); «способностью выполнять письменные и устные переводы материалов профессиональной направленности с иностранного языка на русский и с русского – на иностранный язык» (ПК-2); «владением техниками установления профессиональных контактов и развития профессионального общения, в том числе на иностранных языках» (ПК-3) [2]. В соответствии с учебным планом бакалавры направления 41.03.05 *Международные отношения* ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» изучают два иностранных языка: китайский и английский.

Обучение китайскому языку бакалавров направления «Международные отношения» носит профессионально-ориентированный характер и предполагает ориентацию на сферу будущей профессиональной деятельности, учёт особенностей профессии и коммуникативных потребностей. Иноязычная коммуникативная компетенция специалиста-международника предполагает сфор-

мированность комплекса компетенций, среди которых выделяются лингвистическая, стратегическая, дискурсивная, компенсаторная и социокультурная.

В этой связи особую значимость имеет овладение профессиональной терминологией на китайском языке, в объёме достаточном для её дальнейшего применения в устной и письменной профессиональной коммуникации. Для изучения терминологии используются различные виды упражнений: повторительные, подстановочные, трансформационные и др. Приведём некоторые упражнения, направленные на формирование лексических навыков: найдите в тексте слова, относящиеся к теме «Переговоры»; найдите в тексте антонимы/синонимы к данным словам; прочтите предложения, заполняя пропуски соответствующими терминами на китайском языке; составьте как можно больше предложений из данных слов; подберите дефиниции к терминам из списка; расширьте предложения по образцу; замените развёрнутое описание в предложении одним термином; составьте монологическое высказывание на тему «Посольство», используя следующие ключевые слова; расположите слова по определённому принципу или признаку; закончите следующие предложения и т. д. Семантизация лексических единиц может осуществляться посредством использования наглядности, антонимов/синонимов, дефиниций, перевода и перевода-толкования.

Практика показывает, что обучающиеся испытывают определённые сложности в овладении таким видом речевой деятельности, как аудирование, представляющее собой процесс восприятия и понимания речи на слух. В этой связи особую актуальность приобретает систематическая работа над аудиотекстами, в ходе которой формируются основные механизмы аудирования: речевой слух, оперативная память и смысловое прогнозирование. В обучении аудированию используются упражнения, направленные на преодоление фонетических, лексических и грамматических трудностей восприятия (прослушайте предложения и поднимите руку, услышав отрицательное предложение; отметьте в списке слова, услышанные вами в диалоге; повторите предложение за диктором; запишите услышанные вами даты и т. д.); на аудитивную память и внимание (повторите вслед за диктором список слов; про-

слушайте предложения и скажите их в логической последовательности и т. д.); речевые упражнения (прослушайте текст и изложите его содержание в нескольких предложениях; прослушайте диалог и передайте его содержание; расскажите о структуре ООН, прослушав текст и т. д.).

Важным профессиональным умением специалиста-международника является умение читать различные типы текстов на китайском языке, извлекая из них информацию и обрабатывая её, в соответствии с поставленной задачей. В зависимости от целевой установки выделяют просмотровое чтение, направленное на «получение общего представления о читаемом материале»; ознакомительное чтение, представляющее собой «познающее чтение, при котором предметом внимания читающего становится все речевое произведение (книга, статья, рассказ) без установки на получение определённой информации»; изучающее чтение, предполагающее «максимально полное и точное понимание всей содержащейся в тексте информации и критическое её осмысление»; поисковое чтение, целью которого является «быстрое нахождение в тексте или в массиве текстов вполне определённых данных» [1]. В учебном процессе используются и другие виды чтения: подготовленное, неподготовленное, переводное, беспереvodное, вслух и про себя, индивидуальное, хоровое, тренировочное и контрольное.

Выбор текстов осуществляется в соответствии с такими характеристиками как объём, тематика, степень аутентичности. Отобранные для занятий тексты должны вызывать интерес у обучающихся и содержать актуальную информацию. Профессиональная направленность обучения обеспечивается использованием текстов на китайском языке, содержание которых соответствует направлению подготовки обучающихся («Международные отношения», «История дипломатии», «Международная торговля», и др.), отражает специфику будущей профессиональной деятельности.

В работе с текстом традиционно выделяют три этапа: дотекстовый, текстовый и послетекстовый, каждый из которых предполагает определённую последовательность упражнений. Например, предтекстовый этап предполагает создание у обучающихся мотивации к чтению текста, снятие языковых сложностей. Одним из

видов самостоятельной работы с текстом по специальности на китайском языке является написание аннотации.

При обучении говорению учитываются характеристики монологической и диалогической речи. Программа предполагает овладение обучающимися различными видами монологов (описание, приветственная речь, рассуждение и т. д.) и диалогов (переговоры, диалог-распрос и т. д.). В процессе обучения у обучающихся формируется комплекс умений, позволяющих осуществлять профессиональную коммуникацию на китайском языке, среди которых умение задавать различные типы вопросов; логично отвечать на поставленные вопросы, используя необходимые для этой цели лексические единицы; использовать различные реплики реагирования; высказывать свою точку зрения, демонстрируя знание грамматики и владение специальной терминологией; уточнять информацию или точку зрения; опровергать доводы собеседника, демонстрируя при этом владение речевым этикетом; аргументировано излагать свою позицию; оценить какой-либо факт; использовать речевые клише и т. д. Эффективным приёмом обучения профессиональному общению на китайском языке является деловая игра, в ходе которой моделируются реальные ситуации, относящиеся к сфере международных отношений, типы профессионального взаимодействия, в которых обучающиеся выступают представителями конкретных профессиональных ролей.

В процессе обучения китайскому языку бакалавров направления «Международные отношения» широко используются инновационные технологии обучения. Так, выполнение информационных проектов предполагает поиск и анализ информации по определённой тематике, работу с различными источниками информации на китайском языке. Активное внедрение в учебный процесс информационно-коммуникационных технологий позволяет повысить мотивацию изучения китайского языка, воссоздать аутентичную языковую среду, организовать индивидуальную самостоятельную работу обучающихся, использовать различные формы групповой работы, предъявлять учебный материал более наглядно и доступно в зрительной и звуковой форме.

Итак, большую роль в профессиональной подготовке специалиста-международника играет иноязычная коммуникативная ком-

петенция, что предопределяет большое внимание к организации обучения иностранному языку. Профессионально ориентированное обучение китайскому языку бакалавров направления «Международные отношения» предполагает формирование у обучающихся комплекса компетенций, навыков и умений, позволяющих осуществлять профессиональную коммуникацию.

Список литературы

1. Маслыко Е. А., Бабинская П. К., Бudyко А. Ф. Настольная книга преподавателя иностранного языка: справ. пособие. Минск: Высш. шк., 2000. С. 94–97.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 41.03.05 *Международные отношения* (уровень бакалавриата) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fgosvo.ru> (дата обращения: 20.02.2018).

УДК 374 (091)

Ольга Юрьевна Левченко,

*д-р пед. наук,
профессор кафедры международного права и международных связей,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: levchenkozir@mail.ru*

**Из истории изучения языков
в Русской православной миссии в Пекине**

Статья посвящена истории Русской православной миссии в Пекине. Миссия сыграла важную роль в подготовке первых российских синологов и стала исследовательским центром по изучению Китая.

Ключевые слова: *Русская православная миссия в Пекине, китайский язык*

Olga Yuryevna Levchenko,

*Doctor of Pedagogy, Professor of International Law
and International Relations Department,*

Transbaikal State University,

Chita, Russia,

e-mail: levchenkozip@mail.ru

From the History of Language Study in the Russian Orthodox Church Mission in Beijing

The article is devoted to the history of the Russian Orthodox Church mission in Beijing. It played an important role in preparing of the first Russian sinologists and became a center for the scientific study of China.

Key words: *the Russian Orthodox Mission in Beijing, Chinese language*

Русская православная миссия в Пекине, образованная в 1713 г., являлась не только духовным институтом, а была по своей сути церковно-политическим представительством Русской православной церкви и государства. Деятельность миссии была призвана сыграть важную роль в установлении и поддержании российско-китайских отношений, так как её члены в течение длительного периода времени являлись неофициальными представителями российского правительства в Китае. До 1861 г. миссия служила посредницей в межгосударственных отношениях России и Китая, поскольку в Пекине не было «российского министра-резидента». Православные миссионеры выступали в качестве посредников в экономических, торговых, культурных и научных контактах России и Китая.

Различные аспекты многогранной деятельности Русской православной миссии в Пекине неоднократно становились предметом исследований и первоначально освещались самими её сотрудниками.

В рамках данной статьи обратимся к истории изучения в стенах миссии иностранных языков, ограничив рамки исследования периодом деятельности первых десяти миссий (1713/1715–1830 гг.).

По имеющимся сведениям, изучение иностранных языков, в первую очередь китайского и маньчжурского, изначально рассматривалось в качестве важной задачи, стоявшей перед членами миссии. Именно поэтому в состав миссии включались молодые люди, зачастую окончившие православные духовные заведения

или обучавшиеся в них. Владение языком являлось важным фактором, предопределявшим успешность миссионерской деятельности и осуществления межгосударственных контактов. Данная задача ставилась ещё в указе Петра I, датированном 18 июня 1700 г.

В состав первой миссии, которой руководил архимандрит Иларион (Лежайский), вошли семь учеников «церковников», которые посылались для изучения китайского и маньчжурского языков, чтобы впоследствии быть способными выполнять функции переводчиков.

Архимандрит Антоний (А. Г. Платковский) возглавлял вторую духовную миссию, в состав которой вошли три ученика из его монгольской школы – Илларион Россохин, Герасим Шульгин и Михаил Пономарёв. Кроме этого, для изучения языков были посланы ещё три ученика из Славяно-греко-латинской академии. Для обучения учеников языкам богдыхан в августе 1729 г. назначил учителей китайского и маньчжурского языков. Как оказалось, «годны были к учению» только четверо учеников. Среди них особо отмечен ученик И. Рассохин, определённый в пекинскую коллегию иностранных дел для перевода документов и обучения «молодых китайских учеников переводу и российской грамоте» [1, с. 34]. К периоду пребывания второй миссии относят начало работы по составлению словаря-лексикона на четырёх языках – русском, латинском, китайском и маньчжурском, что «вероятно, было коллективным трудом всех учеников» [Там же]. Возвратившись из Китая, И. К. Рассохин получил должность переводчика при Академии наук, занимался преподавательской деятельностью и переводами.

В состав третьей миссии входили ученики Славяно-греко-латинской академии Алексей Леонтьев, Андрей Канаев и Никита Чеканов, которые, по имеющимся сведениям, открыли школу для обучения китайцев русскому языку, обучаясь в то же самое время у них разговорному китайскому. Другим видом их деятельности было изучение китайской литературы. Особой оценки заслужили успехи А. Леонтьева, подготовившего ряд переводов с китайского и маньчжурского языков и изданий, посвящённых Китаю.

После возвращения в Россию И. К. Рассохин продолжил службу в Коллегии иностранных дел в должности переводчика.

Среди его известных переводов «Китайские мысли», «Китайское уложение», «Путешествие китайского посланника к калмыцкому Аюке-хану, с описанием земель и обычаев российских» [2].

К четвёртой миссии в качестве учеников были прикомандированы Ефимий Сахновский и Никита Чеканов. Они продолжили работу их предшественников по составлению лексикона, изучали грамматику и практиковались в разговорном китайском языке. Известно, что в 1755 г. Е. Сахновский был отправлен для службы на Кяхтинской таможне.

В состав шестой миссии входили ученики Фёдор Бакшеев, Алексей Парышев, Алексей Агафонов. По возвращении из Китая они были определены переводчиками Коллегии иностранных дел и назначены на службу при Иркутском губернаторе. После смерти А. Леонтьева в 1786 г. Ф. Бакшеев был вызван в Петербург, где вскоре скончался, и его преемником стал другой выпускник миссии – А. Агафонов.

В состав седьмой миссии вошли ученики Егор Салертовский, бывший прежде студентом философии Московской академии, и студенты философии из Троицкой семинарии Антон Владыкин и Иван Филонов, а также певчий Алексей Попов, которому было 19 лет. Известно, что по возвращении из Китая А. Владыкин предоставил Коллегии иностранных дел «обстоятельный рапорт и содержательную записку» [1, с. 73].

В состав восьмой миссии, состоявшей из 32 человек, входили студенты казанской семинарии Иван Малышев, Степан Липовцов и студент богословия Карп Круглополов, которому было 20 лет. В инструкции миссии подчёркивалась необходимость изучить язык паствы, «дабы возможно было при удобных случаях внушить им понятие истины Евангелия» [1, с. 69]. Один из учеников миссии К. Круглополов, прожив некоторое время в Китае, обратился с прошением о разрешении возвращения в Россию по причине болезни и неспособности к изучению языков. На вакантную должность ученика был определён «толмач» миссии Василий Новосёлов, пожелавший остаться в Пекине.

В своём донесении начальник миссии охарактеризовал успехи учеников в изучении иностранных языков следующим образом: «читать, писать, исправно переводить и твёрдо разговаривать

по маньчжурски довольно хорошо знают, как я мог видеть из поданных мне ими переводов, которые по свидетельству веропрповедников, коим я оные переводы показывал, являлись похвальными» [1, с. 74]. Что касается владения китайским языком, то особенно были отмечены успехи С. Липовцева и В. Новосёлова. Известно, что, возвратившись на родину, В. Новоселов служил переводчиком маньчжурского языка в Иркутске, а П. Каменский и С. Липовцев были определены в Министерство иностранных дел, где «с большой пользой для правительства отправляли свои служебные обязанности» [1, с. 78].

Сообщается, что, овладев китайским языком, ученик миссии П. Каменский привлекался китайскими властями для переводов с латинского языка, который он знал в совершенстве, «бумаг, получаемых в китайском трибунале внешних сношений из Европы» [1, с. 92].

Сохранились и сведения о переводах, сделанных учениками миссии. Среди них названы переводы П. Каменского с маньчжурского языка «Азиатские посольства и прочие дела», «Монгольская история Чингизского дома», «Китайская история с хронологией и краткой статистической географией». Известно, что он составил один из первых русско-китайских словарей, который так и не был издан. Из переводов С. Липовцева в каталогах значатся «Записки о Китае», «Изображение народов, которые платят дань китайскому двору» и «Маньчжурский словарь», изданный в 1839 г. [1, с. 79].

Начальником девятой миссии был архимандрит Иакинф (И. Я. Бичурин), переводчик и преподаватель китайского языка, один из основоположников отечественной синологии. В состав миссии входили четыре ученика Маркел Лавровский, Лев Зимайлов, Михаил Сипаков, Евграф Громов. Деятельность миссии в изучении иностранных языков получила высокую оценку, отражённую в изученных нами источниках. «Прибыв в Пекин, девятая миссия с жаром и увлечением начала изучать язык и обычаи китайцев. Архимандрит Иакинф служил примером для братии», – так охарактеризована деятельность миссии по изучению языка [1, с. 86]. Известно, что архимандрит Иакинф составил на китайском языке краткий катехизис.

Автором многочисленных научных публикаций, касающихся Китая и сопредельных стран, среди которых «Записки о Монголии», «Китай. Его жители, нравы, обычаи, просвещение», «Описание религии учёных», «Китай в гражданском и нравственном состоянии», стал И. Я. Бичурин. Он является автором первого учебника китайского языка «Китайская грамматика» и одним из организаторов Кяхтинского училища китайского языка. Его заслугой является также подготовка библиографической работы «Реестр китайских и маньчжурских книг, находящихся в императорской Публичной библиотеке». Труды И. Я. Бичурина получили признание современников и не потеряли своей научной актуальности и сегодня.

Десятую миссию возглавлял архимандрит Петр (П. И. Каменский), ранее уже проживавший в Китае в составе миссии. Считается, что именно он заложил основы создания библиотеки при миссии. По возвращении он работал переводчиком маньчжурского и китайского языков при Азиатском департаменте Коллегии иностранных дел, состоял членом Петербургской академии наук и ряда других отечественных и зарубежных научных обществ.

В состав десятой миссии были включены ученики Кондрат Крымский, Захар Леонтьевский, Василий Абрамович, а также Н. И. Вознесенский, ученик Петропавловского духовного училища, причётник, поступивший в миссию на правах студента. «Занимаясь своими обязанностями с успехом, все члены миссии, начиная с начальника и кончая причетником, трудились на научном поприще», – читаем в издании [1, с. 98]. Иеромонах Вениамин преподавал русский язык в маньчжурской школе, открытой при китайском трибунале внешних сношений; иеромонах Даниил перевёл с русского на китайский язык утренние молитвы и читаемые за литургией. Ученик К. Крымский занимался подготовкой издания «Обозрение китайской философии»; Захар Леонтьевский – переводом на китайский язык «Истории государства российского» Н. М. Карамзина; Н. И. Вознесенский – написанием книги «Замечание о Китае» и составлением китайско-маньчжурского лексикона. Врач миссии Осип Войцеховский наряду с лечебной деятельностью, изучив языки, активно занимался и научной, в частности, составлял «Китайско-маньчжурско-русский словарь».

По возвращении из Китая члены миссии успешно продолжили свою деятельность, связанную с изученными языками. Известно, что Иеромонах Даниил и О. П. Войцеховский стали профессорами кафедры китайского языка Казанского университета. Переводчиком в Кяхте служил Н. И. Вознесенский. Имя К. Г. Крымского непосредственно связано с организацией и деятельностью Кяхтинского училища китайского языка, в котором он длительное время успешно исполнял обязанности директора и преподавателя.

Итак, Русская православная миссия сыграла важную роль в установлении и поддержании российско-китайских отношений, была центром научного исследования Китая. Изучение языков являлось одной из важнейших задач миссии, что предопределило включение в её состав учеников, занимавшихся изучением китайского, маньчжурского, монгольского и других языков. Из стен Русской православной миссии вышла целая плеяда отечественных востоковедов (И. К. Рассохин, И. Я. Бичурин, В. П. Васильев, О. П. Войцеховский, И. И. Захаров, О. М. Ковалевский, П. И. Кафаров, А. Л. Леонтьев и др.), получивших мировую известность.

Список литературы

1. Краткая история Русской православной миссии в Китае: составленная по случаю исполнившегося в 1913 году двухсотлетнего юбилея её существования [Электронный ресурс]. Пекин, 1916. Режим доступа: <http://www.elib.shpl.ru> (дата обращения: 20.02.2018).
2. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. 51. СПб., 1899. 500 с.

УДК 327

Лян Чжэньпэн,
аспирант кафедры международных отношений,
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия,
e-mail: 1263187243@qq.com

Китайская периферийная дипломатия и её практика в регионе Центральной Азии

Статья посвящена анализу изменений и преемственности периферийного дипломатического курса Поднебесной на рубеже XX и XXI вв. на основе материалов съездов КПК. Рассматриваются особенности концепции внешней периферийной политики и ведущие факторы влияния на выстраивание внешнеполитического курса в государствах, соседствующих с КНР.

Ключевые слова: периферийная дипломатия КНР, Центральная Азия, доклады съездов КПК, эволюция политики Китая в ближайшем круге

Liang Zhenpeng,
Postgraduate Student of International Relations Department,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia,
e-mail: 1263187243@qq.com

China's Peripheral Diplomacy and its Practice in the Central Asian Region

This article is devoted to the analysis of changes and continuities of China's the peripheral diplomatic at the turn of the 20th and 21st centuries based on the materials of the CCP congresses. The features of the concept of peripheral politics and the leading factors of influence on the alignment of the foreign policy course in the neighboring states are considered.

Key words: peripheral diplomacy of the PRC, Central Asia, reports of the CCP congresses, the evolution of China's policy in the immediate circle

Периферийный курс играет важную роль в китайской дипломатической тактике в XXI в. В настоящее время ситуация в близлежащих районах претерпевает серьезные изменения и корректировки. В условиях активизации взаимодействия страны с соседними странами инновация идей особенно важна для улучшения отношений между ними. Министр иностранных дел КНР Ван И считает, что «в политическом аспекте – соседние государства ока-

зывают первоочередную поддержку в процессе защиты суверенитета и интересов Китая на международной арене, большинство из них являются развивающимися странами и по основным международным и региональным вопросам имеют общие точки соприкосновения; в экономическом аспекте – соседние государства являются важными партнёрами внедрения политики открытости внешнему миру и осуществления взаимовыгодного сотрудничества, в рамках которого усиление взаимозависимости с сопредельными странами имеет особенное значение для реализации стратегий “выхода за рубеж” и “масштабного освоения западных районов государства”; в сфере безопасности – мирная стабильная окружающая среда необходима для сохранения социально-общественной стабильности и продвижения социалистического модернизированного развития страны» [1].

В апреле 1990 г. в статье «структура мира в 1990-е гг. и Китай» Чэн Линьшэн отметил, что Пекин должен в дальнейшем продвигать и поддерживать долгосрочную стабильную безопасность внешней политики и участвовать в региональном экономическом сотрудничестве в Азиатско-Тихоокеанском регионе для того, чтобы получить преимущества в экономической, стратегической сфере и сфере безопасности [2]. В 1991 г. в своей статье «Эволюционная тенденция нового мирового порядка и международная безопасность» Си Жуньчан написал, что среда безопасности Китая состоит из трёх взаимосвязанных аспектов: глобальная среда безопасности, региональная среда безопасности и периферийная среда безопасности. Все ещё существует много проблем с внешней безопасностью, несмотря на изменения в безопасности на глобальном уровне в лучшую сторону [3].

Китай находится в восточной части Евразийского континента, на западном тихоокеанском побережье. Вокруг него расположено много стран. Это заставляет Пекин прилагать все силы к созданию благоприятных условий в пользу проведения дальнейшей реформы открытости и развития модернизации государства.

С распадом СССР произошло резкое изменение и перераспределение разных международных политических сил вокруг Пекина: появление новых соседей рядом; возникновение потенциальных конфликтов (например, территориальные споры с соседя-

ми), поэтому в КНР большое внимание придаётся обеспечению стабильной ситуации с соседними государствами. Урегулирование периферийной дипломатии выносилось на повестку дня. Как отметил председатель Цзян Цзэминь в докладе XV съезда: «Китай нуждается в долгосрочной мирной международной среде, в особенности, полезной окружающей атмосфере» [4]. В период 1990-х гг. правительством КНР был наработан богатый опыт в делах разрешения спорных вопросов с соседними странами.

В XXI в. развитие международных отношений с соседними странами является первоочередной задачей для Поднебесной и сопровождается повышением актуальности значимости внешних условий на внешнеполитической арене Китая. Председатель КНР в политическом тексте XVI съезда КПК подчеркнул: «мы будем продолжать укреплять политический курс “добрососедства, где наши соседи рассматриваются как партнёры”; усиливать региональное сотрудничество и продвигать обмен и сотрудничество с соседними странами на новый уровень» [11].

Просматривая тексты докладов XVII и XVIII съездов КПК, можно обнаружить, что с XVI по XVIII съезд КПК периферийная дипломатия оставалась в списке приоритетных направлений внешней политики страны и постоянно дополнялась новыми коррективами, хотя в докладе XV съезда КПК нечётко сформирована чёткая концепция, но её основной смысл в целом очевиден, что отражено в таблице.

Министр иностранных дел Китая Ван И считает, что периферийный курс на добрососедские партнёрские отношения с соседями, выдвинутый в докладе 16-го съезда КПК, направлен на укрепление добрососедского регионального сотрудничества, неразрывно совершенствуется, продвигает на новый уровень и улучшает развитие сотрудничества с близлежащими странами [1, с. 21].

В XXI в. китайская периферийная дипломатия постоянно дополняется новыми лозунгами. Пекин продолжает углублять добрососедские отношения с близлежащими государствами. В таких лозунгах, как «добрососедские отношения с сопредельными государствами, позиционирование соседей как партнёров», «добрососедство («Мулинь»», спокойствие («Аньлинь») и процветание соседей («Фулинь»)), «партнёрские и взаимовыгодные отношения», «дове-

рие, честность и толерантность», что отражено в таблице проявляется более систематический и комплексный характер внешней политики страны.

С XVI по XIX съезд КПК периферийная дипломатия является одним из четырёх главных опор построения внешней политики государства.

Предыдущий премьер КНР Вэнь Цзябао выступил с речью «Развитие Китая и возрождение Азии» и выдвинул китайский периферийный внешнеполитический курс на добрососедство, мир и согласие, общее благо в саммите бизнеса и инвестиции АСЕАН в октябре 2003 г. Добрососедство наследует от китайской философской мысли «гуманность и мир», распространение которой способствует построению стабильной и гармоничной структуры государственных отношений в соответствии с принципом мирного сосуществования с соседними странами; мир и согласие – принятие активного участия в поддержании мира и стабильности в регионе, укрепление взаимного доверия посредством диалога, регулирование своих разногласий путём мирных переговоров в целях создания мирной и стабильной среды для азиатского регионального развития; общее благо – укрепление взаимовыгодного сотрудничества с соседними странами, углубление регионального и субрегионального сотрудничества, активное содействие региональной экономической интеграции для достижения общего развития с азиатскими странами [2].

В октябре 2013 г. в Пекине первый раз состоялся форум по развитию периферийной дипломатии, посвящённый внешней политике в отношении соседних стран. На этом заседании генеральным секретарем КПК Си Цзиньпином была предложена концепция «сообщество судеб сопредельных стран» и отмечен основной периферийный дипломатический курс на «добрососедские и партнёрские отношения с сопредельными государствами», «добрососедство, спокойствие и процветание», «доверие, честность и толерантность» [4].

Периферийная дипломатия КНР в партийных документах КПК 1997–2016 гг.
(см. доклады XV, XVI, XVII, XVIII, XIX съездов КПК)

<p><i>XV съезд КПК сентябрь 1997 г.</i></p>	<p><i>XVI съезд КПК ноябрь 2002 г.</i></p>	<p><i>XVII съезд КПК октябрь 2007 г.</i></p>	<p><i>XVIII съезд КПК ноябрь 2012 г.</i></p>	<p><i>XIX съезд КПК ноябрь 2012 г.</i></p>
<p>Присутствует большая возможность обеспечения благоприятной международной мирной обстановки. Путём переговоров разрешить спорные вопросы для того, чтобы обеспечить мирную стабильную обстановку. Искать общие точки соприкосновения в различных, временно отложить решение споров, которые пока нельзя урегулировать</p>	<p>Присутствует большая возможность сохранения долгосрочной мирной международной обстановки и благоприятной окружающей среды. Китай будет продолжать укреплять добрососедские отношения, поддерживать политического курса «благоприятные отношения с соседними странами, развивать региональное сотрудничество, совместно создавать и поддерживать мирную и стабильную, взаимовыгодную региональную обстановку</p>	<p>Китай продолжает превращать периферийный политический курс «благоприятное отношение к соседним странам, рассматривать соседей как партнёров», усиливать добрососедское и практическое сотрудничество с соседними странами, активно развивать региональное сотрудничество, совместно создавать и поддерживать мирную и стабильную, взаимовыгодную региональную обстановку</p>	<p>Китай продолжает дипломатический курс «благоприятное отношение с соседними странами, рассматривает соседние государства в качестве партнёров», укрепляет добрососедское и взаимовыгодное сотрудничество, и стремится к общему развитию</p>	<p>Китай продолжает развивать отношения с соседними странами в соответствии с концепцией «доброжелательность, честность, взаимовыгодность и инклюзивность». Внешнеполитический курс на доброжелательные и партнёрские отношения с соседними странами</p>

«Добрососедство» предполагает развитие дружественных политических отношений с окружающими странами, в целях установления и поддержания долгосрочных партнёрских отношений. «Спокойствие» означает поддержание Китаем спокойной обстановки с сопредельными государствами. Большинство стран, граничащих с КНР, уступают в аспектах демографии, территориальной площади и комплексной государственной мощи. Пекин активно принимает меры для устранения этих страхов и всеобщей озабоченности о возвышении Китая в XXI в. Смысл термина «процветание» состоит в том, что Поднебесная должна учитывать интересы соседей при развитии своей экономики для продолжения дружеских отношений с соседними государствами.

«Доброжелательность» означает добрососедские и дружеские отношения, взаимное оказание помощи с акцентом на равенство во взаимоотношениях, частые встречи и обсуждение общих дел, а также содействие друг другу; «честность» – это основной принцип дружеских отношений, только честные отношения с соседними странами, могут вызывать доверие, уважение и поддержку со стороны сопредельных государств; «взаимовыгодность» – означает развитие сотрудничества и создание общих интересов с соседними странами на основе взаимной выгоды; «инклюзивность» – предполагает первоочерёдность идеи толерантности, основное внимание уделяется совместному развитию и содействию в региональном процветании» [5].

Новая концепция справедливости и выгоды, впервые выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином на заседании, посвящённом работе периферийной дипломатии, означает приверженность правильной концепции справедливости и выгоды, поддержание моральных ценностей и оказание помощи развивающимся странам. Во время визита в Южную Корею председателем Си Цзиньпином была изложена коннотация справедливости и выгоды, а именно: в политике – соблюдение основных принципов международного права и международных отношений, поддержание принципов справедливости и равенства; в экономике – акцент на взаимовыгодное совместное развитие [6].

Совместное развитие проекта «Один пояс – один путь» с развивающимися странами с отстающей экономикой и слабой ин-

фраструктурной системой, создание фонда Шёлкового пути и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций для поддержки развития взаимосвязанного инфраструктурного построения и повышения способности саморазвития развивающихся стран являются новой практикой периферийной дипломатии Китая на новом этапе. В докладе XIX в. подтвердилось «активное содействие международному сотрудничеству проекта «Один пояс – один путь», усиление помощи развивающимся странам, особенно наименее развитым странам» [7].

На заседании, посвящённом работе дипломатии в 2013 г., председателем КНР Си Цзинпином впервые была предложена идея объединения китайской мечты и желания развития экономики соседних стран, в ноябре 2014 г. на конференции по внешней политике им подтвердилась концепция создания «периферийного сообщества с единой судьбой» [8].

Профессор института исследований международной стратегии партийного университета центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) Цинь Чжилай привёл всю окружающую среду Китая в XXI в. к следующим трём моментам: «1) формирование относительно мирной тенденции развития с сопредельными государствами посредством диалога и координации между соседними крупными державами. Снижение влияния США на окружающую обстановку и повышение влияния России, Индии и Китая способствует сбалансированию политических сил разных держав в пользу сохранения стабильной региональной обстановки для совместного развития; 2) увеличение значимости совместного экономического сотрудничества. Углубляющееся развитие региональной экономической интеграции, несомненно, заложит прочную основу для построения гармоничной внешней обстановки; 3) всё больше и больше соседних стран связывают своё собственное развитие с Пекином, влияние которого во внешней политике неуклонно растёт в последние годы» [9].

«Продвижение развития периферийной дипломатии, подчиняющейся цели реализации двух столетий и китайской мечты о великом возрождении китайской нации, способствует развитию благоприятной внешней политики, что позволяет реализовывать благоприятное совместное развитие с соседними странами.

Концепция «доброжелательность, честность, взаимовыгодность и инклюзивность», «правильные ценности справедливости и выгоды» и идея о «сообществе с единой судьбой человечества» будет руководить периферийной внешней политикой в последующие 5–10 лет» [10].

В китайской периферийной дипломатии, сформированной в соответствии с характеристиками сопредельных стран, отразились особенности отношений КНР с соседями. За исключением России и Индии, остальные приграничные государства развиваются медленнее, чем Китай, который играет всё более важную роль в региональных и международных отношениях с усилением комплексной государственной мощи за последние годы.

Профессор Ван Гуанхоу Северо-Восточного педагогического университета свёл принципы развития отношений Китая с соседними странами к следующим четырём пунктам:

1) пять принципов мирного сосуществования. То есть, взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности; ненападение; невмешательство во внутренние дела друг друга; равенство и взаимная выгода; мирное сосуществование; 2) разрешение спорных вопросов мирным путём; 3) взаимная выгода; 4) поиск общих точек в случае разногласий [11].

Китайская внешняя политика по отношению к близлежащим странам постоянно корректируется и дополняется новыми элементами согласно внутренним реформам и изменениям во внешней среде. Концепция «гармоничный регион» основана на идеях концепции «гармоничный мир» и «периферийная дипломатия». Концепция «гармоничная окружающая среда» сформирована на основе сочетания идей периферийной дипломатии и гармоничного мира. В июне 2006 г. на Саммите Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) председатель КНР выступил с речью, в которой была предложена идея создания региона гармоничного долгосрочного мира и общего процветания. В августе 2007 г. на Бишкекском саммите ШОС был принят договор о долгосрочной добрососедской дружбе и сотрудничестве между государствами-членами ШОС. Идея «построения гармоничного региона» впервые была определена в юридическом документе [12].

Центрально-азиатский вектор остаётся одним из приоритетов в интеграционном прогрессе в сфере экономики и безопасности. В регион включён Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан. Общая приграничная линия между КНР с первыми тремя странами составляет более 3 тыс. км. За прошедшие годы после обретения независимости суверенитета пяти стран данного региона китайско-центрально-азиатские отношения успешно развивались при их приверженности принципу мирного сосуществования. В 1990-е гг. Китай с государствами данного региона установил дипломатические отношения и были разрешены территориальные спорные вопросы путём переговоров и диалога в рамках механизма «шанхайской пятерки». Китай неуклонно придерживается добрососедской дружественной мирной внешней политики. Активно развиваются хорошие отношения со странами Центральной Азии в целях создания благоприятной окружающей атмосферы для своего развития в регионе.

Внешняя политика КНР на центральноазиатском направлении определяется внутренними и внешними факторами КНР. С одной стороны, с продвижением строительства государства Китаем выделены чёткие интересы в регионе, в которые входят интересы безопасности, энергетические интересы, экономические интересы. С другой стороны, после события 11 сентября 2001 г., усиления влияния США на ситуацию вокруг северо-западной границы Китая заставляет Пекин сделать активным урегулирование своей политики в регионе ЦА. В двустороннем и многостороннем форматах – укрепление дружественных отношений с государствами региона: усиление сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом для обеспечения безопасности в граничных районах; развитие энергетического, экономического и гуманитарного взаимодействия с ними для повышения позиций в регионе.

В начале XXI в. Китай, Россия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан совместно создали многостороннюю площадку «шанхайская организация сотрудничества» (ШОС). «ШОС задействована с соблюдением установки на укрепление взаимного доверия и добрососедства, дружбы, усиление эффективного сотрудничества в политической, торгово-экономической, культурной,

научной и других областях, совместное сохранение и обеспечение мира, безопасности и стабильности региона, продвижение формирования демократического справедливого рационального международного политэкономического порядка» [13]. Кроме того, проект «Экономического пояса Шёлкового пути» предоставляет большой потенциал развитию двусторонних и многосторонних китайско-центральноазиатских отношений.

Список литературы

1. 王毅. 与邻为善-- 以邻为伴. 求是. 2003年. 第4期. 第19–22页. 第19页 (Ван И. Добро относиться к соседним странам, рассматривать соседей как партнёров // Журнал цюши. 2003. № 4. С. 19–22. С. 19.
2. 程林胜. 九十年代世界总格局与中国. 国际政治研究. 1990 年第 3 期. 第26–36页. 第36 页 (Чэн Линьшэн. Общее положение мира в 1990-е гг. и Китай) // Журнал международного политического исследования. 1990. № 3. С. 26–36.
3. 郗润昌. 世界新秩序的演变与国际安全. 未来与发展. 1991 年第 4 期. 第24–29页. 第29 页 (Си Жуньчан. Эволюция нового мирового порядка и международная безопасность) // Будущее и развитие. № 4. 1991. С. 24–29. С. 29.
4. Цзян Цзэминь. Доклад на 15-м съезде КПК [Электронный ресурс] // Синьхуа онлайн. 12.09.1997. Режим доступа: <http://www.cpc.people.com.cn/GW/64162/64168/64568/65445/4526285.html> (дата обращения: 17.01.2018) (на кит. яз.).
5. 为我国发展争取良好周边环境推动我国发展更好惠及周边国家. 人民日报. 2013年10月26日 (Стремление к хорошей окружающей среде для развития нашей страны и содействие развитию соседним странам) [Электронный ресурс] // Жэньминьжибао онлайн. 26.10.2013. – режим доступа: <http://www.politics.people.com.cn/n/2013/1026/c1024-23332931.html> (дата обращения: 16.01.2018).
6. 习近平在韩国国立首尔大学的演讲 (全文). 新华网. 2014年07月04日. (Си Цзиньпин выступил с речью в Сеульском национальном университете Республики Кореи (полный текст) [Электронный ресурс] // Синьхуаван онлайн. 04. 07. 2014. Режим доступа: http://www.news.xinhuanet.com/world/2014-07/04/c_1111468087.htm) (дата обращения: 17.01.2018).
7. 习近平. 中国共产党第十九次全国代表大会上的报告. 新疆统一战线. 2017年10月18日 (Си Цзиньпин. Доклад на XIX съезда КПК) [Электронный ресурс] // Тунъичжаньсянь онлайн. 18.10.2017. Режим доступа: http://www.xjtz.gov.cn/2017-10/23/c_1121842181.htm (дата обращения: 17.01.2018).
8. 中央外事工作会议在北京举行. 人民日报. 2014 年11月30日 (Центральная конференция по международным делам иностранных дел в Пекине) [Электронный ресурс] // Жэньминьжибао онлайн. 30.11.2014. Режим

доступа: <http://www.politics.people.com.cn/n/2014/1130/c1024-26118788.html> (дата обращения: 17.01.2018).

9. 秦治来. 和谐周边: 中国周边外交战略新起点. 国际关系学院学报 2010年第6期. 第25-29页, 第26-27页 (Цинь Чжилай. Гармоничная периферия: новая отправная точка дипломатической стратегии Китая) // Вестник института международных отношений. 2010. № 6. С. 25–29.

10. 为我国发展争取良好周边环境推动我国发展更好惠及周边国家. 人民日报. 2013年10月26日 (Стремление к хорошей окружающей среде для развития нашей страны и содействие развитию соседним странам) [Электронный ресурс] // Жэньминьжибао онлайн. 26.10.2013. Режим доступа: <http://www.politics.people.com.cn/n/2013/1026/c1024-23332931.html> (дата обращения: 17.01.2018).

11. 袁野, 王光厚. 试论中国周边外交的基本原则. 国际问题. 2013. 第7期. 第156-159页 (Юань Е. Ван Гуанхоу. Анализ основных принципов китайской периферийной дипломатии) // Международные вопросы. 2013. №7. С.156–159.

12. 上海合作组织峰会. 外交部网站. 2007年8月 (Саммит ШОС) [Электронный ресурс] // Министерства иностранных дел КНР. 08. 2007. Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/lhg_683094/jbqk_683096/ (дата обращения: 17.01.2018).

13. 江泽民. 深化团结协作,共创美好世纪. 人民日报. 2001年6月16日 (Цзянь Цзэминь. Углубление солидарности и сотрудничества, совместно создать новое столетие. Жэньминьжибао. [Электронный ресурс] // Жэньминьжибао онлайн. 16. 07. 2001. Режим доступа: <http://www.people.com.cn/GB/shizheng/16/20010615/489778.html> (дата обращения: 17.01.2018).

УДК 316.33 (510)

Валентина Сергеевна Морозова,

*д-р филос. наук, доцент,
профессор Департамента востоковедения и африканистики,
Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Санкт-Петербург, Россия;
руководитель Читинского филиала ИДВ РАН,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: morozova1550@mail.ru*

Кристина Сергеевна Дубровская,

*аспирант кафедры востоковедения и регионоведения Северной
Америки,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: hatkova@inbox.ru*

**Трансформация культурно-цивилизационной идентичности
российского приграничья: практика, особенности, контексты
(на примере Забайкальского края)**

В статье анализируется процесс трансформации культурно-цивилизационной идентичности приграничного региона, который имеет свои качественные характеристики. Авторы обосновывают необходимость выделения двух типов идентичностей: генерирующуюся самим регионом (так называемая внутренняя идентичность) и вспомогательную идентичность, базирующуюся на наличии ценностных основ двух региональных контактирующих культур. В данном контексте представляется актуальным определение степени концентрации культурных элементов в инокультурном пространстве зарубежья. На основе проведённого мониторинга авторы делают вывод о конструировании особого социокультурного пространства приграничного взаимодействия РФ – КНР, в котором происходит формирование новых стереотипов восприятия своей собственной культуры.

Ключевые слова: *культурно-цивилизационная идентичность, социокультурное пространство приграничного взаимодействия РФ – КНР, региональная культура*

Valentina Sergeevna Morozova,

*Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Professor at Department of Asian and African Studies,
National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg;
The Head of Chita branch RAS Institute of Far Eastern Studies
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: morozova1550@mail.ru*

Kristina Sergeevna Dubrovskaya,

*Postgraduate student of Oriental Studies Department,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: hatkova@inbox.ru*

Transformation of Cultural-Civilizational Identity of Russian Borderland: Practice, Features, Perspectives (Concerning Transbaikal Region)

The article analyzes the transformation process of border region cultural-civilizational identity, which has its own qualitative characteristics. The authors substantiate the need to distinguish two types of identities: generated by the region (so-called internal identity) and an auxiliary identity based on the existence of the value bases of two contacting regional cultures. In this context, it seems relevant to determine the degree of concentration of cultural elements in foreign cultures abroad. Based on the monitoring, the authors draw a conclusion about the construction of a special socio-cultural space of frontier interaction between the Russian Federation and the People's Republic of China, where new stereotypes of perception of their own cultures are taking shape.

Key words: *cultural-civilizational identity, socio-cultural space of Russia-China cross border cooperation, regional culture*

Сегодня становится очевидной интенсификация международных отношений, в процессы которой вовлекаются взаимосвязи и взаимозависимости всё большего количества стран и регионов. В этой связи на первый план выходит проблематика культурно-цивилизационной региональной идентичности, которая приобретает особую специфику в условиях приграничья. В то же время в современной научной практике вопросы трансформации культурно-цивилизационной идентичности в контексте приграничного

взаимодействия стран и регионов, будучи безусловно значимыми в разработках отдельных научных школ и направлений, в целом являются, по нашему мнению, недостаточно разработанными.

Концепция региональной идентичности имеет междисциплинарное содержание и базируется на теоретическом и методологическом наследии ряда отраслей научного знания. Её изучение является достаточно традиционным явлением для таких наук, как, например, политическая география. В рамках исследования проблем идентичности теории и практики, отталкиваясь от изучения географической среды, не учитывали в характеристиках территории причины конкретного формирования какой-либо идентичности, рассматривая особенности географической среды как фактор территориальной дифференциации культуры [7]. Традиционные исследования региональной идентичности базируются на представлениях о жёстко ограниченных в территориальном, социальном и культурном плане территориях, что категорически неприменимо к приграничному пространству, не имеющему чётких географических и иных границ.

Вспомним, что одним из поворотных моментов в ценностно-мировоззренческом ориентире России стала концепция развития страны В. В. Путина (2007–2008 гг.), которая чётко определила позитивное развитие государства, подчинённое единой логике и укладывающееся в единую стратегию – «План Путина». Несмотря на то, что этот план официально нигде не закреплён, а представляет собой лишь набор лозунгов и цитат, вместе с тем Россия успешно начала реализацию курса превращения страны в центр мирового политического, экономического и культурного влияния, курс на коренное улучшение качества жизни граждан, а значит, и на сохранение самобытной культурно-цивилизационной идентичности. План Путина состоит в решении пяти основных задач, необходимых для превращения России в одну из величайших и наиболее развитых держав мира: сохранение и развитие России как уникальной цивилизации; модернизация страны; обеспечение нового качества жизни граждан; повышение эффективности государства; укрепление обороноспособности и обеспечение безопасности страны.

Центральной идеей и отправной точкой Плана Путина является представление о России как об уникальной цивилизации, одной из характеристик которой является мирное содружество множества культур и религий, при котором ни одна из них не ущемляется и не вводится в стандартизированные цивилизационные рамки. Сохранение и развитие России как уникальной цивилизации означает поддержку и развитие образования, культуры, науки и искусства, утверждение единой российской гражданской идентичности при сохранении уникальности и самобытности всех составляющих её народов [6].

Однако исследование трансформации социокультурной идентичности страны немыслимо без исследования трансформации идентичности её регионов. Вместе с тем, приграничное пространство – это не только пространство трансформации имеющейся идентичности, но и место формирования новых идентичностей. Так, наполнение исследовательской аналитики проблем взаимодействия приграничных территорий проблематикой идентичности продиктовано потребностью выявления места и роли человека в динамичных процессах регионализации и глобализации, где он представляется как носитель регионального цивилизационного генотипа, социокультурной доминанты, выражающейся в ментальности, языке, образе мыслей. Целостность российской государственности в условиях глобализации зависит не только от политических факторов, но и от социокультурного самоопределения этносов, от степени притяжения русской многонациональной идеи, русского языка и культуры, конфессиональной идентичности, смысловое поле которых определяет множественность субъектов поликультурного пространства региона [8]. Потому культурфилософская трактовка понятия «идентичность» (когда она понимается как особый региональный менталитет) представляет собой системное решение вопросов трансформации культурно-цивилизационной идентичности регионов России (в том числе и особенно – приграничных). Это крайне важная задача и с точки зрения философского осмысления проблемы сохранения культурно-цивилизационной идентичности в контексте процессов глобализации, что требует ответа на вопрос о соотношении глобализации, ориентированной на ценности единства, целого и общего, с

доминированием дифференциации по культурным основаниям и стремлением сохранения своей идентификации. В этих условиях особую важность и актуальность приобретает проблема региональной культурно-цивилизационной идентичности. Динамика идентификационных процессов может быть рассмотрена как своеобразный индикатор социокультурного самочувствия и показатель состояния общества [4].

Почему же культурно-цивилизационная идентичность долгое время оставалась практически вне поля зрения учёных? Процесс трансформации идентичности населения – достаточно длительный. Приграничные территории, как правило, на протяжении всей истории своего развития претерпевают активные изменения, что можно трактовать как последовательное противостояние взаимодействующих типов культур. На примере Забайкальского края очевидно прослеживаются тенденции процесса трансформации культурно-цивилизационной идентичности региона. Сегодня в СМИ активно обсуждается высокий процент оттока населения края в центральные регионы России. И хотя причины данных процессов очевидны, однако вместе с тем активизируется и взаимодействие с приграничными территориями КНР, что усложняет выявление внутренних закономерностей данного процесса и факторов, предопределивших специфику развития исследуемого явления.

Среди различных вопросов касаясь трансформации культурно-цивилизационной идентичности приграничья можно выделить основные:

- исследование культурного своеобразия трансформационных изменений региональных практик приграничных территорий РФ – КНР, происходящих в рамках их межкультурного взаимодействия;
- анализ ценностно-идеологического фактора глобализирующегося Китайского региона, как определяющего трансформацию культурно-цивилизационной идентичности Забайкальского края;
- выявление особенностей современной социокультурной ситуации в развитии приграничных территорий Забайкальского края РФ и Северо-Востока КНР.

Процессы трансформации региональной идентичности Забайкальского края в первую очередь обращают на себя внимание ввиду его активного взаимодействия с приграничными территориями КНР (в частности, с регионом Дунбэй). При этом необходимо учитывать, что идентичность, во-первых, может генерироваться самим регионом (так называемая внутренняя идентичность). Во-вторых, можно поставить вопрос о вспомогательной идентичности, базирующейся на наличии ценностных основ двух региональных контактирующих культур. Данные варианты региональной идентичности находятся во взаимосвязи и подвержены динамическому взаимовлиянию.

Как отмечает Д. А. Крылов, региональные, или периферийные, сообщества находятся в наиболее сложных условиях в случае утраты внешней общности, сформированной на принципах централизации. В действие вступают механизмы частной, местной референции. К примеру, для Забайкалья этот процесс был связан с особенностями формирования современного населения, главным образом пришлого, где с одной стороны присутствуют группы, добровольно осваивавшие территорию, а с другой – группы населения, сославшиеся в наказание. Фактически это привело к формированию двух больших групп населения, различающихся между собою по степени сплочённости и активности. К примеру, население Красного Чикоя состоит из старообрядцев-семейских и потомков казаков, с высоким уровнем притязаний и самосознания. Данные группы населения во многом сохранили патриархальную идентификацию, сформированную аграрным сознанием. В других районах, где население не отличается устойчивой однородностью, было сформировано искусственно и зависело от промышленных целей, в условиях упадка в промышленной сфере, наблюдается деградация сообщества, утрата ими идентичности. К такому району, для сравнения, может быть отнесён Петровский завод, соседствующий с Красным Чикоем. Население Петровского завода характеризуется низкой степенью активности и предприимчивости [3].

Важнейшим фактором трансформации культурно-цивилизационной идентичности правомерно считать усиление межрегионального культурного взаимодействия, в контексте которого про-

исходит ряд определённых изменений цивилизационных основ контактирующих региональных культур. В частности, современные практики диалога между региональными культурами Забайкальского края РФ и Северо-Восточного региона КНР (в том числе, между различными конфессиями и этнонациональными сообществами) могут способствовать утверждению общих целей национального культурного развития обеих стран. В этом отношении в Забайкальском крае существует интересный опыт, когда регион, несмотря на наличие некоторых трудностей (например, остро дискутируемое предположение о страхе «жёлтой угрозы» или «экспансии»), продуцирует собственные формы взаимодействия приграничного населения РФ и при этом не замыкается на особенностях своей региональной культуры, а активно взаимодействует с приграничными территориями КНР.

Отметим, что, определяя современную культуру как находящуюся в состоянии, описываемом многими исследователями как «кризисное», «пороговое» или «межэпохальное», авторы рассматривают межцивилизационный диалог и взаимовлияние различных региональных культур в качестве фактора формирования особого типа культурно-цивилизационной идентичности приграничных территорий, что адекватно отражено процессами жизнедеятельности населения под влиянием ценностно-идеологического фактора культурных трансформаций, соотнесённых с жизнедеятельностью региона в целом.

Межкультурное взаимодействие РФ и КНР в социокультурном пространстве приграничья максимально приближено к потребностям местных региональных сообществ. С другой стороны, на приграничной территории возрастает способность к восприятию «другого», иных ценностей. Так, региональная культура Забайкальского края (как часть общего национальной культуры России), испытавшая многочисленные социально-политические, экономические и культурные влияния в ходе межрегионального взаимодействия с приграничными территориями КНР, всё-таки смогла сохранить свою самобытность, что является на сегодняшний день основой распространения её ценностных систем, соответствующих духовно-культурным архетипам российского общества.

Безусловно, имеет место факт некоторых изменений в структуре семейно-родственных связей исследуемых приграничных территорий, не оказывающий, однако, большого влияния на трансформацию культурно-цивилизационной идентичности Забайкальского края. Речь идёт о практике межнациональных браков, а именно браков между русскими и китайцами. Это явление рассматривается в качестве закономерного результата участия указанных приграничных регионов в процессах экономического, политического, социокультурного обмена двух стран. Один момент в российско-китайских отношениях кажется особенно показательным: подавляющее большинство смешанных браков между китайцами и россиянами – это браки китайских мужчин и российских женщин. Отчасти это вызвано факторами демографии – в России избыток женщин, а в Китае слишком много мужчин. Стоит также отметить, что общее количество браков, заключённых в Забайкальском крае между гражданами РФ и КНР за последние годы, исчисляется всего лишь единицами, но не десятками и не сотнями.

Трансформация культурно-цивилизационной идентичности отражает прежде всего проблему сохранения культурного наследия, поскольку любое человеческое общество всегда стремилось сохранить и приумножить своё национальное достояние. Правительство Забайкальского края уделяет должное внимание охране объектов культурного наследия, 12 из которых расположены в Забайкальском районе, непосредственно граничащим с территорией КНР [5].

В результате комплексного компаративистского исследования, проведённого в период 2008–2017 гг., было выявлено, что культурно-цивилизационная идентичность Забайкальского края не претерпела значительных изменений под влиянием приграничных территорий Китая. Однако заслуживает внимания факт трансформации культурно-цивилизационной идентичности приграничных территорий КНР. Культурное присутствие России в Маньчжурии активизировалось с начала 2000-х гг. Основная деятельность в немалой степени связана с поддержкой и распространением публикаций на русском языке, в частности, с публикацией журнала «Вестник Азии» в системе русскоязычных периодических изданий в Маньчжурии. Что касается системы массовых ком-

муникаций, то на сегодняшний день она характеризуется «строительным бумом» интернет-порталов и веб-сайтов, имеющих различное предназначение: от почтового ящика до электронного офиса. В динамично развивающемся городе, каким является Маньчжурия, информационное пространство не стало исключением. Существует несколько интернет-сайтов, освещающих жизнь Маньчжурии на русском языке (www.manchzhuriya.ru/, www.manchzhuriya.com/), на русском же языке издаётся газета «Маньчжоули бао». Также в Маньчжурии был открыт крупнейший в Китае Музей русского искусства. Общая строительная площадь музея 4600 м². В музее, украшенном настенными росписями в русском и европейском стилях, экспонируются более 2000 шедевров русского искусства разных времен. Посетителям музея предоставлена возможность познакомиться с произведениями масляной живописи и скульптуры российских мастеров, представлены матрёшки и другие изделия русских традиционных ремёсел и художественного промысла. Повседневная жизнь определённого числа жителей Маньчжурии всё больше определяется нормами и вкусами русской культуры. В городе появляется всё большее число выходцев из России (в основном из приграничных городов) – приехавших на заработки или для учебы – постепенно размывающих сформировавшиеся традиционные культурные привычки и обычаи города.

В настоящее время присутствие России в социокультурном пространстве Китая выражено более ярко, обретая массовый характер, нежели присутствие Китая в социокультурном пространстве России (что подтверждено достаточно обширным заимствованием русских культурных образцов приграничным китайским городом Маньчжурия). Эффективное межкультурное взаимодействие приграничных территорий происходит, безусловно, благодаря способности населения в нужной степени адаптироваться к условиям своего существования. Сюда относится владение хотя бы небольшими основами русского языка. В частности, интересен факт, что в той или иной мере могут пользоваться русским или изучают его в данный момент 96 % китайских респондентов, проживающих на территории РФ [2]. Правда, почти половина из них «плохо говорит и понимает» по-русски, но для практических це-

лей их элементарных языковых знаний оказывается достаточно. В опросе, проведённом в Забайкалье Институтом Дальнего Востока РАН совместно с его Читинским филиалом [1], говорящих или понимающих по-русски оказалось 80,4 %.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что опыт и практика взаимодействия приграничных территорий Забайкальского края РФ и Северо-Востока КНР создают условия для трансформации культурно-цивилизационной идентичности приграничных регионов, конструируя особое социокультурное пространство приграничного взаимодействия, в котором происходит формирование новых стереотипов восприятия своей собственной культуры, определяющихся не только нормами современной жизни, но и уникальными особенностями каждой отдельной культуры, выраженными конкретными ценностно-идеологическими факторами. Именно эти факторы во многом определяют характер, качество и направленность процессов трансформации культурно-цивилизационной идентичности приграничья, происходящих в условиях взаимовлияния региональных культурных практик, что требует дополнительного исследовательского внимания.

Список литературы

1. Алагуева Т., Васильева К., Островский А. Образ россиян в глазах китайцев и образ китайцев в глазах россиян на сопредельной территории // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 4. С. 132.
2. Гельбрас В. Г. Китайская реальность России. М.: Муравей, 2001. С. 71.
3. Крылов Д. А. Идентичность и менталитет: Российское и Забайкальское измерения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sibcity.ru/index.php?news=369_8&line=5 (дата обращения: 25.02.2018).
4. Мазуренко И. В. Национально-культурная идентичность как условие сохранения и позиционирования Российского общества в рамках глобального миропорядка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.oad.rags.ru/vestnikrags/issues/issue0407_/040708.htm (дата обращения: 25.02.2018).
5. Перечни объектов культурного наследия, расположенных на территории Забайкальского края [Электронный ресурс] // Официальный сайт М-ва культуры Забайкальского края. Режим доступа: <http://www.minculture.e-zab.ru/information/?mid=2626> (дата обращения: 25.02.2018).

6. План Путина: словарь политических терминов / сост.: А. Чаадаев, К. Логинов. М.: Европа, 2007. С. 41.

7. Региональная идентичность: теоретическое содержание и методология изучения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dvo.sut.ru/libr/history/i299mez2/2.htm> (дата обращения: 25.02.2018).

8. Трансформация геополитической идентичности России в контексте национальной безопасности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.viperson.ru/wind.php?ID=630810&soch=1> (дата обращения: 25.02.2018).

УДК 130.2:323(510)

Ни Цзяоцзяо,

*аспирант кафедры востоковедения
и регионоведения Северной Америки,*

*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия;
ст. преподаватель кафедры русского языка и литературы,*

*Маньчжурский институт университета Внутренней Монголии,
г. Маньчжурия, КНР*

e-mail: jiaoni@yandex.ru

Осмысление практик культурного брендинга в контексте культурной регионализации КНР

Процесс культурного брендинга осмысливается в контексте культурной регионализации, которая представляется в качестве одной из парадигм развития современной культуры Китая. В статье анализируются практики культурного брендинга, направленные на освоение потенциала китайского культурно- исторического пространства. Подобные практики являются своеобразными маркерами процесса внутренней и внешней культурной регионализации Китая.

Ключевые слова: культурная регионализация, культурный брендинг, практики, культурно-экономический пояс

Ni Jiaojiao,
Postgraduate Student of Oriental and North American
Regional Studies Department,
Transbaikal State University, G. Chita, Russia,
Senior Lecturer of Department of Russian Language and Literature
Manzhouli Branch of Inner Mongolia University, Manchuria, China
e-mail: jiaoni@yandex.ru

Interpretation of Cultural Branding Practices in Context of PRC's Cultural Regionalization

The process of cultural branding is interpreted in the context of cultural regionalization that is represented as one of the paradigms of modern Chinese culture development. The article analyzes the practices of cultural branding aimed at developing the potential of Chinese cultural and historical space. Such practices are original markers of the process of China's internal and external cultural regionalization.

Key words: *cultural regionalization, cultural branding, practices, cultural and economic belt*

В современных условиях развития КНР культурный брендинг рассматривается как инновационный инструмент влияния её «мягкой силы». Несмотря на новизну самого феномена, культурный брендинг стал неотъемлемой частью национальных и региональных стратегий развития Китая. Как воплощение материальных и нематериальных активов, культурный бренд превращается в главный показатель уровня развития культурной индустрии. Грамотно выстроенный культурный бренд способствует развитию китайской индустрии культуры, повышению её международной конкурентоспособности и является необходимым условием продвижения китайской культуры в мире [1].

Партийное руководство КНР придаёт большое значение процессу создания культурных брендов. В 2014 г. Си Цзиньпин в одном из выступлений в Пекине подчеркнул необходимость «активно развивать культурные индустрии, культурные бренды Китая, которые являются инструментом культурной “мягкой силы” страны» [8].

Как часть региональной культурной стратегии культурный брендинг направлен не только на стимулирование роста исключительно культурных индустрий внутренних регионов Китая.

Практика показывает, что культурный брендинг способен оказывать мультипликативный эффект на региональное социокультурное развитие в целом, оказывая положительное воздействие на экономическую, инновационную, инвестиционную, социальную сферу. Региональные культурные бренды, становясь маркерами культурной регионализации, отражают особенности этого процесса [3].

Формирование культурных бренд-стратегий связано, прежде всего, с углубленным изучением региональных культур с целью выявления их потенциала (местные достопримечательности, особенности этнической культуры, ремесленное искусство и т. д.). Поэтому объектом научных исследований в сфере культуры в 2013–2015 гг. стали отдельные региональные культуры. Проведенный анализ культурно-исторического потенциала показал, что конкурентные преимущества региональных культур определяются особенностями их пространственной локализации, культурно-историческими ресурсами, инвестиционным климатом, потребительским рынком и другими факторами [6].

Исследователями отмечается, что формируется новая тенденция регионального и межрегионального развития – создание культурно-экономических поясов (Великий канал, бассейн р. Янцзы), формирование культурного «коридора цзан цян и» (Западный Китай), сопряжение инициативы «один пояс – один путь» с развитием культурного пространства страны. Таким образом, осуществляется «пространственная трансформация» и культурных индустрий. В течение предстоящих пяти лет планируется переход развития культурных индустрий от модели локализации в регионах к модели единого целостного рынка, что повысит «пространственную эффективность» культуры [2].

Многочисленные научные публикации показывают, что в настоящее время локализация китайских культурных индустрий обнаруживает пространственную структуру в виде культурно-экономических поясов: культурное пространство «Один пояс – один путь»; бассейн р. Янцзы с центром в г. Шанхай и двумя провинциями – Цзянсу и Чжэцзян; Бохайский залив (Стратегия согласованного развития городов Пекина, Тяньцзиня и провинции Хэбэй); «культурный коридор цзан цян и». В данных внутренних регионах

на основе местных экономических и культурных ресурсов разрабатываются собственные умеренные стратегии культурного брендинга, которые имеют явно выраженные региональные различия.

Кратко представим архитектуру культурных индустрий в обозначенных пространствах. Прежде всего, выдвинутая в 2013 г. инициатива «Один пояс – один путь» реализуется в настоящее время как межцивилизационный проект и дополняет действующую в отношении культуры стратегию «выхода вовне». В условиях реализации подобного цивилизационного проекта региональный культурный брендинг выступает эффективным инструментом межкультурного коммуникации. Важность развития культурного пространства в данном регионе подчёркивается наличием принятого Министерством культуры КНР «Плана развития культуры в рамках строительства «Один пояс – один путь» (2016–2020)». В Плане обозначены основные задачи: совершенствовать механизм культурного обмена и сотрудничества, улучшить платформу культурного обмена и сотрудничества, создать бренды культурного обмена, продвинуть процветание и развитие культурной индустрии, содействовать культурному торговому сотрудничеству [4].

В соответствии с Планом основное внимание акцентировано на создание следующих комплексных культурных брендов: «Весёлый праздник весны», «Культурный тур по Шёлковому пути», «Культурные посланники на Шёлковом пути», «Коридор культурного наследия». Эти комплексные культурные бренды способствуют распространению китайских культурных ценностей, укреплению культурных коммуникации и связей во всех областях между разными цивилизациями.

Бохайский залив, в пространстве которого осуществляется стратегия согласованного развития городов Пекина, Тяньцзиня и провинции Хэбэй, реализуется совместное продвижение культурных индустрий. Начало этому процессу было положено документом «Стратегическое рамочное соглашение о согласованном развитии культуры между Пекином, Тяньцзинем и провинцией Хэбэй», которое было подписано в августе 2014 г. Пекинским муниципальным бюро культуры, Тяньцзиньским бюро радио и телевидения и Хэбэйским областным департаментом культуры. Основные цели сформулированы следующим образом: содейство-

вать интеграции культурных индустрий; создать единый культурный рынок и обеспечить жизнеспособность культурного потребления; оптимизировать распределение деятелей культуры (культурных талантов); создать культурные бренды, имеющие общие региональные культурные особенности.

Кроме того, в данном регионе выделены шесть основных направлений совместного развития культурных индустрий с соответствующими шестью видами культурных брендов. В них включены такие сферы, как туристическая индустрия, индустрия спорта и фитнеса, издательская индустрия, индустрия искусства и ремесла, анимационная индустрия, выставочная индустрия [5].

Бассейн р. Янцзы – пространство города Шанхая и провинций Цзянсу и Чжэцзян (культура Уюэ – 吴越文化) – демонстрирует интеграцию в развитии культурных индустрий, являясь по этому показателю в числе первых в стране. Отмечается, что это пространство стало образцовым и ведущим как в отношении формирования брендов, так и в культурном строительстве в целом. Статистика «Оценки китайских культурных брендов в 2012 году» отмечает, что по значимости, узнаваемости и высокой эффективности культурных брендов Шанхай, Цзянсу и Чжэцзян занимают 2–4-е места в стране. Это достигается посредством развития таких культурных индустрий, как кино и телевидение, медиа, интернет, цифровая печать, декоративно-прикладное искусство [7].

В этом регионе местные правительства также преследуют цель превратить сами провинции и города в культурные бренды, такие как «Прекрасный Цзянсу» (精彩江苏); «Райский Сучжоу» (天堂苏州); «Очаровательный Уси» (魅力无锡); «Разнообразный Яньду» (盐渎文化); «Творческий Шанхай» (创意上海); «Танцующий ветер Хань Сючжоу» (徐州舞动汉风), и др. Эти бренды формируются на основе географического позиционирования культурного ландшафта с учётом исторического развития пространства, специфики традиционной культуры населяющих его этносов. При создании таких брендов большое внимание уделяется использованию высококачественных международных информационных технологий для отражения и выделения идентичности, определяющей уникальность и отличительные черты городов или провинций.

Что касается «Культурного коридора цзан цян и», то он является важнейшим каналом взаимодействия северо-западного и юго-западного районов – пространство провинций Сычуань, Юньнань, и Тибетского автономного района. Данный коридор представляет собой замкнутую линию, в которой сливаются культуры малых этносов. Здесь за основу развития культурных индустрий берутся региональные особенности и преимущества ресурсов, регулируется и оптимизируется структура культурных индустрий, продвигается промышленная агломерация и разрабатывается ряд крупных проектов. В туристической, издательской, театральной и традиционной ремесленной индустриях появилась группа ведущих культурных брендов. Например, в провинции Юньнань в «Плане развития индустрии туризма в провинции Юньнань на 13 пятилетку» была поставлена цель создания разнообразных, высококачественных международных туристических брендов, превращения провинции в первоклассное и всемирно известное пространство с туристическим уклоном. В Плане указано на необходимость создания пяти туристических объектов всемирного значения, в которые включаются: древний город Лицзян (丽江古城); всемирный геологический парк «Шилин» (云南石林世界地质公园); три параллельные реки (三江并流); террасы «Хани» в уезде Юаньян (元阳哈尼梯田); палеонтологические окаменелости в уезде Чэнцзян (澄江古生物化石群). Ставится задача модернизации 50 традиционных туристических достопримечательностей, формирование более 100 туристических достопримечательностей уровня 5А, 4А. Определено два новых направления развития культурных индустрий. Одно из них – экскурсии в этнодеревни, для чего реконструируются 350 самобытных туристических деревень, построено 300 новых этнических туристических деревень и воссоздано 250 древнейших туристических деревень. Другое направление – трансграничный туризм. Формируются четыре основных международных туристических маршрута: китайская река Ланьцан – Меконг (澜沧江 - 湄公河); Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма (孟-中-缅-印); Юньнань – Лаос – Мьянма (云南 - 老挝 - 缅甸); Юньнань – Вьетнам (云南 - 越南) [9].

Таким образом, практики культурного брендинга мы представляем как процесс внутренней и внешней культурной региона-

лизации Китая. В плане историко-культурного наследия страна обладает огромным потенциалом, который далеко не востребован и тем более не закреплён в культурных брендах. Наиболее освоенными являются: культурное пространство «Один пояс – один путь»; регион дельты реки Янцзы с центром – г. Шанхай и двумя провинциями – Цзянсу и Чжэцзян; Бохайский залив (города Пекин, Тяньцзинь и провинция Хэбэй); «культурный коридор цзан цян и». Эти культурно-исторические пространства отличаются дифференциацией, несбалансированностью и поляризацией, что сказывается и на становлении стратегии их культурного брендинга.

Список литературы

1. Абрамова Н. А. Культурные индустрии в социокультурных практиках современного Китая (на примере провинций Хэнань и Сычуань) // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2011. № 10. С. 95–100.
2. Абрамова Н. А., Абрамов В. А. Культурная регионализация как способ модернизации социокультурного пространства современного Китая // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2017. № 19. С. 69–73.
3. Бай Динго. Вэньхуа пиньпай сюэ = Культурный брендинг / под ред. Бай Динго. Чанша: Хунань шифань дасюэ чубаньшэ, 2010. С. 88–92. (Кит. яз.).
4. Вэньхуабу: Идайилу вэньхуа фачжань цихуа синдун цихуа (2016–2020 нянь) = Министерство культуры Китая: План действий по культурному развитию в рамках строительства «Один пояс – один путь» (2016–2020 годы) [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Синьхуа». 26.11.2015. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/culture/2015-11/26/c_128471020.htm (дата обращения: 20.12.2017).
5. Гэн Жу, Хэ Пэнфэй, Лю Цзяньцзюнь. Цзин-Цзинь-Цзи вэньхуа чанье сетон фачжань: цзибэнь сылу юй чжундянь хане дунтай = Согласованное развитие культурных индустрий в регионе Пекина-Тяньцзинь-Хэбэй // Хэбэй Цие. 2016. № 05. С. 48–49.
6. Ли Янь, Хэ Цзисян. Вэньхуа чанье цюйюй баогао: тяочжэн чжуансин цзинхэ фачжань = Доклад о региональных культурных индустриях: согласованные трансформации конкурентного развития // Чжунго вэньхуа чанье фачжань баогао. 2015–2016 / под ред. Чжан Сяомина, Ван Цзясиня, Чжан Цзяньгана. Бэйцзин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2016. С. 174–193. (Кит. яз.).

7. Лю Яо. Чаншаньцзяо дидюй вэньхуа пиньпай дэ жэньдин хэ баоху = Идентификация и защита культурных брендов в Дельте реки Янцзы // Дизайн в инновации бизнеса: междунар. конф. по управлению дизайном. Цинхуа, 2013. С. 345–348.

8. Чжунго вэньхуа пиньпай фачжань баогао (2015 нянь) = Доклад о развитии культурных брендов Китая (2015 г.) / под ред. Оуян Юцюаня. Бэйцзин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2015. 322 с. (Кит. яз.).

9. Шисаньву цицзянь Юньнань цзян дацзяо вуда шицзе ичань пиньпай люйюди = В течение 13-й пятилетки Юньнань построит 5 туристических направлений мирового наследия [Электронный ресурс] // Новости туризма. 2016. 29 окт. Режим доступа: <http://www.cntour2.com/viewnews/2016/10/29/d6ASjGtK7yu7msyxwnTR0.shtml> (дата обращения: 06.12.2017).

УДК 304.2

Татьяна Вячеславовна Самойленко,
аспирантка кафедры русского языка и литературы,
Благовещенский государственный педагогический университет,
г. Благовещенск, Россия,
e-mail: tatyana.samoylenko.91@mail.ru

Творчество и деятельность Ли Яньлина в контексте социокультурного взаимодействия межграничных регионов России и Китая

Статья посвящена рассмотрению феномена социокультурного взаимодействия между Амурской областью и провинцией Хэйлуцзян и роли Ли Яньлина в укреплении «мостов дружбы» на приграничных территориях.

Ключевые слова: *Ли Яньлин, межкультурная коммуникация, культурный обмен, исследовательская деятельность, публикация книг, популяризация авторов, КНР, РФ, поэзия, перевод, научно-исследовательская деятельность, общественная деятельность*

Tatyana Vyacheslavovna Samoilenko,
postgraduate student of Russian language and literature Department
Blagoveschensk State Pedagogical University,
Blagoveschensk, Russia,
e-mail: tatyana.samoylenko.91@mail.ru

Creativity and Activity of Li Yanling in the Context of Socio-Cultural Interaction Between the Cross-Border regions of Russia and China

The article is devoted to consideration of the phenomenon of social and cultural interaction between Amur region and Heilongjiang province and the role of Lee Yanling to strengthen the “bridges of friendship” in the border areas.

Key words: *Lee Yanling, cross-cultural communication, cultural exchange, research, publication of books, promotion of creativity, China, Russia, poetry, translation, research activities, social activities*

Современная эпоха характеризуется такими двумя взаимообусловленными процессами, как глобализация и регионализация, которые актуализируют проблемы не только в экономической и политической сферах, но и в сфере взаимодействия разных национальных культур.

Важное место в структуре приоритетов внешней политики Российской Федерации занимают отношения с Китайской Народной Республикой. Приграничные территории обеих стран являются зонами разносторонних контактов, в том числе и взаимопроникновения русской и китайской культур. Для укрепления партнёрских взаимовыгодных отношений приграничье должно синтезировать комфортное, «понятное» для обеих сторон социокультурное пространство. Однако на данный момент социокультурное взаимодействие наших стран находится на начальных стадиях развития.

Изучение феномена социокультурного взаимодействия двух межграницных зон – Амурской области и провинции Хэйлуцзян, представляется нам одной из важных задач, поставленных не только перед социологами и культурологами, но и перед литературоведами.

В связи с развитием межкультурной коммуникации особенного внимания научного сообщества заслуживают литературные

произведения приграничных территорий, на которых и происходит синтез русской культуры с культурами соседних государств. Литература Приамурья, синкретичная по своей природе, требует тщательного изучения сквозь призму тесного сотрудничества и дружбы между Россией и Китаем. Как отмечает Н. В. Киреева, «поэзия приграничных территорий России и Китая представляет собой интересное явление с точки зрения отражения в ней мотивов преодоления разделяющих друг друга границ, наведения “мостов дружбы” между гражданами государств-соседей» [3].

На сегодняшний день китайского учёного и поэта Ли Яньлина можно назвать полифункциональным членом развития и взаимодействия России и Китая в научной, образовательной, культурной, социальной сферах, а также в сфере современных международных отношений. По словам Н. В. Киреевой, «профессор Цицикарского университета Ли Яньлин занимает уникальное положение в диалоге российской и китайской культур» [2].

Ли Яньлин издал четыре сборника стихов с символическими, «песенными» названиями: «Я люблю Россию» (1994); «Песня о берегах Амура» (1996); «Сердце к сердцу» (1998) и «Избранные стихи» (2001). Стихи поэта печатаются на страницах амурской периодики – газет «Амурская правда» и «Амурская газета», альманахов «Амур» и «Приамурье». Его стихи, сочетающие в себе черты русской и китайской поэтических традиций, получили оценку не только от наивных читателей, но и от амурских журналистов, поэтов, писателей, учёных. В журналистских материалах Ли Яньлин рассматривается не только как поэт, но и как добрый друг. «Он видит Россию своими глазами. Глазами друга» – писала А. Геут [1]. Писатель, журналист и редактор сборников русскоязычного поэта Ст. Федотов считает, что его произведения «настоящие. Для русского глаза и слуха немного странноватые – чувствовался китайский дух <...> И ещё они были пронизаны чувствами, без которых поэзия существовать не может, – болью и радостью каждого человека, на которого обратил внимание поэт» [8]. Член Союза писателей России А. Филатов обращает внимание на чувства Ли Яньлина как поэта: «с тревогой и болью пишет поэт из Китая о проблемах россиян. Он <...> переживает за судьбу народа соседнего государства» [9]. Благодаря совмещению тради-

ций Ли Яньлин, как отмечает Н. В. Киреева, обогатил как российскую поэзию в целом, так и амурскую в частности [5]. По признанию Ли Яньлина, подвижничество амурчан явилось мощным стимулом для творчества [7].

Занимаясь изучением феномена Ли Яньлина Н. В. Киреева отмечает: «Все стихи Ли Яньлина можно разделить на несколько тематических групп: 1) о прошлом и настоящем России; 2) о переменах в Китае; 3) о разных этапах в судьбе лирического героя; 4) о жизни и месте человека в ней; 5) о том, что объединяет народы двух дружественных стран, – культуре и любви» [4].

Помимо творческой деятельности Ли Яньлин является активным общественным деятелем, переводчиком, человеком коммуникабельным и имеющим огромное доброе сердце, в котором русская и китайская культуры соединились в межкультурный пограничный феномен, способствующий улучшению отношений между Россией и Китаем, популяризации русского языка в Поднебесной. Ли Яньлин не раз как профессиональный переводчик и квалифицированный специалист принимал участие в торгово-экономических переговорах, а также организовал курсы повышения квалификации переводчиков из разных городов и провинций страны, которые работали в сфере внешней торговли с Россией; принимал участие в организации и проведении Китайско-российского фестиваля детей-инвалидов, фестиваля искусств «Творчество без границ»; возглавлял гастроль Цицикарской цирковой труппы в России и практику китайских студентов в российских вузах; сыграл немаловажную роль в гастролях амурского театра драмы в Цицикаре и Харбине; по просьбе студентов Благовещенского государственного университета привёз землю для тумбы на Аллее памяти. Среди переводов Ли Яньлина особого внимания заслуживает выпущенная в 2008 г. в Пекине уникальная антология стихов 27 амурских поэтов «Везде цветёт июньская сирень». На данный момент совместно с амурскими литераторами Ли Яньлин составил и выпустил ещё два сборника стихов и прозы амурчан: «Берега» (2014) и «Наша победа» (2015).

В центре изучения литературного краеведения на базе Благовещенского педагогического университета (БГПУ) ведётся

работа по изучению институциональной деятельности Ли Яньлина. В поле научного интереса учёных попадает как литература, созданная на территории Амурской области, так и литература провинции Хэйлунцзян. В статье «Российско-китайские взаимоотношения в литературной сфере: взгляд из БГПУ» Н. В. Киреева рассматривает «три направления деятельности литературоведов из БГПУ, способствующих укреплению и расширению культурного обмена между КНР и РФ: исследовательская работа, публикация произведений, популяризация авторов» [3].

Исследования в области социокультурного взаимодействия между Россией и Китаем озвучиваются на ежегодных российско-китайских конференциях «Лосевские чтения» и «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества». В литературном альмамахе «Амур» в рубрике «Россия-Китай: диалог культур» публикуются биографические очерки, критические статьи и «творческие портреты» представителей харбинской эмиграции, проза современных дальневосточных писателей о Китае, написанные на русском языке стихи китайских авторов, биографические очерки и статьи об амурских авторах, связанные с темой Китая, философские и публицистические произведения о взаимодействии Китая и России [4]. Помимо этого, БГПУ содействует популяризации творчества авторов, осуществляющих русско-китайский социокультурный обмен.

Изучение творчества и деятельности Ли Яньлина в таком контексте позволяет доказать, что этот учёный и поэт вносит неоценимый вклад в благоприятное развитие социокультурных отношений между Россией и Китаем. Он приложил немало усилий для популяризации русского языка в Китае и китайского языка в России, работает с учёными, творческой интеллигенцией и молодёжью обеих стран, оказал неоценимую помощь в продвижении произведений амурских и хэйлунцзянских авторов к читателям двух стран. Ли Яньлин так написал о международной дружбе: «Река Амур, / Вы – чудесный романс. / Но музыка Ваша зазвучит лишь / тогда, // Когда китайцы и русские / Живут как друзья. / В согласии добром, как ныне» [6].

Работа по изучению феномена социокультурного взаимодействия должна быть продолжена, поскольку она выявляет уникаль-

ные образцы поэтических и прозаических текстов русско-китайской ментальности и укрепляет «мосты дружбы» между нашими странами.

Список литературы

1. Геут А. Наш друг товарищ Ли Янлен [Электронный ресурс] [офф. сайт]. Режим доступа: <http://www.viperson.ru/uploads/attachment/file/670301/pi24i032.txt> (дата обращения: 05.02.2018).
2. Киреева Н. В. «Мосты дружбы» в поэзии Ли Яньлина // Россия и Китай: История и перспективы сотрудничества: материалы VII междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск – Хэйхэ – Харбин, 22–23 мая 2017 г.); Благовещ. гос. пед. ун-т. 2017. № 4. С. 581–584.
3. Киреева Н. В. Роль Ли Яньлина в укреплении культурного взаимодействия Китая и России // Россия и Китай: История и перспективы сотрудничества: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск – Хэйхэ – Харбин, 14–19 мая 2014 г.); Благовещ. гос. пед. ун-т. 2014. № 4. С. 361.
4. Киреева Н. В. Российско-китайские взаимоотношения в литературной сфере: взгляд из БГПУ // Россия и Китай: История и перспективы сотрудничества: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск – Хэйхэ – Харбин, 18–23 мая 2015 г.). Благовещ. гос. пед. ун-т. 2015. № 5. С. 406–408.
5. Киреева Н. В. Ли Яньлин // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / сост., ред., вступ. статья А. В. Урманова. Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2013. С. 228–230.
6. Ли Яньлин. Я люблю Россию. Благовещенск: Амурск. отд-ние Лит. фонда России и Амурская писательская организация, 1994. 48 с.
7. Президент России наградил амурского писателя Ли Яньлина [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://www.amurpravda.ru/news/2004/10/19/allnews.html> (дата обращения: 05.02.2018).
8. Федотов Ст. Китайский поэт пишет по-русски // Правда. 2008. № 16. С. 3.
9. Филатов А. Здравствуй, Поднебесная! [Электронный ресурс] [офф. сайт]. Режим доступа: <http://www.ytro-rossii.ru/2006/06/14/здравствуй-поднебесная> (дата обращения: 05.02.2018).

УДК 329.15

Ольга Анатольевна Симоненко,

канд. полит. наук,
доцент кафедры социологии, политологии и регионоведения,
Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск, Россия,
e-mail: o. a. simonenko–togu@yandex.ru

Роль контрольных органов Коммунистической партии Китая в урегулировании внутренних социальных конфликтов

Легитимации процессов, происходящих в политической системе, придаётся большое значение в КНР, большинство социальных проблем открыто обсуждается. Коммунистическая партия по-прежнему претендует на лидерство в процессе урегулирования конфликтов в обществе. В статье анализируется роль Политико-юридической комиссии ЦК КПК и Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины в поиске стратегии поведения в современных условиях.

Ключевые слова: социальный конфликт, социальное неравенство, коррупция, политическая жизнь общества, Коммунистическая партия Китая, контрольные органы партии

Olga Anatolievna Simonenko,

Candidate of Political Sciences,
Associate Professor at the Department of Sociology, Political Science
and Regional Studies,
Pacific National University,
Khabarovsk, Russia,
e-mail: o. a. simonenko–togu@yandex.ru

The Role of the Control Bodies of the Communist Party of China in the Settlement of Internal Social Conflicts

In modern China the great importance is attached to the legitimacy of the processes taking place in the political system, most social problems are openly discussed. The Communist party continues to claim leadership in the process of resolving conflicts in the society. The article analyzes the role of the Central Political and Legal Affairs Commission of the Communist Party of China and the Central Commission for Discipline Inspection in the search for a strategy of behavior in modern conditions.

Key words: social conflict, social inequality, corruption, political life of the society, Communist Party of China, the control bodies of the party

Социальные конфликты, возникающие вследствие актуализации разнообразных противоречий в обществе, неизбежно вплетаются в политический процесс. Политическая жизнь общества включает в себя многочисленные события и явления мира политического, часть из которых оказывается спонтанными и кратковременными, другая же – целенаправленно организованными и долгосрочными. В них принимают участие профессиональные политики и политические активисты, а также в большей или меньшей степени все члены социума, в том числе и против своей воли и даже неосознанно.

В большинстве современных государств придаётся значение легитимации процессов, происходящих в политической системе, зачастую реальная или демонстрируемая народная поддержка оказывается важнее законности политических действий. Государственные и партийные структуры создали и совершенствуют механизмы влияния на общество, однако нельзя забывать и об обратном процессе: недооценка роли гражданского общества, оказывающего давление на власть, означает по меньшей мере аналитическую ошибку. От уровня и характера взаимодействий политических акторов с органами власти, осознания ими своих интересов зависит степень развитости политической жизни.

Политическая жизнь всегда протекает в определённом социальном пространстве. Политическое пространство не сводится к географическим границам, хотя они тоже имеют большое значение в качестве спатальной характеристики. Политическое пространство – это поле деятельности разных политических сил, сфера проявления противоречивых социальных отношений. На первый план выходит проблема устойчивости политического пространства, целостность которого необходима, но не гарантирована для общества.

Политические процессы не просто продолжение взаимодействий в социальной сфере. Они развиваются по собственной логике с использованием собственных механизмов. Но связь между политическими институтами и движениями, действующими в соответствии со своими целями, и системой социального взаимодействия, жизнедеятельностью социальных групп, выступающих субъектами этого взаимодействия, заключается в том, поддержи-

вают ли разные социальные группы, образующие общество, существующую государственную власть и деятельность разных политических организаций и движений.

В демократических условиях государственная власть может существовать только при наличии поддержки со стороны большинства населения. Но и диктаторским режимам необходима социальная поддержка, даже если она основана на пропагандистской обработке. В достижении общественными организациями и политическими движениями своих целей легитимность играет ключевую роль.

Вопреки сложившимся стереотипным представлениям о том, что авторитарные политические режимы стремятся к замалчиванию актуальных социальных противоречий, в КНР большинство серьёзных проблем обсуждается довольно открыто. Например, в итоговых документах высших партийных и государственных органов в качестве основных направлений работы определяется сокращение разрыва между богатыми и бедными регионами страны, сближение стандартов жизни города и деревни, искоренение злоупотреблений со стороны партийной и государственной бюрократии.

С одной стороны, можно видеть в этом стремление к политико-правовой либерализации, но с другой стороны, в условиях развития современных СМИ масштаб проблем просто невозможно скрыть. Не признавая очевидного, партия не сможет сохранить свой авторитет. Принимая объективно существующие конфликты, руководство может возглавить борьбу с ними. При этом фокус конфликтности сознательно смещается в социальную плоскость, а собственно политическое содержание напряжённости не демонстрируется.

Между тем, нельзя отрицать взаимосвязь системы социальной стратификации общества и его политической жизни. Социальный статус индивида, включающий характеристику не только материального положения, но и уровня полученного и доступного образования, рода профессиональных занятий и связанного с ним престижа, имеет существенное значение для формирования его общественно-политических взглядов и способов проявления политической активности.

Высокая доля малообеспеченных людей в структуре социальной стратификации общества является источником социальной напряжённости и негативного отношения к существующей системе власти, особенно если низкий доход не соответствует уровню образования. Расширение доступа к качественному образованию, с одной стороны, увеличивает шансы на индивидуальный успех в жизни, а с другой стороны, повышает амбиции и претензии в отношении политического руководства.

Большое значение имеет не только процентное соотношение представителей элитарных и базовых страт в составе населения, но и наличие разрыва между стратами. Его индикатором служит, например, соотношение доходов наиболее богатых и бедных домохозяйств. Так, в КНР 10 % самых преуспевающих домохозяйств владеют 31,4 % доходов, в это же время 10 % беднейших располагают лишь 2,1 %, причём эти показатели характеризуют только городское население [8]. Если же принять во внимание различия качества жизни городских и сельских жителей, то неравенство станет ещё более очевидным.

Безусловно, социальное неравенство не способствует укреплению социального согласия и политической стабильности. Оно также ставит перед властью правящей партии задачу легитимации такого противоречия: разрыв в показателях качества жизни и декларируемое коммунистическое равенство.

Неофициальные учреждения и традиционные практики часто не рассматриваются при характеристике политической системы, что является, на наш взгляд, серьёзным упущением, поскольку о многих странах это – именно те учреждения и правила, которые управляют расстановкой политических сил. Чтобы охарактеризовать политическое поведение граждан государства, важно понять, как это поведение оценивается (дозволяется или ограничивается) официальными учреждениями, каковы механизмы такого управления формальными учреждениями.

Например, если в стране наблюдается большое число выступлений и акций протеста в отношении коррумпированных чиновников местного и провинциального уровня, это может быть отражением позиции центральной власти, которая таким образом переклюкает внимание народа на наличие проблемы в повседневной

жизни, а параллельно избавляется от неугодных «наместников», но пресекает попытки повысить уровень конфликта, поставить вопрос о распространении аналогичных практик в политической элите государства.

В настоящее время в Китае действует партийно-политическая система, которая называется системой многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством Коммунистической Партии Китая. Её партийная система отличается не только от многопартийных систем западного типа, но и от однопартийной системы, которая господствует в ряде стран.

Коммунистическая партия Китая – единственная правящая партия в Китайской Народной Республике. В свою очередь роль официально действующих демократических партий в политической жизни КНР определяется как «участие в политической жизни» под руководством КПК. Демократические партии не являются оппозиционными по отношению к КПК. Напротив, они – дружественные и стремятся к сотрудничеству с Компартией. Немалую роль сторонники демократических партий играют и в экономике, науке, образовании, культуре страны. КПК имеет возможность воплотить национальную идею, а представители «демократических партий» становятся чем-то вроде «партийного контроля в советские времена» [5].

Согласно сложившейся практике деятельности, многие преступления в первую очередь расследуются партийными структурами, а лишь затем судебными органами государственной власти. В этой связи следует обратить особое внимание на функционирование двух партийных комиссий: Политико-юридической комиссии ЦК КПК и Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины.

История Политико-юридической комиссии ЦК КПК начинается в 1956 г., её практическая деятельность напрямую связана с представлениями высшего партийного руководства о необходимости или вторичности соблюдения законности. В годы культурной революции комиссия была инструментом осуществления политических репрессий, в начале периода реформ – куратором законоотворчества, в 1990-е гг. – существенным звеном кадровой и социальной политики.

Руководитель комиссии в 2007–2012 гг. Чжоу Юнкан рассматривал свой пост как возможность участия в реальной политической борьбе. К сожалению для себя, не оказав поддержки Си Цзиньпину в решающий момент, он не только лишился должности главы комиссии и впоследствии был обвинен во взяточничестве, казнокрадстве, иных преступлениях против партии и нравственности и приговорён к пожизненному заключению, но и фактически вынудил пришедшего к власти Си Цзиньпина понизить статус комиссии. Теперь её руководитель Мэн Цзянчжу не входит в состав Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК.

Отчасти это можно объяснить и стремлением продемонстрировать некоторую либерализацию политико-правовой системы. Всеобщая Декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г., признаётся в КНР важным международным документом, закладывающим фундамент практического осуществления прав человека в мире. Однако руководство КНР неизменно утверждает, что соблюдение прав человека невозможно без учёта исторических условий, культурных традиций, уровня экономического развития страны. Поэтому практические подходы к реализации прав человека существенно отличаются от тех, что считают бесспорными западные критики политических и социальных реалий КНР. В 1999 г. в конституцию КНР включили новый тезис: «КНР управляется согласно закону и становится социалистическим правовым государством» [4]. Можно рассматривать это положение как идеал государственного строительства. В действительности юридическая практика КНР регулярно нарушает основополагающий для правового государства принцип разделения властей, в том числе смешивая полномочия государственных и партийных органов.

Впрочем, именно Мэн Цзянчжу озвучил идею отказа от так называемых «трудовых лагерей», которые существовали в системе пенитенциарных учреждений КНР с 1957 по 2013 гг. и представляли собой возможность многолетней внесудебной изоляции недовольных лиц [3].

Нужно отметить, что сотрудники зарубежных правозащитных организаций утверждают, что в КНР продолжает работу ряд секретных тюрем и сохраняется практика направления под наблю-

дение в специально отведённом месте жительства», без права общения с родственниками и адвокатами; таким образом, задержанные на длительный срок оказывались в ситуации, когда к ним могло применяться жестокое обращение [7].

Центральная комиссия КПК по проверке дисциплины (ЦКПД) была создана в 1978 г. для борьбы с коррупцией и злоупотреблениями в партийных рядах. В 1996 г. под контролем ЦКПД проводилась общегосударственная экзаменационная кампания, во время которой 4 млн членов КПК и кадровых работников писали тест на знание партийной дисциплины [7]. Деятельность комиссии изначально направлялась на борьбу с номенклатурными привилегиями и использованием государственных средств в личных целях. Особое внимание уделялось руководителям государственных предприятий, многих из которых обвинили в нерегламентированном использовании служебных помещений, автотранспорта, средств связи, нерациональной организации торжественных церемоний.

Антикоррупционная кампания не утратила актуальности и ко времени вступления в должность Си Цзиньпина. В формулировке члена ПК Политбюро ЦК КПК и главы ЦКПД Ван Цишаня призыв «прихлопывать мух» и «убивать тигров», то есть бороться с коррупцией на всех уровнях, получил новое звучание.

Не остались без внимания не только действующие, но и бывшие государственные служащие и партийные работники, чья деятельность была изучена на предмет нецелевого использования бюджетных средств, а также излишнего пристрастия к предметам роскоши. В 2012–2017 гг. предметом изучения стала активность такого рода 1,4 млн человек [1]. Поскольку тот факт, что чиновники разных уровней злоупотребляли своим положением, не составлял особой тайны для общества, усилия руководства партии по «очищению рядов» в основном встречали горячую народную поддержку, повышая престиж лидера партии и её структур.

Бывший на протяжении последних пяти лет главой ЦКПД Ван Цишань, очевидно, отправляется на заслуженный отдых. На смену ему приходит более молодой Чжао Лэцзи (1957 г. р.), избранный в конце 2017 г. членом Постоянного комитета ЦК КПК [2]. Именно он в силу возраста и благонадёжного послужного спи-

ска имеет перспективы продлить свои полномочия и в рядах следующего, шестого поколения китайских руководителей. Таким образом, традиция, согласно которой глава ЦКПД непременно является членом наиболее узкой и влиятельной группы в КПК, не прерывается. Вместе с этим сохраняется и статус ЦКПД в иерархии политической системы КНР.

В настоящее время власти КНР не стремятся к созданию новых институтов для разрешения социальных противоречий. Важно, что со времени образования КНР в 1949 г. КПК демонстрирует способность преодолевать угрозы стагнации общественно-политического режима, создавать механизм принятия решений, пронизывающий общество, встраиваясь в существующие социальные институты посредством идейно-воспитательной политики. Очевидно, эта способность правящей партии будет одной из детерминант, определяющей перспективы развития КНР в ближайшее время.

Говоря о функционировании контрольных органов КПК в современной ситуации не приходится сомневаться в эффективности их работы. Чётко осознавая поставленные перед ними задачи, Политико-юридическая комиссия ЦК КПК и Центральная комиссия КПК по проверке дисциплины играют заметную роль в управлении актуальными социальными конфликтами, не стремятся замалчивать имеющиеся проблемы, способствуя сохранению престижа руководства страны. Проблема заключается в другом: названные комиссии в своей работе далеко выходят за пределы юрисдикции внутривнутрипартийных органов, распространяя своё влияние на общество в целом, при этом оставаясь вне даже гипотетической возможности контроля со стороны социума.

Список литературы

1. Антикоррупционная кампания Си Цзиньпина и её последствия [Электронный ресурс] // Анатомия Китая. Политика. Государство. Власть. Специальный проект ТАСС о политической жизни Китая [официальный сайт]. Режим доступа: http://www.korrupsiya-china.tass.ru/borba-s-korrupciy/?_ga=2.183698982.1045993824.1519380950-2113460683.1517110007 (дата обращения: 22.02.2018).

2. В Пекине состоялась встреча членов ПК Политбюро ЦК КПК 19-го созыва с китайскими и зарубежными журналистами [Электронный ресурс] // Синьхуа [официальный сайт]. Режим доступа: [www.http://www.russian.news.cn/2017-10/25/c_136705442.htm](http://www.russian.news.cn/2017-10/25/c_136705442.htm) (дата обращения: 22.02.2018).

3. Китай через полвека существования трудовых лагерей готов отказаться от этой системы наказания [Электронный ресурс] // News.ru [сайт]. Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/07jan2013/camp.html> (дата обращения: 22.02.2018).

4. Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.). Ст. 5 [Электронный ресурс] // Законодательство Китая. URL Режим доступа: http://www.chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution/constitution_ch1 (дата обращения: 07.12.2017).

5. Овчинников В. В. Полторы партии для одного миллиарда // Российская газета. 2003. № 2. С. 39.

6. Права человека в мире [Электронный ресурс] // Amnesty International. Доклад 2017/18. С. 186. [официальный сайт]. Режим доступа: <https://www.amnesty.org.ru/pdf/AIR201718RU.pdf> (дата обращения: 22.02.2018).

7. Чжунго гунчаньдан ди шиуцы цюаньго дайбяо дахуэй вэньцзянь хуэйбянь (Сборник документов XV Всекитайского съезда КПК). Пекин, 1998. С. 5. (Кит. яз.).

8. China. Economy [Электронный ресурс] // Central Intelligence Service. The World Factbook. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ch.html> (дата обращения: 21.02.2018).

УДК 008+304.2+332.14(510)

*Дмитрий Николаевич Соломин,
аспирант кафедры востоковедения
и регионоведения Северной Америки,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: sdn75rus@gmail.com*

**К вопросу о китайской модели инноваций (обзор книги
Тако К. Р. ван Сомерена и Шухуа ван Сомерен-Ванг
«Инновационный Китай: инновационная гонка между
Западом и Востоком»)**

В условиях глобальной инновационной гонки в число лидеров (США и ЕС) неумолимо входит возвышающаяся Азия во главе с Китаем. Ожидается, что роль китайских инноваций в трансформации мирового порядка будет значительной. Сила китайской культуры, сила иерархии и коллективизма,

имеет стратегическое значение для инновационного развития КНР. Культурные доминанты инновационности китайского пути развития и прагматичность мышления выступают отличительными характеристиками китайской модели инноваций. Авторы книги «Инновационная гонка между Востоком и Западом» отмечают необходимость объективного взгляда на предполагаемый успех Китая и призывают к взвешенной оценке преимуществ и недостатков китайского «инновационного пути». Краткий обзор монографии представлен в данной статье.

Ключевые слова: инновации, социокультурное, инновационное развитие, стратегические инновации, Китай, США, ЕС

Dmitry Nikolaevich Solomin,

Postgraduate Student of Oriental
and North American Regional Studies Department,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: sdn75rus@gmail.com

**Toward Chinese model of Innovation
(Book Review: “Innovative China. Innovation Race Between
East and West” by Taco C. R. van Someren,
Shuhua van Someren-Wang)**

In the context of global innovation race the rising Asia led by China becomes to be the leaders – the US, the EU and China. The role of Chinese innovations in the transformation of the world order is expected to be very significant. The power of Chinese culture, as the power of hierarchy and collectivity, is of strategic importance for China’s innovative development. The cultural dominants of the innovative nature of the Chinese way of development and pragmatic thinking are the distinguishing characteristics of the Chinese model of innovation. At the same time, the authors of the book «Innovative race between East and West» point out the need for a balanced view of China’s supposed success, and call for a balanced assessment of advantages and disadvantages of the Chinese innovation path. A brief review of the book is presented in the article.

Key words: innovation, sociocultural, innovative development, strategic innovation, China, the US, the EU

Изучение факторов бурного экономического роста КНР последних десятилетий, отличительных черт так называемой «китайской модели» является объектом исследований учёных различ-

ных стран. Объективными причинами данного интереса служат динамичная внешнеэкономическая деятельность КНР, своеобразная система миропонимания китайцев, а также экспорт китайской культуры и инноваций вслед за китайскими мигрантами и продукцией китайского производства.

Одной из работ, позиционирующей «стратегические инновации как решающие для западных компаний и правительств в контексте радикального сдвига в мышлении для эффективной конкуренции с другими культурами и развития бизнес-концепций на новых мировых рынках», является книга голландского профессора, доктора экономических наук Тако Корнелиуса Рулофа ван Сомерена и его супруги доктора экономических наук Шухуа ван Сомерен-Ванг «Инновационный Китай: инновационная гонка между Востоком и Западом» [2].

Тако Корнелиус Рулоф ван Сомерен является основателем теории стратегических инноваций. Докторскую степень получил в 1991 г. в Институте Тинбергена (Нидерланды) по теме «Инновация, эмуляция и время». Работал профессором и приглашённым профессором в голландских и китайских университетах. Является прикомандированным экспертом по инновациям в Европейской Комиссии. В 2003 г. основал международную операционную инвестиционно-консалтинговую компанию “*Innovate*”.

Его супруга, китаянка по национальности и партнёр по компании, Шухуа ван Сомерен-Ван родилась и выросла в Китае, а с 1997 г. живет в Европе. Она первая женщина в Китае, получившая докторскую степень в области управления устойчивым развитием (1996 г.). Она имеет богатый опыт работы в китайских и в европейских правительственных структурах и фирмах. В настоящее время консультирует центральное правительство Китая и транснациональные корпорации по вопросам устойчивого развития [3; 4].

Со слов авторов причиной, побудившей написать книгу, стало то обстоятельство, что Нидерланды и ЕС столкнулись с задачей не отстать от развивающихся азиатских рынков, таких как Китай. Глобальный финансово-экономический кризис за последние несколько лет практически не затронул Китай. Кроме того, в Азии в целом и в Китае в частности наблюдается устойчивый экономический рост, в результате чего увеличивается средний класс и дохо-

ды многочисленного населения. За последние 10 лет две трети мирового экономического роста приходится на развивающиеся рынки, в том числе Китай.

Многие опасаются этих событий, имеющих огромное значение для населения и бизнеса. Но Тако ван Сомерен считает, что «подъём Азии – это, прежде всего, возможности для развития». В то время как национальные рынки становятся всё более взаимосвязанными, весь мир, и особенно страны с открытой экономикой, могут получить большую пользу от так называемого «Азиатского экономического чуда».

Развивающиеся рынки, и китайский в частности, побуждают компании разрабатывать новые бизнес-стратегии, а государственные правительства – новую политику. Нет простых ответов на вызовы XXI века: новая задача – создание устойчивого общества в партнёрстве с новыми глобальными игроками.

Авторы книги считают, что именно предприниматели и исследователи играют ключевую роль в поиске ответов, а устойчивость является ключом к созданию будущих возможностей для бизнеса во всём мире. По мнению учёных, новая экономическая модель для Нидерландов заключается в стимулировании инноваций и сотрудничества между предприятиями, научными и научно-исследовательскими учреждениями и правительством в девяти ведущих секторах экономики, таких как: энергетика, водоснабжение, агропродовольственная деятельность, химический сектор и др. Посредством инновирования этих секторов экономики, по мнению авторов, становятся достижимы цели для укрепления экономики Нидерландов и разрешение некоторых самых насущных проблем современности – от изменения климата и продовольственной безопасности до сокращения природных ресурсов и чистой энергии.

Авторское видение инновационного развития Китая и его роли в социокультурных трансформациях мирового развития учёные представили в шести главах книги.

В первой главе представлены общие мировоззренческие позиции авторов. Фундаментальным фрейм-условием исследования выступает формирование нового мирового порядка, нового мира, который, по мнению авторов, конструируется нашими собствен-

ными решениями. Исходя из этого, именно стратегические инновации являются инструментом национальных правительств и частного бизнеса для создания нового мира. Новый мир как пространство конкурентной борьбы стратегических инноваций будет формироваться в процессе эмуляции между Китаем, США и ЕС. И будущая расстановка сил зависит от инноваций и их природы.

В то же время отмечающийся новый длительный цикл роста характеризуется подъёмом Китая и устойчивостью как основной проблемой. Новые циклы роста сопровождаются новыми технологиями, организационными формами и структурами управления, ведущими к новому мировому порядку. Новые кривые роста наряду с формирующимися новыми доминирующими странами сопровождаются формированием новых мировоззрений, генерируемых нормами и ценностями этих новых держав.

Исходя из этого утверждения, во второй главе подробно описывается специфическая природа инноваций Китая, выявляются её культурные доминанты. Рассмотрены культурно-исторические условия и факторы, влияющие на формирование инновационной компетентности современного Китая, с целью понять трудности и возможности будущего инновационного развития КНР. Авторы выделяют некоторые элементы культуры и поведения, способствующие развитию инноваций, противопоставляя им элементы, замедляющие или даже предотвращающие инновации. Таким образом, авторы демонстрируют многогранную сущность китайских инноваций, полную парадоксов.

В третьей главе, посвящённой практическим аспектам производства инноваций в Китае, авторы приходят к выводу: инновационная политика китайского государства бессмысленна и бесполезна без инновационной предпринимательской деятельности и стратегических инноваций в частных и общественных организациях. В данной главе рассматривается значение процветания, которое часто используется правительствами как легитимность своей роли в обществе. Показано, что «китайские амбиции в этом плане огромны, в том числе они выражены в пятилетнем плане, нацеленном на создание инновационной страны к 2020 году». В большинстве государственных инновационных стратегий основное внимание уделяется технологиям, способным конкурировать с за-

падными. Так, Китай намерен стать независимым от западных технологий к 2020 г. Кроме того, в планах Китая на будущее выбраны несколько стратегических секторов, которые являются движущей силой инноваций.

Авторы считают, что акцент на технологии игнорирует имеющийся, по их мнению, решающее значение аспект – инициативу снизу. В США роль государственного правительства в производстве инноваций относительно низка по сравнению с Китаем, а также по сравнению с ЕС или большинством его государств-членов. Тем не менее инновационная политика США существует, но акцентирует главным образом рыночные инновации. Однако современные условия, связанные с устойчивостью и подъёмом Китая, требуют от США и ЕС другой роли правительства, чем в прошлом. Инновационная политика ЕС и большинства его членов до сих пор была не очень успешна. В целом амбиции ЕС стать самым инновационным регионом мира не были достигнуты. Американский путь – это рыночные инновации, независимые от правительства. Путь в ЕС не понятен. Китайский путь – это путь кооперации бизнеса и правительства. Таким образом, авторы делают вывод, что инновационная политика и роль государства в ней на Западе с учётом подъёма Китая требуют обновления.

Политика США представляет собой расширение рынка на основе инноваций, ЕС движется в направлении нисходящего централизованного планирования, а Китай пытается привлечь человеческие ресурсы и отдельные организации. В результате все три модели находятся в состоянии становления. Государственная политика не может решить весь спектр проблем, связанных с внедрением инноваций и потребностями инновационной предпринимательской деятельности. Создание чего-то нового может быть сделано в зависимости от политики, независимо от политики или несмотря на политику.

От рассмотрения модели инноваций «сверху-вниз», власти государственных учреждений с их политикой авторы в четвёртой главе книги переходят к описанию взаимодействий «снизу-вверх», повествуя о «силе людей с их творчеством и концептуальными решениями для стимулирования инноваций».

В четвёртой главе Тако ван Сомерен и Шухуа ван Сомерен-Ванг фокусируются на теории стратегических инноваций, акцентируя их роль в мировом развитии. Авторы отмечают, что современные теории инноваций не способны объяснить грядущие изменения мирового порядка. Подъём Китая и, как следствие, трансформация мировой архитектуры требует нового подхода к инновациям от микро-, мезо- до макроуровня развития экономики.

Стратегическая теория рационализаторства предлагает новую перспективу, которая позволяет создать на основе государственно-частного партнёрства новые организации будущего. Теория стратегических инноваций игнорирует пропаганду сугубо инновационных технологий, предлагая открытые инновации, обмен знаниями, а также сотрудничество и сети в качестве решения для будущего. Приводятся альтернативные мнения, которые соответствуют новым мировым условиям. Так, китайские фирмы постоянно расширяют свою деятельность, выходя за рамки производства, на протяжении всей деятельности в цепочке создания стоимости – разрабатываются НИОКР и бренды.

В КНР был разработан Общий инновационный менеджмент (*Total Innovation Management TIM*) для повышения инновационной продукции. Однако *TIM* недостаточен для решения вопросов устойчивости и рыночных инноваций на некитайских рынках. Предприниматели нового типа способны создавать уникальные новые комбинации производственных факторов, приводящих к новым продуктам, услугам, организационным формам и бизнес-моделям. Инновации – это изменения и новые вещи, но история инноваций также предлагает константу, которая является общим определяющим фактором обновления. Детерминанты любого нововведения – это экономия масштаба, экономия сферы применения и экономия времени. Эта константа, или *modus operandi*, стратегических инноваций составляет «тройное Е» – инновационное предпринимательство (*innovative entrepreneurship*), производственные факторы (*production factors*), технические, нетехнические инновации (*technical, nontechnical innovation*), эмуляция (*emulation*). Принцип «тройного Е», инновационный контекст, преобразование стоимости образуют последовательную теорию.

Чтобы суметь описывать, понимать и предсказывать будущее корпоративное поведение участникам новой Кривой роста, необходимо вводить новые понятия и стратегические концепции. На основе теории стратегических инноваций в четвёртой главе вводятся новые понятия, соответствующие новому мировому порядку и волне роста, такие как динамическое преобразование стоимости вместо краткосрочной прибыли, мембранные инновации вместо открытых инноваций и симбиоз между частными и государственными организациями вместо разделения и промышленное управление вместо корпоративного управления.

Эти теоретико-методологические предпосылки необходимы для того, чтобы понять практические случаи, описанные в пятой главе, демонстрирующие различные подходы и решения для предприятий Запада и Китая. Так, в данной главе авторами применяется теория стратегических инноваций, обсуждается и оценивается ряд бизнес-кейсов из различных отраслей западных и китайских организаций. Эти случаи выявляют сильные и слабые стороны американских, европейских и китайских организаций. Они также показывают различное влияние культурно-институционального развития бизнеса отдельных организаций. Одним из наиболее ярких отличий является западный подход «снизу-вверх» по сравнению с восточным (китайским) – «сверху-вниз» для стимулирования инноваций. Оптимальным считается симбиоз между частным бизнесом и государством.

Кроме того, даётся понимание растущей зависимости западных фирм от рынка Китая. Для многих западных компаний складывается новая ситуация, когда доля китайских доходов от общемировых становится доминирующей. В сочетании с планами Китая на независимость от западных технологий к 2020 г. авторы считают это «опасной» тенденцией. В связи с этим они утверждают, что борьба за стратегические инновации требует рассмотрения многих аспектов, которые частично зависят от условий, контекста, содержания и креативности.

Шестая глава посвящена интеграции всех обсуждаемых вопросов, формирующих процесс эмуляции – эмуляции как вечной или инфинитивной инновации. В данной главе основанные на инновационной политике и рыночных инновациях, определены де-

сять сфер конкуренции стратегических инноваций, которые решат эмуляционную гонку между Китаем, США и ЕС. С помощью глобального индекса стратегических инноваций (GSII) сравнивается положение Китая, США и ЕС. Для всех участников существует огромный потенциал для неосвоенных улучшений и прогресса.

Делая общий вывод, к которому, полагаю, нужно прислушаться и всесторонней российской читательской аудитории, Тако ван Сомерен утверждает, что не существует готового решения для кого-либо, каждая организация в своём собственном контексте должна создать своё собственное индивидуальное решение. Это касается как частных, так и общественных организаций.

Таким образом, эта книга иллюстрирует, почему стратегические инновации имеют решающее значение для компаний и национальных правительств, которые хотят обеспечить лидирующую роль в будущем. Тем не менее, авторы отмечают, что важность знания того, как обращаться с различными культурами, недостаточно включена в сегодняшние бизнес-модели. Представленные в работе материалы и выводы актуальны и для российской экономики в условиях разворота на Восток и расширения взаимодействия с Китаем [1].

Список литературы

1. Тако ван Сомерен, Шухуа ван Сомерен-Ван. Создание новых бизнес-моделей для устойчивого роста и развития // *Пространственная Экономика* 2011. № 3. С. 40–55.
2. Taco C. R. van Someren, Shuhua van Someren-Wang. *Innovative China. Innovation Race Between East and West*, Springer Heidelberg. New York Dordrecht London: Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2013. 257 p.
3. Taco C. R. van Someren, Shuhua van Someren-Wang. *Green China : Sustainable Growth in East and West* Berlin, Germany: Springer-Verlag. Berlin Heidelberg, 2012, 226 p.
4. Taco C. R. van Someren, Shuhua van Someren-Wang. *New World Order and Strategic Innovation* (on article of Yong-Chool Ha, Beom-Shik Shin «The Development of Russian Far East and Eastern Siberia and the Future of Northeast Asia») // *Пространственная экономика*. 2013. № 3. С. 178–183.

УДК 130.2:323(510)

Сунь Янь,

заместитель декана факультета русского языка и восточных языков,
Хэйлунцзянский институт иностранных языков,

г. Харбин, КНР;

соискатель,

Забайкальский государственный университет,

г. Чита, Россия,

e-mail: sunyannushi@126.com

Локализация и интернационализация образования и его значение в культурных инновациях Китая

Главная цель статьи – изучить основные функции высшего образования в области культурных инноваций на основе анализа того, как китайское высшее образование национализирует, и интернационализирует, и создаёт вызовы (задачи) для культурных инноваций. Стартовой позицией является первоначальный вклад в понимание роли высшего образования в отношении инноваций (Форум ЮНЕСКО по высшему образованию, исследованиям и знаниям, 2009 г.). Исходя из этого, мы ставим перед собой задачи, которые могут быть кратко описаны следующим образом. Во-первых, в статье даётся простой анализ особенностей локализации высшего образования и его влияния на культурные инновации; между тем, автор выдвигает ряд предложений по реформе высшего образования для продвижения культурных инноваций. Во-вторых, автор продолжает подчёркивать важность интернационализации высшего образования и его значение в культурных инновациях. В-третьих, в статье излагается интернационализация коммуникации и сотрудничества китайского высшего образования. Наконец, сделан вывод о том, что локализация и интернационализация высшего образования имеют большое значение для реализации функции культурных инноваций, и поддерживают баланс между родной культурой Китая и международной культурой.

Ключевые слова: культурные инновации, локализация, интернационализация, китайское высшее образование

Sun Yan,

*Deputy Dean of the Faculty of Russian language and Oriental Languages
Heilongjiang International University,
Harbin, China;
Applicant,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: sunyannushi@126.com*

Localization and Internationalization of Education and its Role in Cultural Innovations in China

The chief aim of the paper is to study the major function of higher education in cultural innovation through an analysis of how China's higher education nationalizes and internationalizes and draws challenges for cultural innovation. The starting points are an original contribution to the understanding of the role of higher education in relation to innovation (UNESCO Forum on Higher Education, Research and Knowledge, 2009). On this basis we move ahead and the procedure we follow can be briefly described as follows: firstly, the paper makes a simple analysis about the characteristics of higher education localization and its influence on cultural innovation; meanwhile, the author puts forward several proposals for the reform of higher education in order to promote cultural innovation. Secondly, the author proceeds to emphasize the importance of higher education internationalization and its value in cultural innovation. Thirdly, the paper expounds internationalization communication and cooperation of Chinese higher education. At last, it is concluded that higher educational localization and internationalization are of great significance for realization of the function of cultural innovation keeping balance between Chinese native culture and international culture.

Key words: *cultural innovation, localization, internationalization, Chinese higher education*

Исследовательский Отчёт, предоставленный Форумом ЮНЕСКО в 2009 г., содержит основные данные о результатах исследования в области высшего образования, научной работы и инновационных систем с момента его основания в 2001 г. вплоть до завершения его деятельности в 2009. В отчёте указано, что в науке основной проблемой являются напряжённые отношения между теоретическими и прикладными исследованиями, и это, в свою очередь, напрямую связано с проблемой «мыслить глобально, а действовать локально». Это ставит вопрос о необходимости гибко

организованных систем исследования и прагматических подходов, которые продвигали бы как «Большую Науку», так и научные отрасли, непосредственно стоящие на службе общества (в самом широком смысле этого слова). Находясь в инновационном поле, наука должна заниматься исследованием факторов, позволяющих внедрять инновации, а наравне с этим исследовать инновации как объект научного изучения.

Благодаря важной роли, которую играют исследования и инновации в росте и устойчивом развитии, сегодня в Китае и других регионах мира происходят фундаментальные изменения в системах исследования, инноваций и высшего образования. Процессы этих изменений можно описать как переход от регулирования к отмене регулирования и росту конкуренции, от администрирования к менеджменту. Данные изменения оказывают сильное влияние на вовлечённые в эти процессы социальные институты, такие как институты высшего образования и научного исследования, и сегодня они пытаются завоевать автономию и право действовать самостоятельно. Но все эти изменения могут исчезнуть, если будут отсутствовать менеджеры и администраторы. В то время как во всём мире управленцы и исследователи подчёркивают роль университетов в национальных и региональных инновационных системах, взаимодействие между университетами и различными отраслями промышленности постепенно выходит за пределы национальных границ. Поэтому данная работа изучает глобальную взаимосвязь между инновационными системами, научными исследованиями и высшим образованием, а также пытается понять и изучить высшее образование, делая особый акцент на локализации и интернационализации.

Для того чтобы построить общество, ориентированное на инновации, важно развить инновационную культуру. По общему признанию, колледжи и университеты являются основным местом, где прививается культура в её высших проявлениях, а также происходит инновация знаний. Необходимо прикладывать большие усилия, чтобы укреплять внедрение культурной инновации через высшее образование, культивировать осознание инновации, поощрять дух инновации, сделать совершенным механизм инноваций и вдохнуть в инновации жизненную силу. Таким образом

можно породить культурную атмосферу для создания инновационной элиты, которая обеспечит мощную нравственную и интеллектуальную поддержку для построения инновационно-ориентированного общества.

1. Локализация высшего образования и культурная инновация

Под пристальным взглядом исследователей сферы образования популяризуется идея образовательной локализации. На самом деле в истории исследования китайского образования и развития о ней начали говорить ещё в 1940-х гг. Таким образом, до того, как приступили к практическим действиям по реализации локализации, была заложена идеологическая база для глубоких исследований. Многие поколения китайцев вынашивают идею сгенерировать культурную инновации путём слияния блестящей национальной идеологической культуры и иерархии знания с китайской реальностью. Они продвигаются вперед от принципа «китайский стиль – западный опыт», популярного в 1800-х гг., через взгляды Председателя Мао на «марксизм в китайском стиле» в 1940-х, к теории Президента Дэн Сяопина о социализме с китайскими особенностями.

Зарождение китайской локализации является вполне логичным процессом в нашей культуре. Она фокусируется на защите 5000-летней цивилизации и обеспечивает наличие истинно китайского культурного и идеологического качества. Таким образом, используя новые приемлемые методы развития, она сохраняет важнейшие ценности национальной культуры.

Входя в 21-й век, на Международной Конференции по Вопросам Образования, Менеджмента и Социальной Науки (ICEMSS 2013) правительства многих стран предложили новые стратегии для развития высшего образования. Эти стратегии необходимы для того, чтобы справиться с проблемой стремительного прогресса в науке и технологии, способствовать распространению знаний, а также усилить конкурентоспособность нации. Находясь в условиях международного финансового кризиса, все страны, независимо от уровня развития, должны были разработать пути внедрения инноваций и улучшения качества высшего образования. Ключевыми должны были стать меры по внедрению

инноваций в науке, технологии и образовании для ускоренного экономического возрождения и стабильного развития страны.

Сегодня Китай активно продвигает новые идеи в экономике, политике, культуре общества. Потребительская структура в последние годы отходит от моделей выживания, необходимых в недавнем прошлом, к моделям быстрого развития. И к образовательной системе стали применяться иные требования: упор делается на высоком качестве, диверсификации и долговременности. Таким образом, образование в Китае берёт на себя двойную задачу – многостороннего развития и улучшения качества, с проблемами и возможностями, характерными для обоих направлений.

Делая упор на новаторские таланты, локализация высшего образования и культурная инновация сейчас сталкиваются с новыми проблемами, касающимися концепций образования и научного исследования, а также практик преподавания.

Имея за плечами многолетний опыт преподавания, ориентированного только на успешную сдачу экзаменов, режим обучения персонала не может адаптироваться к требованиям формирующейся инновационной страны; способность воспитания высококвалифицированных специалистов и талантливых новаторов ослабляется, а система оценки и отбора талантливых людей оказывается нецелесообразной. Из-за недостатка талантливых лидеров целые группы преподавателей демонстрируют недостаточно хорошие результаты своей деятельности, и это негативно сказывается на качестве образования и воспитания новаторских талантов. Некоторые колледжи и университеты бессильны применить структурные методы образовательных курсов к промышленному развитию. Промышленность теряет мотивацию для участия в высшем образовании, и стандарт социальной поддержки высшего образования, так же как и способность высшего образования служить обществу, требует значительного улучшения. В результате поиск наиболее эффективных решений местных, национальных и региональных задач должен осуществляться в тандеме с происходящими трансформациями, которые включают в себя и те, что приводят к неизвестным и, возможно, негативным последствиям.

Китайское высшее образование проводит изучение методов улучшения качества как основной задачи реформации и развития.

Пристальное внимание уделяется стратегическим изменениям в развитии концепций, инновациям в режимах обучения и структурных реформ, а также достижению гарантированного качества.

Во-первых, в институтах высшего образования происходит апробация обучающих концепций, ориентированных на человека, и углубляется реформа методов воспитания персонала. В образовательных концепциях воспитание персонала стабильно рассматривается как центральная задача высшего образования, наравне с полномасштабной деятельностью образования, ориентированного на качество. Акцент делается на воспитание социальной ответственности студентов, развитие новаторского духа и способности к практической деятельности, но также подчёркивается необходимость образования в научном стиле, стремления к культурному совершенствованию и обучению на протяжении всей жизни.

Необходимо поощрять университеты принимать самостоятельные решения для проведения реформ, уделяя внимание сочетанию способности учиться и думать, знать и делать. Необходимо обучать студентов в соответствии с их способностями, активно продвигать новые методы и проводить открытые занятия, пробуждать самостоятельное мышление и осознание необходимости инноваций, культивировать способности студентов к обработке информации и приобретению новых знаний, анализу и решению проблем, кооперации и социальному взаимодействию. Необходимо расширять автономные права колледжей и университетов на исследование современных способов создания благоприятных условий для воспитания талантливых молодых людей.

Во-вторых, нужно структурировать научные системы оценки обучения персонала, чтобы наладить соответствие между реальными результатами образования и спросом нации на талантливую молодёжь. Чтобы ввести практику развития страны через науку и образование, усилив страну талантливыми специалистами и стратегией непрерывного развития, Китай предложил долгосрочную программу развития науки и технологии, талантливых кадров и образования. Чтобы удовлетворить спрос нации на экономическое и социальное развитие, следуя закону воспитания и образования талантливых людей, китайское правительство, общество и университеты берут на себя ответственность по обучению, использо-

ванию и поощрению талантов, совместно решая проблему несоответствия между спросом на обучение персонала и тем, что образование может предложить сейчас. Что касается колледжей и университетов, они должны улучшить воспитание кадров, с тем чтобы экономическое и социальное развитие и обучение персонала пришли в соответствие с современными требованиями к специалисту, нанимаемому на работу.

В-третьих, необходимо увеличить расходы правительства на формирование системы пожизненного обучения и развития персонала. В Конспекте Образовательных Программ указывается, что «к 2012 году финансирование образования вырастет на 4 % от ВВП. Мы продолжаем делать акцент на том, что государство несёт ответственность за выделение ассигнования на высшее образование; поощряем общество к развитию высшего образования и совершенствуем политику материальной поддержки учащихся университетов. Кроме того, мы продолжаем указывать на необходимость руководства региональным высшим образованием, особенно на поддержку высшего образования на Среднем Западе и национальных территориях. Руководствуясь идеей пожизненного образования, мы должны отыскать способы взаимодействия общего образования с профессиональным, школьным, общественным и семейным образованием».

2. Интернационализация высшего образования и культурная инновация

В течение десятилетия обсуждалась система образовательной теории при социализме с китайскими особенностями, а также проблемы исследования образовательной локализации. Глубокому осмыслению подвергалась реальность образования, опыт и предыдущие теории – всё это способствовало исследованию локализации образования, но этот традиционный способ мышления в начале 21-го века стал постепенно заменяться образовательной глобализацией.

Эволюция глобализации и общества, в котором важнейшую роль играют знания, привела к системным и институциональным изменениям в системах высшего образования. Появилась необходимость в том, чтобы университеты модернизировали характер деятельности и могли удовлетворить сложные общественные за-

просы и ожидания [8]. Надгосударственные институты, такие как ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), взяли на себя руководство политикой в отношении высшего образования, и это привело к большим системным и структурным изменениям в системе высшего образования и институтов [1]. Они включают изменения в системе менеджмента и управления [5], изменение роли государства – от почти полного контроля до дистанционного наблюдения [12], что в результате привело к усилению автономии институтов, равно как и к усилению ответственности [9], а также к конкуренции между институтами [2]. Большинство университетов во всём мире нуждаются в переменах и становятся более предприимчивыми [4], и этот дух предприимчивости привёл к тому, что университеты расширили масштабы своей деятельности, выйдя за национальные границы. По мере того как деятельность институтов высшего образования становится более развитой в рамках интернациональных (кооперация) и глобальных (конкуренция) [10], растёт и число проблем, с которыми сталкиваются эти вузы. Университеты, которые доминируют в системах своего национального образования, сейчас сражаются за то, чтобы улучшить качество своей академической деятельности, вынуждены изменить мышление и начать думать как их интернациональные коллеги. Университеты, которые ранее самостоятельно занимались менеджментом и администрированием, имеют преимущества в среде конкурентов. Это происходит благодаря тому, что они принадлежат к странам, которые установили доминирующие научные системы, имеют больше ресурсов или же приобрели международную репутацию и опыт, ранее осуществляя более обширную деятельность на международном уровне. Они создали свой собственный бренд, и это университеты, которые сегодня считаются по праву «университетами мирового класса» [11].

Гарвард, Йельский университет, Кембридж являются представителями «университетов мирового класса», какими жаждут быть большинство вузов во всём мире. Положение таких университетов на международной шкале узаконивается всемирным рейтинговым списком университетов, который главным образом оценивает рабочие характеристики вкупе с научно-исследовательской деятельностью. Тем не менее это подпитывает сопернический

энтузиазм среди университетов на глобальном уровне [4]. Говоря об этом, Альтбах утверждает, что «все хотят стать университетом мирового класса. Ни одна страна не желает оставаться в стороне». Он добавляет, однако: «Проблема в том, что никто не знает, что же такое на самом деле университет мирового класса...». Вероятно, это правда, что не существует единого мнения по поводу определённой и ясной идеи «Университета мирового класса», но очевидно, что все подразумевают модель исследовательского университета, когда речь заходит об «университете мирового класса». Большинство европейских и азиатских университетов сражаются за положение в международных ранговых списках университетов, нацеленных на исследовательскую деятельность [5], и подавляющее большинство этих вузов желают, чтобы их название или академическая деятельность ассоциировалась с университетом более высокого ранга [7].

Интернационализация высшего образования может способствовать усилению конкурентной способности страны. Инвестируя в знание и совершенствуя его, технически ориентированные прикладные исследования могут эффективно продвигать и поддерживать конкурентные преимущества страны, пока эти стратегии находятся в масштабах высшего образования. Следовательно, интернационализация высшего образования, конкурентная сила, экономика и развитие науки тесно взаимосвязаны между собой [3].

Образование, способствующее улучшению имиджа страны, можно считать своего рода её коммуникативной политикой. В то же время международное образовательное сотрудничество можно рассматривать как вид инвестирования в иностранную политику, что может улучшить международные отношения. Связь культуры, экономики, науки, технологии и образования может поддерживать культурную коммуникацию с другими странами. Интернационализация образования делает особо грандиозный вклад в культурную инновацию среди стран.

Интернационализация экономики и улучшение культурной коммуникации обеспечит потенциальный «ключ» к признанию страны и выживанию культуры. Культурная ассимиляция зачастую вызывает кризис в малых странах. Поэтому необходимо

улучшать и усиливать признание страны другими государствами через высшее образование и культурные инновации.

Что касается слияния мультикультурных, социокультурных факторов, они тесно связаны между собой и влияют на признание страны в мире. С точки зрения социокультуры, для стран, которые видят в интернационализации уважение к разнообразию и путь к взаимодействию и взаимному влиянию, защита и усиление собственной культуры становится сильной мотивацией. А признание культурных различий между странами считается основной причиной интернационализации системы национального образования [6].

Интернационализация высшего образования – это именно международное сотрудничество и связи между разными странами, включающее образование за рубежом, международный обмен студентами и преподавателями, изучение как мировой, так и региональной культуры, а также техническая поддержка. «Интернационализация образования» включает все виды деятельности в высшем образовании, содержание курсов, методики преподавания, способность использовать иностранные языки и понимать мультикультурные процессы, а также подразумевает степень интернационализации институтов высшего образования.

Что касается интернационализации высшего образования, Китай уделяет внимание двум аспектам. Один из них – обучение студентов за рубежом. С 1985 г. по сегодняшний день Китай остаётся страной, в которой самое большое число студентов проходят обучение за рубежом. В 1985 г. 53 378 китайских студентов обучались за рубежом. А сейчас эта цифра составляет 394 669 чел. Нетрудно заметить, что Китай уделяет большое внимание интернационализации высшего образования, особенно политике заграничного обучения. Чтобы повысить уровень интернационализации высшего образования, Китай использует также второй метод – сотрудничество китайских средних школ с зарубежными школами. Через такое сотрудничество заимствуются продвинутые модели обучения в школах; мы также можем учиться на примере их профессиональных курсов и модернизировать преподавание основных дисциплин. Это помогает усилить интернационализацию высшего образования в некоторых школах, районах и даже от-

дельных странах. Кроме того, международное сотрудничество в школах позволяет пользоваться иностранными инвестициями и таким образом восполнять недостаток финансирования образования, а также улучшать условия образования. Однако этого далеко недостаточно.

Принимая во внимание зарубежный опыт, автор считает, что интернационализация высшего образования в Китае должна развиваться в нескольких направлениях. Чтобы повысить качество образования в институтах высшего образования, китайское правительство должно поощрять интернационализацию высшего образования, создавая политики продвижения заграничных студентов, академические связи и сотрудничество с другими странами. Формы интернационализации включают: продвижение зарубежных студентов, академические связи и сотрудничество, а также совместное с зарубежными партнёрами управление институтами высшего образования. Применяя политику зарубежного образования студентов, государство организует фонды, позволяющие посылать преподавателей и администраторов на обучение за границей. Независимо от государственных инвестиций, другие страны предлагают преподавателям и студентам множество стипендий. Таким образом, число студентов, обучающихся за границей, неуклонно растёт. Студенты становятся одним из основных факторов в реформе высшего образования. Академические связи, сотрудничество и совместное управление институтами высшего образования являются основными путями для повышения качества высшего образования. Через академические связи и сотрудничество преподаватели в Китае могут получить возможность общаться с зарубежными экспертами и принимать участие в международных конференциях. Политика совместного управления высшим образованием позволяет зарубежным университетам образовывать в Китае свои филиалы.

Как историческое свидетельство китайских образовательных реформ и развития высшего образования, в июле 2010 г. в Китае был опубликован сборник долгосрочных программ образовательных реформ и планов развития на 2010–2020 гг. В конспекте отдельную главу занимает вопрос расширения возможностей обра-

зования за счёт открытости внешнему миру, что демонстрирует приверженность Китая зарубежным образовательным связям и сотрудничеству в области образования.

Различные формы активной коммуникации и сотрудничества в области интернационального образования открыли нам обширное пространство для развития высшего образования. Университеты с наивысшими возможностями для научного исследования стали ядром международных связей и сотрудничества в области образования.

Таким образом, локализация высшего образования и интернационализация имеют огромное значение для реализации функционирования культурной инновации и поддержания баланса между китайской национальной культурой и всемирной культурой. Чтобы построить инновационно ориентированную страну с локализацией и интернационализацией, китайское высшее образование может двигаться вперёд, улучшая качество и внедряя инновации в модели преподавания и структурные реформы, а также уделяя больше внимания научному исследованию образования через академическую деятельность, международные связи и сотрудничество.

Нами изучались важнейшие функции высшего образования в культурной инновации путём анализа того, как высшее образование Китая национализируется, интернационализируется и реагирует на проблемы культурной инновации. Отправной точкой послужил оригинальный вклад в понимание роли высшего образования в связи с инновацией (Форум ЮНЕСКО по Вопросам Высшего Образования, Научного Исследования и Знания, 2009). На основе его мы движемся вперёд, и процедура, которой мы следуем, может быть кратко описана следующим образом: во-первых, произведён простой анализ характеристик локализации высшего образования и её влияния на культурную инновацию; в то же время выдвинуто несколько предложений касательно реформы высшего образования, чтобы продвигать культурную инновацию. Во-вторых, подчёркнута важность интернационализации высшего образования и её значение в культурной инновации. В-третьих, развивается тема международных связей и сотрудничества в китайском высшем образовании. Наконец, делается вывод, что лока-

200

лизация и интернационализация высшего образования имеют чрезвычайное значение для реализации культурной инновации и поддержания баланса между китайской национальной культурой и мировой культурой.

Список литературы

1. Вайра М. Глобализация и организационные изменения в высшем образовании: основа для анализа // Высшее образование. 2004. № 48. С. 483–510. doi:10.1023/V:HIGH.0000046711.31908.e5.
2. Джонблуд Б. Об умных правилах и умных слияниях // Новые модели финансирования университетских исследований в Нидерландах: материалы 19-й Ежегодной конференции CHER, 7–9 сент. 2006. Кассель.
3. Джоунс Глен А. Три проблемы интернационализации высшего образования в Канаде // Материалы Фуданьского образовательного форума. Шанхай, 2010.
4. Дилл Д., Соо М. Академическое качество, таблица рейтингов и общественная политика: Кросс-национальный анализ системы ранжирования университетов // Высшее образование. 2005. № 49. С. 495–533. doi:10.1007/s10734-004-1746-8.
5. Дим Р., Брзони К. Дж. Менеджмент как Идеология: Случай «нового менеджереализма» в высшем образовании // Оксфордский обзор образования. 2005. № 31. С. 213–231. doi:10.1080/03054980500117827.
6. Дун Чень. Интернационализация высшего образования в Китае и пути её развития // Исследование высшего образования. 2011. Т. 1, № 1.
7. Маргинсон С., Савир Е. Передовые стратегии университетов в условиях глобализма: Сравнительное изучение Индонезийского университета и Австралийского национального университета // Высшее образование. 2006. № 52. С. 343–373. doi:10.1007/s10734-004-5591-6.
8. Мок К. Х., Уэлш А. Глобализация и реструктурирование образования в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Бейсингтон; Хэмпшир: Palgrave Macmillan, 2003.
9. Орта Х., Баккаро. МСРП. Прозрачность и проактивность: Попытки высшего образования снова завоевать доверие людей. Вирджиния: Центр философской документации, 2008.
10. Тайхлер У. (2004). Дебаты по вопросам интернационализации высшего образования // Высшее образование. 2004. № 48. С. 5–26. doi: 10.1023/V:HIGH.0000033771.69078.41.
11. Шетток М. Управление в успешных университетах. Open University Press, 2003.
12. Эмерал А., Магальянес А. (2001). О рынке, автономии и управлении – ещё раз о двуликом Янусе // Политика высшего образования. 2001. № 14. С. 7–20. doi:10.1016/S0952-8733(00)00028-3.

УДК 304.4+130.2

Анастасия Валиевна Халимова,
аспирант кафедры востоковедения
и регионоведения Северной Америки,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: talisman-rock@mail.ru

О преемственности традиционной культуры Китая в условиях рыночной экономики

В статье рассматривается взаимосвязь экономического роста Китая и его культурного развития. Предпринята попытка проанализировать причины преемственности традиционной китайской культуры. Гуманность как ключевая ценность конфуцианства сопоставляется с компонентами культурной системы.

Ключевые слова: традиционная культура Китая, культурное возрождение, конфуцианство, культурная система

Anastasia Valiyevna Khalimova,
Postgraduate at the Department
of Oriental studies and North America
regional studies,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: talisman-rock@mail.ru

On the Continuity of Traditional Chinese Culture in the Context of Market Economy

The article considers the correlation between China's economic growth and its cultural development. The author attempts to analyze the causes of continuity of traditional Chinese culture. Humanity as a key Confucian value is compared with the components of cultural system.

Key words: traditional Chinese culture, cultural revival, Confucianism, cultural system

Известно, что китайская цивилизация является одной из древнейших, а её культура вплоть до промышленной революции XVIII–XIX вв. занимала ведущее положение в мировой истории [8]. К середине XIX в. международный статус Китая был снижен

до частично колонизированной страны, уступившей часть своих территорий Западу и вынужденной выплачивать ему объёмную контрибуцию.

Национальному самосознанию китайского народа был нанесён серьёзный урон. Начиная с периода поражения Китая в Опиумных войнах представители китайской интеллигенции находились в поиске путей национального возрождения. Многие китайские и зарубежные учёные настаивали на том, что причины бедственного положения страны заключены в идеологии конфуцианства с его стабильным консерватизмом. Они придерживались позиции отказа от подобных традиций ради возрождения нации.

На протяжении многих десятилетий велась ожесточённая полемика между сторонниками и противниками конфуцианской идеологии. В конце прошлого столетия возобладало мнение о том, что китайская традиционная культура препятствует всесторонним реформам и модернизации страны. Примером тому является популярный в 80-е гг. документальный сериал «Речная Элегия» (河殤), в котором китайская цивилизация определялась как Жёлтая, а западная – как Голубая. Создатели фильма критиковали Жёлтую цивилизацию за её консерватизм и интровертность, позитивно оценивая Голубую за открытость и свободомыслие. Главный посыл фильма содержит мысль о необходимости трансформации китайской Жёлтой цивилизации в Голубую, что необратимо приведёт к модернизации страны [11].

С начала осуществления реформ (1979 г.) приоритетом для китайского государства являлось экономическое развитие, культурная трансформация не рассматривалась в качестве основных задач. С 1979 по 2018 гг. Китай поддерживал годовой рост ВВП, увеличив объём экономики более чем в 20 раз. Доля Китая в мировом ВВП (по ППС) выросла с 2,3 % в 1980 г. до 4,2 в 1990 г.; 7,5 в 2000 г.; 14,0 в 2010 г. и 17,1 % в 2015 г. Китай занял лидирующие позиции по этому показателю, опередив США. По ВВП, рассчитанному по валютному курсу, в настоящее время Китай уступает США, занимая 2-е место в мире. В контексте истории мировой экономики это по-настоящему исключительный факт. Несмотря на численность населения и исходную экономическую ситуацию, Китай поддерживал такой стремительный рост в течение долгого

периода времени. Более того, Китай продолжал динамично развиваться и в период глобального финансового и экономического кризиса 2008 г. Согласно многим исследованиям независимых учёных и международных организаций, китайская экономика сможет поддерживать динамичный рост в будущем и стать первой экономикой в мире к 2030 г. [9].

На фоне стремительного экономического развития и роста материального благополучия трансформируется и роль традиционной культуры, которую она играет в жизни современного китайского общества. Для актуализации традиционной китайской культуры в жизни общества в феврале 2017 г. Министерство культуры Китая публикует ряд руководящих документов в сфере культуры на период 13-й пятилетки, в которых определяется задача повышения качества культурной продукции, расширения охвата населения различными культурными мероприятиями, усиления ценностного аспекта китайских традиций [1]. Решая эти задачи, работники культуры разрабатывают и внедряют телевизионные культурные проекты. Так, популярные телепередачи «На кончике языка» («舌头上的中国»), «Ожившие письмена» («见字如面»), «Читатели» («朗读者») и другие не только получили широкий отклик населения, но и обсуждались на сессиях Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) и Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая (ВК НПКСК). В сообщениях агентства Синьхуа данные события названы «культурным возрождением Китая».

«Культурное возрождение» как понятие коррелирует с категорией «культура», которая в философской энциклопедии определяется как универсум искусственных объектов, созданных человеком в процессе освоения природы и обладающих структурными, функциональными и динамическими закономерностями [3]. Главная функция культуры заключается в компенсации «утраченной человеком способности генетически транслировать поведенческие программы новым, неизвестным природе способом наследования – передачей накапливаемого человечеством опыта из поколения в поколение и от популяции каждому индивиду» [2]. Таким образом, культуру можно рассматривать как некое целое материальных и идеальных объектов, созданных человеком и пе-

редающихся из поколения в поколение. Такое понимание культуры соотносится с данным К. Марксом определением человеческого общества, являющегося органическим целым базиса (экономической базы) и надстройки (суперструктуры) [6].

Существуют различные определения культуры в зависимости от направленности исследований. Связь культуры с элементами экономики прослеживается у многих теоретиков. Так, британский антрополог Б. Малиновский излагает научную теорию культуры, согласно которой культура объединяет в себе три компонента: артефакты, включая средства и способы производства; способы организации общества, включая его социальную, экономическую и политическую организацию; идеи, навыки, этические нормы и ценности [5]. Фактически эти три компонента также можно соотносить с концепцией К. Маркса об экономической базе и суперструктуре. Артефакты, включающие средства и способ производства, это экономическая база, а способы организации и духовная составляющая культуры – суперструктура.

В культурной системе, существующей без внешнего влияния, экономическая база и суперструктура формируют внутренне непротиворечивую целостность. К примеру, в первобытном обществе средствами производства являлись орудия из камня, способом производства была охота. Формой экономической и социальной организации являлась община, а нормы и ценности заключались в совместной собственности и коллективной ответственности. Разделение ответственности способствовало росту эффективности хозяйства общины за счёт увеличения масштабов производства (охоты). Совместное владение позволяло снизить связанные с выживанием риски из-за низкой производительности и нестойкости пищи при хранении. Это свидетельствует о том, что нормы и ценности, а также социальная организация первобытного общества соответствовали уровню его производства. Позднее охота сменилась земледелием, а на смену каменным орудиям пришли изделия из бронзы и меди. Социальная организация сменилась классовым обществом, нормы и ценности так же изменились и способствовали распространению частной собственности. Такие изменения были связаны со сменой производства. Земледелие предоставляло возможность прогнозировать урожай, пища была

пригодна для хранения, а установление частной собственности являлось своего рода стимулом для повышения индивидуальной производительности. Таким образом, при отсутствии внешних культурных влияний, в каждой культуре согласованно существуют артефакты, формы организации и нормы [10].

Понятие «культурное возрождение» по своему определению соотносится с такой культурой, которая когда-то являлась развитой, а затем претерпела некий упадок. Если связать такое понимание культурного возрождения с приведённой выше структурой культурной системы, то прогрессивность или отсталость тех или иных культур будет определяться различиями их артефактов (экономической базы). Примером здесь могут служить различные боевые средства и способы ведения войны, применяемые Китаем и Западом во время опиумных войн.

Преимущество культуры обеспечивается неизменностью её третьего компонента – ключевых ценностей. В китайской культуре сохранилась неизменной одна из ключевых ценностей, относящаяся к конфуцианскому наследию, которую весьма условно можно перевести как гуманность (仁, ren). Конфуций трактовал гуманность как любовь к другим людям. Фэн Юлань подчёркивает, что гуманность указывает на искреннее проявление человеческих чувств, на сострадание к людям [7]. Так, например, во время землетрясения в провинции Сычуань в августе 2017 г. многие китайцы оказывали материальную поддержку пострадавшим. Это и есть проявление конфуцианской гуманности.

Представляется, что возможность культурного возрождения Китая определяется взаимосвязью гуманности как ключевой ценности конфуцианства с другими компонентами культурной системы: артефактами, организацией общества и нормами.

Обратимся к артефактам, или экономической базе современного китайского общества. Для этой сферы характерно стремительное развитие, одним из ведущих факторов которого являются технологические инновации. Для того чтобы превратить технологический потенциал в фактический экономический рост, необходимо продолжение реформаторской деятельности, открытости, совершенствование образовательной системы, заимствование иностранных технологий наряду с постепенным развитием отече-

ственных китайских разработок. Следование такому курсу, по мнению учёного Линь Ифу, обеспечит долгосрочные перспективы развития. При этом конфуцианство способно поддерживать постоянно изменяющуюся экономическую базу, характеризующуюся инновациями и совершенствованием производства [10].

Социокультурная практика современного Китая доказывает, что китайская культура полностью совместима с системой рыночной экономики. Конфуцианский принцип гуманности обязывает правителя видеть то, что видит народ, и слышать то, что он слышит. Благодаря данному принципу, мнение народа имеет важное значение в процессе принятия политических решений. Следовательно, общество, сформированное под влиянием конфуцианских ценностей, способно эффективно адаптироваться к изменениям экономической базы.

История развития китайской философии свидетельствует о том, что конфуцианство как суперструктура способно адаптироваться и видоизменяться пропорционально изменениям в экономической базе, оставаться современным, при этом сохраняя ядро конфуцианской этики – гуманность. Конфуцианство не является препятствием экономическому развитию Китая. Данное предположение подтверждает опыт Южной Кореи, Сингапура, Гонконга и Тайваня, демонстрирующих высокие темпы экономического развития.

Вопросы культуры долгое время оставались без должного внимания из-за необходимости решать задачи социального развития. Однако по мере того как Китай становится более влиятельным в мире, китайская культура отвоевывает свои позиции [4]. Современная политика Китая направлена на углубление процесса культурного возрождения через систему образования. В учебные планы китайских школ вносятся изменения с целью приобщения учащихся всех ступеней к традиционной культуре.

Таким образом, культурное возрождение страны неразрывно связано с её экономическим развитием. Успехи Китая в экономике способствовали росту национального самосознания и «культурной уверенности». Элементы китайской культуры сохраняли преемственность в течение тысяч лет благодаря способности ключевой ценности конфуцианства адаптироваться к изменениям в об-

шестве. Конфуцианская «гуманность» способна сохранять своё основное значение и оставаться формирующим фактором внутренне непротиворечивой целостности культурной системы в процессе постоянной модернизации экономической базы и организации общества.

Список литературы

1. В фокусе внимания Китая. Культурное возрождение Китая вдохновляет участников «двух сессий» [Электронный ресурс] // China.org.cn. Режим доступа: http://www.russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-03/08/content_40428804.htm (дата обращения: 02.02.2018).
2. Каган М. С. О структуре современного антропологического знания // Очерки социальной антропологии. СПб.: Петрополис, 1995. С. 30–40.
3. Культура // Философская энциклопедия [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/581 (дата обращения: 05.02.2018).
4. Культурное возрождение Китая вдохновляет участников «двух сессий». режим доступа: <http://www.russian.people.com.cn/n3/2017/0308/c31516-9187544.html> (дата обращения: 02.02.2018).
5. Малиновский Б. Научная теория культуры / под ред., пер. с англ. И. В. Утехина; сост. и вступ. ст. А. К. Байбурина. 2-е изд., испр. М.: ОГИ, 2005. 184 с.
6. Маркс К. и Энгельс. Ф. Сочинения / под ред. А. И. Малыша. 2-е изд. М.: Гос. изд. полит. литературы, 1959. 771 с.
7. Фэн Юлань. Краткая история китайской философии / пер. с кит. Р. В. Котенко; под ред. Е. А. Торчинова. СПб.: Евразия, 1998. 376 с.
8. Elvin Mark. The Pattern of the Chinese Past. A Social and Economic Interpretation. Standford: Standford University Press, 1973. 344 p.
9. Here's How Fast China's Economy Is Catching Up to the U. S. [Электронный ресурс] // Bloomberg. Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/graphics/2016-us-vs-china-economy/> (дата обращения: 27.01.2018).
10. Lin Yifu. Demistifying the Chinese Economy // The Australian Economic Review. 2013. № 46. P. 259–268.
11. River Elegy [Электронный ресурс] // Wikipedia: The Free Encyclopedia. Режим доступа: https://www.en.wikipedia.org/wiki/River_Elegy (accessed date: 24.01.2018).

УДК 332.14 (510)

Чжан Цзяньжун,

канд. филол. наук,
ст. науч. сотрудник, зам.директора,
Центр исследований России и ЦА,
Шанхайская Академия общественных наук,
г. Шанхай, КНР,
e-mail: zjr@sass.org.cn

**Гонконг, Шанхай и Владивосток:
в поисках дополнительных инструментов привлечения
инвестиций на Дальний Восток России**

В статье рассматриваются некоторые факторы, влияющие на ситуацию развития Дальнего Востока России, в том числе на деятельность китайских инвесторов, даётся анализ возможностей совместного участия Гонконга и Шанхая в строительстве свободного порта Владивостока. При этом подчёркивается роль Гонконга как суперпосредника, который вместе с Шанхаем как финансовым центром может дать новый импульс для поднятия уровня развития дальневосточного района. Предполагаются меры для перенимания опыта Гонконга и Шанхая в строительстве Дальнего Востока.

Ключевые слова: роль Гонконга и Шанхая, китайско-российское сотрудничество, развитие Дальнего Востока

Zhang Jianzhong,

Senior researcher,
The Deputy Director of
Center for Russia & Central Asia studies,
Shanghai Academy of Social Sciences,
Shanghai, China,
e-mail: zjr@sass.org.cn

**Hong Kong, Shanghai and Vladivostok:
in Search of Additional Instruments
to Attract Investment to the far East of Russia**

The article discusses some of the factors that affect the situation of the development of the Russian Far East, including the activities of the Chinese investors, the analysis of possibilities of joint participation of the Hong Kong and Shanghai in the construction of free port of Vladivostok. At the same time, the role of Hong Kong as a super intermediary, which, together with Shanghai as a financial center,

can give a new impetus to raising the level of development of the far Eastern region, is emphasized. Measures are envisaged to adopt the experience of Hong Kong and Shanghai in the construction of the Far East.

Key words: *role of Hong Kong and Shanghai, China-Russian cooperation, development of the Far East*

За последние годы активное участие в развитии Дальнего Востока России принимает Китай, в частности его северо-восточный район, который добился существенного прогресса в аспекте торговой взаимосвязи и транспортного сообщения с приграничными районами России. На фоне сопряжения «Одного Пояса и Одного Пути» (ОПОП) построен экономический транспортный коридор Хуньчунь – Хасан – Раджи – Владивосток; перевооружён морской порт Зарубино как основной узел выхода в море для провинций Северо-Востока Китая, который соединяется с портом Пусан Южной Корея и портами Юго-Восточной Азии; ожидается состыковки железнодорожный мост над рекой Тунцзян между городом Цзямусы и селом Нижнеленинским; в следующем году построится Амурский мост, который имеет значение в истории развития китайско-российских отношений; готовится к совместному строительству международного сухопутного транспортного коридора Приморье-1 и Приморье-2, который откроет большой потенциал сотрудничества между Северо-восточным районом Китая и Дальневосточным районом России, создаст благоприятное условие для повышения транспортно-логистического уровня в этом регионе. Вместе с тем как важная составляющая часть развития Дальнего Востока – план РЖД по увеличению грузооборота и перевооружению Транссибирской железнодорожной магистрали не только увеличит пропускную способность через Евразийский трансконтинентальный мост, но и создаст условия для образования большого логистического хаба на Севере Китая, что будет способствовать модернизации на территории Дальнего Востока.

Несмотря на эти достижения и перспективы сотрудничества между приграничными районами Китая и России, объём инвестиций Китая на ТОРы Владивостока остаётся ограниченным и составляет 30 % от общего объёма иностранных вложений в ТОРы и свободный порт Владивосток. Это потребует от Китая и России

найти новый стимул к дальнейшему взаимодействию в развитии экономики и торговли двух стран, в частности в инвестициях.

1. Факторы, влияющие на инвестиции Китая в Дальний Восток России

После объявления Владивостока свободным портом на Дальнем Востоке наблюдается активная динамика взаимодействия России с её соседскими странами. Китай, Япония и Южная Корея проявляют большую заинтересованность и готовность к инвестициям на ТОРы, на которых создаётся горячая точка для привлечения инвесторов, а также усиливается конкуренция между этими странами в интересах Российского дальневосточного района.

Следует признать, что принимаемые Россией меры для поднятия Дальнего Востока вызывают большой интерес у его соседних стран, в определённой степени удовлетворяют стратегические нужды Японии и Южной Кореи. Россия сохраняет положительное отношение к привлечению инвестиций Японии на Дальний Восток. Его цель – дать импульс зарубежным инвестициям в Россию, разложить лагерь экономической санкции США против России и облегчить своё положение под давлением Запада. В свою очередь Япония усиливает дипломатическую деятельность в отношении России, помимо того, чтобы прорвать тупик давних неразрешённых территориальных вопросов; Япония обещает России вложить большие средства в Дальний Восток с целью постепенно снижать сильную зависимость России от китайской экономики, разложить российско-китайское стратегическое партнёрство в решении проблем Северо-восточной Азии.

В самом деле, ещё в сентябре 2016 г. в ходе второго Восточного экономического форума, состоявшегося во Владивостоке, лидеры Японии и Южной Кореи лично возглавили крупные делегации из своих правительственных чиновников и деловых предпринимателей на участие ВЭФ в угоду российскому правительству, это в определённой степени удовлетворило Россию.

Япония и Южная Корея прилагают общие усилия к расширению сотрудничества в развитии Дальнего Востока, чтобы добиваться своих геополитических, экономических и стратегических интересов. С политической точки зрения – в связи со спорами

между Китаем и Японией о принадлежности острова Дяоюйдао и других участков в акватории Южно-китайского моря, а также между Китаем и Южной Кореей в вопросе размещения ПРО «ТНААД», видимо, Япония и Южная Корея рассчитывают на содействие России к решению спорных вопросов, пытаясь ослабить китайско-российское взаимодействие в Северо-Восточной Азии, чтобы увеличить вес Японии и Южной Кореи в процессе противостояния с Китаем, тем самым ослабить китайское давление на Японию и Южную Корею. С экономической точки зрения – активное участие Японии и Южной Кореи в развитии Дальнего Востока России позволяет им легче получить базу поставок энергоносителей, угля, леса и других природных ресурсов, преобладать оптимальным географическим и стратегическим преимуществом в строительстве Северного арктического пути, повысить конкурентные шансы Японии и Южной Кореи в освоении Дальнего Востока с целью выиграть фишки для размена интересов с Россией.

Япония и Южная Корея готовы активно участвовать в инвестициях на ТОРы на Дальнем Востоке в формате двустороннего сотрудничества с Россией, действуя каждый по себе, что создаёт препятствие для трёхсторонней производственной кооперации и координации разделения труда в этом регионе.

В связи со сложившейся обстановкой в Северо-Восточной Азии объект Дальнего Востока стал привлекательной площадкой многосторонней конкуренции, где замечены и некоторые факторы, которые могут влиять на региональные межгосударственные отношения и процесс их сотрудничества в этом регионе. Во-первых, измерение российско-японских отношений, между ними пока существуют территориальные споры вокруг курильских островов, но обе стороны сохраняют активное экономическое сотрудничество, в частности в нефтегазовой промышленности, Япония привязана к Дальнему Востоку в геополитическом и стратегическом аспекте. Во-вторых, измерение российско-южнокорейских отношений, между двумя сторонами нет принципиальных противоречий, но Россия выступает за политический диалог в решении вопроса с ядерной программой Северной Кореи. Как военные союзники США в Восточной Азии Южная Корея и

Япония должны поступать в соответствии с позицией внешней политики США, которые привержены к сдерживанию интересов России, но вместе с тем Южная Корея старается сохранить самостоятельность в решении отношений между Севером и Югом. В-третьих, измерение российско-северокорейских отношений, отношения между двумя странами носят более прагматичный характер. Напряжённость в Северо-восточной Азии вокруг ядерной программы Северной Кореи подрывает климат развития Дальнего Востока. Несмотря на ряд воинственных действий КНДР в отношении США, Россия активно взаимодействует с Китаем, чтобы нейтрализовать эскалацию на корейском полуострове. Но в связи с закрытостью политического режима и непредсказуемостью самовольных поступков КНДР отношения между Россией и Северной Кореей, между Китаем и КНДР впадают в сложное и уязвимое положение из-за разногласия между двумя сторонами по корейской ядерной проблеме. Динамика вектора в этих международных отношениях оказывает влияние на обстановку Северо-Востока Азии, в том числе на развитие Дальнего Востока. Эти нюансы в выстраивании геополитических и геоэкономических отношений накладывают и на Китай в инвестициях на Дальний Восток.

Ныне для Китая главными его участниками в развитии Дальнего Востока в основном являются действующие на Северо-Востоке Китая частные предприятия и компании, которые по объёму своего производства, торговли и капитала уступают ведущим транснациональным корпорациям. В свою очередь Северо-Восточный район Китая нуждается в повышении общего уровня отраслевой промышленности, а также требуется увеличение объёма его инвестиций в Дальний Восток. В этой связи его влияние на развитие экономики России по-прежнему остаётся относительно ограниченным, он не в силах конкурировать с динамикой нарастания инвестиций японских и южнокорейских предприятий в Дальний Восток. По китайской официальной статистике, опубликованной Национальным статистическим бюро, государственным управлением валютного контроля и Министерством коммерции КНР, по состоянию на конец 2016 г. доля китайских накопительных инвестиций в Россию составляет 12 млрд 980 млн долл., что

составляет 1 % от общих объёмов накопительных прямых инвестиций Китая за рубежом. В 2016 г. объём китайских текущих инвестиций в России составляет 1 млрд 293 млн долл. при снижении на 56,3 % по сравнению с предыдущим периодом, что составляет 0,7 % от общих объёмов текущих инвестиций Китая за рубежом. Китайские инвестиции в России в основном распределяются в горнодобывающей промышленности, сельском хозяйстве, лесном хозяйстве, животноводстве, рыболовстве, производстве, оптовой и розничной торговле, лизинге и бизнес-услугах, финансовой промышленности, научных исследованиях и технологическом обслуживании [4].

Участие китайских государственных предприятий в развитии ТОРов остаётся ограниченным по сравнению с частными предприятиями из-за опасения России, что на китайские государственные предприятия введены некоторые инвестиционные ограничения в стратегические проекты. По этому вопросу 9 июня в интервью «Эхо Москвы» вице-премьер, полпред президента в Дальневосточном федеральном округе Юрий Трутнев во время встречи с вице-премьером Китая по экономике сказал: «Землю мы вам не дадим, полезные ископаемые можете добывать в случае, если будете перерабатывать на нашей территории. А вашу рабочую силу вы можете к нам завозить только в пропорции 20 на 80, если сами будете строить предприятия» [5]. С другой стороны, активность крупных частных предпринимателей приморских районов Китая снижена и их интерес к Дальнему Востоку ослаблен из-за отсутствия полного знания о деталях российской политики на Дальнем Востоке. Всё это создаёт недостаток для участия Китая в развитии Дальнего Востока по уровню его инвестиций, по масштабам его проектов, по влиянию на российскую дальневосточную экономику. Следовательно, в этом крупные китайские компании пока значительно уступают место японскому финансово-промышленному консорциуму на Дальнем Востоке.

2. Заинтересованность Гонконга и Шанхая в развитии Дальнего Востока России

Для повышения и расширения уровня и возможностей китайского участия в инвестициях Дальнего Востока с учётом изменения существующего среди российских чиновников впечатления о

низком уровне китайских инвестиций в России нам нужно выработать эффективный подход в соответствии с механизмом наиболее благоприятного сотрудничества в международной торговле и инвестициях; формировать планы общего действия для более целенаправленных инвестиций в регион Дальнего Востока, чтобы повысить конкурентоспособность участия в российском Дальнем Востоке; расширить масштабы инвестиций, найти свою нишу и занять долю на рынке Дальнего Востока в конкуренции с японскими и корейскими компаниями. В настоящее время два основных внутренних и внешних финансовых центра в Китае Шанхай и Гонконг переживают важный момент начала постиндустриального подъёма. С одной стороны, надо поддерживать своё высокое развитие и процветание; с другой стороны, необходимо найти новый рынок для инвестиций, искать и выбирать подходящий и более перспективный регион для своего освоения; российский Дальний Восток считается одним из предпочтительных мест.

В своём послании в 2017 г. бывший глава исполнительной власти специального административного района (САР) сказал, что в соответствии с принципом «Государству по потребностям, от Гонконга по способностям» возможности для Гонконга неограничены [2]. Для определения своей ниши в будущем экономическом развитии необходимо сделать Гонконг «суперпосредником»; в рамках концепции «одна страна, две системы» полностью проявить «двойное преимущество одной страны и двух систем», выполнять роль суперпосредника в отечественном и зарубежном направлениях.

Лян Чжэньин сказал: «Роль суперпосредника не ограничивается только финансовой, но и может быть расширена на сферу торговли, доставки, логистики, профессиональных услуг, а также науки и техники, культуры, образования, ИТ, дизайнов, что принесёт новые возможности для экономического развития Гонконга» [3].

Президент китайской палаты промышленников и предпринимателей в Гонконге Ли Сьюхэн отметил, что Гонконг не только привлекателен для развития экономики, культуры и талантов Запада и Востока, но и предприниматели Гонконга стараются развивать бизнес по многим странам и регионам вдоль «ОПОП». Умелое использование этого преимущества позволит добиться

больших успехов при малом усилии в стимулировании экономического развития страны и расширении культурных обменов с зарубежными странами [3].

Как выражается часть из круга деловых людей в Гонконге, в строительстве «ОПОП» Гонконг выполняет роль инвесторов и эксплуатационников в дополнение к финансовым и профессиональным услугам суперпосредника. Он также является лучшим партнёром страны для «выхода на международный рынок».

19 мая 2017 г. во время встречи с вице-премьером и полномочным представителем Дальневосточного федерального округа Ю. Трутневым в Гонконге Лян Чжэньин отметил, что Гонконг имеет тесные экономические и торговые отношения с Россией. В настоящее время Гонконг активно кооперируется с национальными партнёрами в реализации «ОПОП», Россия является государством вдоль «ОПОП», Гонконг сможет выступать «суперпосредником» в налаживании контактов для российских предпринимателей с кругом бизнеса на континентальном рынке, чтобы выиграть коммерческие шансы. Гонконг и Россия должны усилить экономическое и торговое сотрудничество, не пропуская огромные возможности в реализации проектов «ОПОП» [1].

Гонконг является свободным портом, где привлекаются части экономики, культуры и таланты из Востока и Запада. Отсюда Гонконгские предприниматели выходят на мировой рынок и продвигают свою коммерцию и производство на многие страны и регионы вдоль «ОПОП». Эффективное использование этого преимущества позволит ему занять важную роль в стимулировании экономического развития Китая и расширения иностранных культурных обменов, добиться больших успехов при малом усилии.

Гонконг активно участвует в строительстве «ОПОП», организовывая визиты разных делегаций в страны вдоль «ОПОП», кроме предоставления финансовых и профессиональных услуг в качестве суперпосредника он также выступает как инвестор и эксплуататор. Гонконг является лучшим партнёром в реализации проектов строительства «ОПОП».

В свою очередь Шанхай выступает как лидер экономического круга Дельты реки Янцзы, суммарный ВВП из 26 городов достиг 14 трлн 720 млрд юаней, что составляет 19,78 % от общего объёма

производства страны [6]. После создания ЗСТ в Шанхае шанхайские предприятия ускорили темп прямых инвестиций за рубеж, объём прямых накопительных инвестиций за рубежом с 10 млрд 300 млн долл. на конец 2011 г. увеличивался до 25 млрд 129 млн долл. на конец 2016 г., занимая первое место в стране. За счёт осуществляемых шанхайскими предприятиями зарубежных слияний и поглощений образуется новая картина китайских инвестиций за рубежом, которая характеризуется зарубежными слияниями и поглощениями крупных проектов. В 2016 г. был 161 зарубежный проект по слияниям и поглощениям, объём фактических инвестиций за рубежом составил 12 млрд 612 млн долл., занимает 54,8 % от общих.

Согласно «Общему плану развития города Шанхая (2016–2040 гг.)», составленному канцелярией руководящей группы по разработке, Шанхай будет стремиться упрочить лидерство в глобальной экономической функции на основе создания международного экономического, финансового, торгового и судоходного центров в 2020 г., стать ведущим городом, обслуживающим группу мировых городов на дельте реки Янцзы, по экономическому поясу реки Янцзы и развитию «Одного пояса и Одного пути», быть инновационным центром, имеющим глобальное влияние, а также обладать важным голосом в мировом распределении ресурсов среди международных центров.

3. Опыт Гонконга и Шанхая для развития Владивостока и предложения

Следовательно, необходимо использовать опыт и преимущества Шанхая и Гонконга в овладении капиталами и новой техникой для того, чтобы создать оптимальный режим и механизм международного сотрудничества в развитии Дальнего Востока, способствовать расширению сравнительных преимуществ по географии Китая и его влиянию в торговле с Россией, а также перенять опыт Гонконга и Шанхая в развитии китайской приморской зоны свободной торговли для совместного участия в строительстве Дальнего Востока России.

Во-первых, мобилизовать деловое сообщество в Гонконге для образования Гонконгского инвестиционного консорциума, или Шанхайско-гонконгской совместной инвестиционной корпорации

для совместного участия в развитии Дальнего Востока; перенять успешный опыт Гонконга по развитию городов Шэньчжэнь и Шанхай для развития и строительства портовой зоны свободной торговли и зоны промышленной переработки во Владивостоке. С одной стороны, это может повысить мощность инвестиций из Китая в пользу России. Благодаря участию Гонконга будут развеяны российские стратегические сомнения по поводу возможного доминирования китайских государственных предприятий в экономике на Дальнем Востоке. С другой стороны, это поможет сбалансировать соотношение сил между Китаем, Японией и Южной Кореей в конкуренции за Дальний Восток.

Во-вторых, создание зоны свободной торговли и зоны промышленной переработки в порту Владивостока потребует полностью учесть потребность России и особенности местных богатств и ресурсов, потенциальные преимущества коммерческого развития Северного морского пути с учётом стратегических целей и экономического потенциала углубления реформы и открытости в Северо-восточных провинциях Китая; сосредоточить преимущества Гонконга и Шанхая в области новейшей техники, торговли и строительства портов, чтобы создать хабы промышленного, рыбного, научно-технического хозяйств и торгового-логистического сотрудничества и в конечном итоге сформировать региональную промышленную интеграцию и многофункциональную сеть благоприятной логистической перевозки морского, сухопутного и авиатранспортного сообщения.

В-третьих, в связи с тем, что военно-промышленные предприятия на Дальнем Востоке России требуют актуального обновления своей высокотехнологичной электронной индустрии, разработки конкурентоспособной товарной продукции для выхода на европейский и российский рынок отрасли информационно-технической и электронной промышленности Гонконга и Шанхая, необходимо создать совместное предприятие в России для поддержки российских предприятий в осуществлении модернизации промышленности; вместе с тем, создать сборочный завод продукции гражданской электронной и высокотехнологичной электроники в зоне свободной торговли Владивостока для обеспечения бизнеса

по обработке и сборке привозимых изделий, для обеспечения профессиональной подготовки для местных жителей.

В-четвёртых, активно способствовать торговому сотрудничеству между предпринимателями Гонконга, Японии и Южной Кореи, содействовать совместному развитию между портами в целях создания логистической транспортной зоны в свободном порту Владивостока в формате сотрудничества «четвёрки», основывая южнокорейский порт Пусан, порт Иокогама Японии, Шанхайский порт Яншань и порт в Гонконге; повысить пропускную способность порта Владивосток как морского транзитного порта Евразийского межконтинентального сообщения.

В-пятых, в целях повышения привлекательности зоны свободной торговли порта Владивосток, обеспечения прямого сухопутного сообщения между Владивостоком и районом Северо-Востока Китая построить железнодорожную сеть с двойными стандартами рельсов от Хуньчуня Китая до Владивостока, поскольку формирование быстрой, удобной, беспрепятственной и эффективной транспортной сети является гарантом процесса экономической интеграции в регионе.

В-шестых, создать многосторонний механизм сотрудничества в формате России, Китая и Южной Кореи с целью совместного ориентирования на развитие Владивостока, при этом объединиться с другими предприятиями из Гонконга и Шанхая, а также привлечь передовую технологию и инвестиции со стороны Тайваня, Японии и США. Надо использовать потенциал промышленной базы в Северо-Восточном районе Китая в разработке проектов совместных инвестиций, расширяя масштаб китайского промышленного перехода к территории Дальнего Востока, чтобы поднять рост экономики на Дальнем Востоке и в его соседнем районе. Это позволит Владивостоку стать локомотивом в развитии региональной экономики и своего рода ведущим образцом, подобным Шанхаю и Шэньчжэню в начале реформы и открытости в Китае, а также превратиться в «стратегический узел» экономического сотрудничества в стимулировании диверсифицированного и многоуровневого сотрудничества в Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Для этого необходимо усилить координацию центральных и местных правительствен-

ных органов двух стран, сформировать единые правила торговли и инвестиций в приграничных районах двух стран на основе совместного создания свободной зоны экономического развития в рамках сопряжения ЭПШП и ЕАЭС.

В-седьмых, опираясь на опыт развития Гонконга, ТОРы на Дальнем Востоке России обязаны привлекать инвесторов не столько налоговыми льготами, сколько своими перспективными рынками и конкурентоспособностью, потому что мировой рынок уже становится более свободным и конкурентным. Для этого можно совместно создать пилотную международную экономическую зону между Россией, Китаем и Южной Кореей на ТОРах, на этой основе постепенно формировать зону свободной торговли с участием России, Китая, Южной Кореи и Японии, которая взаимодействует с ЗСТ между Китаем и Южной Кореей, а также с ЗСТ Восточной Азии, поскольку создание зоны свободной торговли между четырьмя сторонами – КНР, РФ, Японией и ЮК во Владивостоке – соответствует реалиям развития Дальнего Востока. Это не только соответствует общему плану и стратегии развития России на Дальнем Востоке, но и реализуется на практике развития Дальнего Востока в последние годы. В этом свободный порт Владивосток занимает ключевую позицию в развитии Дальнего Востока.

Список литературы

1. Встреча Лян Чжэньина с вице-премьером и полпредом президента в Дальневосточном федеральном округе Юрием Трутневым [Электронный ресурс] (人民网香港5月20日电。梁振英与俄副总理兼总统驻远东联邦区全权代表会面)。 Режим доступа: <http://www.hm.people.com.cn/n1/2016/0520/c42272-28366050.html> (дата обращения: 12.01.2018).

2. Лян Чжэньин. Возможности Гонконга в развитии страны безграничны [Электронный ресурс] (人民网香港1月18日电。梁振英：香港在国家发展中机遇无限)。 Режим доступа: <http://www.hm.people.com.cn/n1/2017/0118/c42272-29032841.html> (дата обращения: 12.01.2018).

3. От посреднической торговли до «суперпосредника» [Электронный ресурс] (新华社香港6月6日电。从转口贸易到“超级联系人”)。 Режим доступа: http://www.news.xinhuanet.com/mrdx/2017-06/07/c_136345934.htm (дата обращения: 12.01.2018).

4. Статистическое издание китайских прямых инвестиций за рубежом за 2016 г. с. 36–37 (2016年度中国海外直接投资统计公报)。

5. Трутнев Ю. Угрозы китайской экспансии на Дальнем Востоке нет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/news/1997126-echo.html> (дата обращения: 12.01.2018).

6. Чжу Линянь. Городская группа на дельте реки Янцзы: переход на новый этап трансформации в ожидании оттепели [Электронный ресурс] (经济视野网2月24日电。朱玲燕：长三角城市群：转型升级 整体回暖) Режим доступа: http://www.sohu.com/a/127122768_531786 (дата обращения: 12.01.2018).

УДК 911.37

Илья Георгиевич Чубаров,

канд. геогр. наук,

ст. науч. сотрудник,

Институт Дальнего Востока РАН,

г. Москва, Россия,

e-mail: ilya.chubarov@gmail.com

Тенденции развития урбанистических систем России и Китая в ходе экономических реформ¹

Статья посвящена рассмотрению динамики городского развития России и Китая на протяжении последних десятилетий. Использование нескольких пространственных масштабов для анализа (национального, регионального, городского) позволяет получить более точную картину. Особое внимание уделяется региону российско-китайского трансграничья (Дальний Восток и Байкальский регион РФ, Северо-Восток Китая), где непосредственно соприкасаются национальные урбанистические системы.

Ключевые слова: *Россия, Китай, урбанизация, Москва, Пекин, реформы, приграничное взаимодействие РФ-КНР*

---

¹ Исследование проведено в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке молодых ученых – кандидатов наук № МК-2007.2017.6.

Ilya Georgievich Chubarov,
*PhD in Human Geography,
Institute of Far Eastern Studies, RAS,
Moscow, Russia,
e-mail: ilya.chubarov@gmail.com*

Development of National Urban Systems in Russia and China Under the Economic Reforms

The article explores dynamics of urban development of Russia and China in recent decades. The use of multiple spatial scales of analysis (national, regional, city-centered) enables to obtain a more accurate picture. Special attention is given to the Russian-Chinese cross-border region (including Far East and the Baikal region of the Russian Federation, the North-East of China), where national urban systems are in direct contact.

Key words: *Russia, China, urbanization, Moscow, Beijing, reforms, cross-border cooperation*

Формирование национальных урбанистических систем, как и других элементов большого социума, делится на периоды в зависимости от доминирующего типа экономических отношений. В Китае города возникли ещё в древности, а история отдельных городских поселений насчитывает несколько тысячелетий [4]. Взаимодействие китайских городов между собой и с внешним миром по-разному регулировалось со стороны властей. В отдельные периоды (например, на рубеже первого и второго тысячелетий н. э.) китайские города были крупнейшими на планете, а их уровень развития далеко превосходил европейские или переднеазиатские. За последние три столетия можно выделить шесть разных форматов взаимодействия, от практически полной изоляции (XVIII в.) до полной открытости [3]. Однако, несмотря на наличие многих крупных городов, средний уровень урбанизации в Китае оставался низким. С начала XIX и до середины XX в., на фоне бурного увеличения численности населения, он практически не рос.

Российские города не имеют столь продолжительной истории и в среднем гораздо «младше» китайских. Однако, вслед за европейскими державами, Россия в конце XIX в. вступила в период быстрой экономической и социальной модернизации, благодаря чему в 1920–1950 гг. совершила мощный индустриальный и урба-

низационный скачок [5]. Динамика городских процессов замедлилась к началу 1980-х, а после начала экономических реформ фактически остановилась, перейдя в новое качество. Советский вариант модернизации оценивают как «незавершённый, переходный, двойственный», как «консервативную модернизацию», которой было присуще экстенсивное использование ресурсов, отставание роста городов от распространения городского уклада жизни [10]. Специалисты отмечают, что и постреформенная российская урбанизация плохо укладывается в классические схемы и теоретические модели [6]. В силу того, что уровень урбанизации последние два десятилетия фактически не меняется, увеличилось значение перераспределения населения между городами разной людности. В России, как и в Китае, новая модель урбанизации сочетает унаследованные черты планового периода с приобретёнными в результате рыночных реформ и интеграции в мировой рынок [22].

В результате к началу рыночных реформ в конце 1970-х гг. доля горожан в Китае примерно соответствовала СССР конца 1920-х гг (см. рис. 1). Быстрый рост доли горожан в населения Китая начался лишь в начале 1980-х гг., когда Россия уже фактически вышла на современный уровень урбанизации около 75 %. При сохранении нынешних темпов в двух странах Китай догонит Россию по уровню урбанизации к 2030 г.

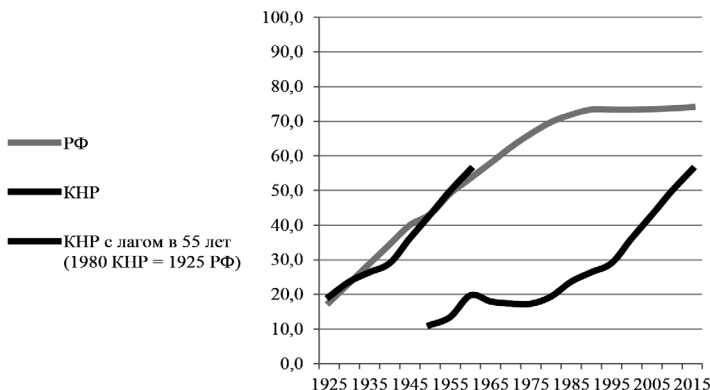

Рис. 1. Уровень урбанизации в РФ (до 1991 г. – РСФСР) и КНР (до 1949 г. – Китайской республике), 1925–2015 гг. [7; 14; 15]

Число горожан в Китае с 1978 по 2017 гг. выросло в 5 раз со 170 млн до 815 млн, а коэффициент урбанизации приближается к 60 %. Из сельской страны Китай превратился в городскую, а в среднесрочной перспективе планирует выйти на уровень урбанизации крупных развитых стран (более 70 %) [17]. Крупнейшие города Китая (Пекин, Шанхай, Гуанчжоу) последние десятилетия растут опережающими темпами и входят в число самых населённых городских агломераций мира.

Несмотря на начатые три-четыре десятилетия назад экономические реформы, обе страны до сих пор нельзя причислить к полностью рыночным экономикам. «Смешанный» характер экономического строя означает наличие унаследованных от предыдущего строя характеристик экономического уклада, таких как значительная роль государства и неразвитость прав собственности [13]. В России на государственные компании в разных формах приходится 50–70 % ВВП и половина активов всех банков, в бюджетном секторе заняты 33 млн, пенсию от государства получают 43 млн жителей [2; 16; 20]. В Китае доля государства оценивается ВВП в 35–60 %, оно полностью контролирует финансовую систему и ряд ключевых секторов экономики (транспорт, коммуникации, земля и др.) [21]. Другая общая черта – политическая традиция высокоцентрализованного государства и гиперболизированная роль столицы в общественной жизни нации. Наконец, Россию и Китай роднит их размер – обе относятся к категории «стран-гигантов», что является причиной ряда специфических закономерностей в пространственном развитии. Перечисленные характеристики накладывают свой отпечаток на траектории развития городских систем вообще и отдельных городских образований в частности.

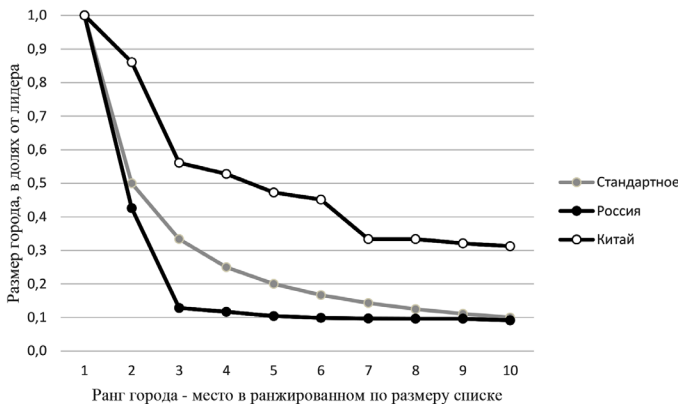
В России Москва в начале XX в. обогнала Санкт-Петербург, а затем и ушла вперёд на фактически недостижимую дистанцию. Распад СССР только усилил тенденцию на доминирование российской столицы в системе расселения и национальной экономике – соотношение между числом жителей Москвы и Петербурга изменилось от 1,9:1 в 1991 г. до 2,6:1 в 2017 г. [12]. Разрыв по размеру экономических возможностей, а именно величине валового регионального продукта (ВРП) и размеру городского бюджета, ещё больше – около 4–5 раз [1]. В Китае обратная ситуация – уже

более полутора столетий Пекин не является крупнейшим городом по численности населения и главным экономическим центром. Экономический центр страны Шанхай расположен в традиционно густозаселенном и экономически развитом регионе дельты реки Янцзы, а развитие международной транспортно-логистической инфраструктуры и курс на привлечение иностранных инвестиций сделали его привлекательным для мигрантов со всей страны. В результате Пекин отстаёт от Шанхая по числу жителей на 3 млн, а по ВРП на 200 млрд юаней (около 30 млрд долл. США). Однако Пекин постепенно сокращает отставание от Шанхая: если в 1995 г. соотношение их ВРП равнялось 1,7 : 1, то к 2005 г. оно сократилось до 1,3 : 1, а в 2017 г. разрыв составил всего 8 %. Тем не менее принципиальное отличие очевидно: в то время как Москва представляет собой абсолютно доминирующий в России в экономическом и демографическом плане центр, то Пекин по многим параметрам уступает Шанхаю, а по ряду показателей, например размеру городской агломерации, ещё и урбанизированному региону Южного Китая. На четыре города «первой линии» (Шанхай, Пекин, Шэньчжэнь и Гуанчжоу) приходится лишь восьмая часть ВВП Китая, в то время как на Москву и Санкт-Петербург около трети в РФ. В силу этого система расселения Китая выглядит более сбалансированной и устойчивой, чем российская, которая характеризуется доминированием одного центра.

Аналогичный вывод следует и из анализа сравнительной диаграммы «ранг-размер», на которой крупнейшие города каждой из стран сопоставлены со стандартным распределением Ципфа (население каждого города внутри системы стремится быть равным численности населения самого крупного города системы, делённой на порядковый номер данного города в ранжированном по численности населения ряду). Как видно из рис. 2, распределение российских городов характеризуется «провалом» после Санкт-Петербурга, что означает нехватку населения в следующих за ним по размеру городах-миллионниках и отсутствие сильного третьего-пятого городов в системе расселения. В советское время в сложившейся за два столетия единой системе расселения РИ (СССР) эти позиции занимали столицы союзных республик, однако после их выпадения российские региональные центры (Новосибирск,

Екатеринбург, Нижний Новгород, Казань) пока что не сумели полностью взять на себя соответствующие роли.

Городская система КНР, напротив, характеризуется более плотным, чем стандартное, распределением городов по числу жителей: город-лидер Шанхай имеет «дублера» почти аналогичного размера (Пекин), а на позицию «второго главного центра» претендует ещё четыре города (Чунцин, Гуанчжоу, Тяньцзинь, Шэньчжэнь). В китайском случае можно выделить влияние двух факторов. Во-первых, процесс до сих пор находится в динамике и далёк от окончания. Во-вторых, большое население усиливает самостоятельное значение полузамкнутых региональных городских систем. Действительно, правило ранг-размер достаточно хорошо соблюдается в отдельных фрагментах, таких как агломерационные регионы Пекин-Тяньцзинь-Хэбэ, дельты рек Янцзы и Чжуцзян (Жемчужная). При этом в рамках «урбанизации нового типа» китайское правительство проводит курс на ограничение численности населения крупнейших городов. К примеру, установлено ограничение числа жителей Пекина в 23 млн, а Шанхая в 25 млн. Примечательно, что по итогам 2017 г. оба города зафиксировали снижение постоянного населения на 15–20 тыс. чел. В перспективе это может повлиять на расстановку городов по численности и их распределение по правилу Ципфа.

Рис. 2. Распределение «ранг-размер» (диаграмма Ципфа) для 10 крупнейших городов России и Китая, 2015 г. [18]

Схожие тенденции наблюдаются в структуре городского населения. В Китае за годы реформ произошла концентрация населения в крупных и крупнейших городах, а доля жителей в городах меньше 500 тыс. чел упала с 66 % в 1985 г. до 43 % в 2015 г. В России в 2015 г. она составила 56 %, что также меньше 64 % в 1985 г. [23] При сравнении городских систем России и КНР необходимо учитывать различия в административно-территориальном делении. В Китае «городами» называют городские округа и городские уезды, территория которых на один-два порядка больше, чем территория собственно города, и включает в себя сельские и поселковые населенные пункты и их земли.

Особенно важно это в случае российско-китайского трансграничья, где искажённое представление о демографических и экономических пропорциях влияет на выработку политики на местном и региональном уровнях [19]. К примеру, это актуально для Амурской области, административный центр которой город Благовещенск находится напротив китайского городского уезда Хэйхэ. Незнание особенностей китайского административного устройства в общественном и медийном сознании трансформируется в тиражирование информации о том, что население Хэйхэ значительно, в разы больше Благовещенска, которая обычно подаётся в алармистском ключе [11]. Действительно, в первом «приближении» по официальным данным население Хэйхэ – 1628 тыс, а Благовещенск – 224 тыс. Однако для корректного сравнения численности населения необходимо учесть, что площадь Благовещенска 321 км², в то время как Хэйхэ административно управляет территорией в 68726 км², т. е. более чем в 200 раз больше (см. табл. 1) [8]. Даже непосредственно расположенный напротив Благовещенска «городской район» Айгунь (*Aihui*) занимает площадь 14446 км² (это крупнейшая по площади административно-территориальная единица этого типа в Китае [9]), что в 50 раз больше российского города, постоянное население района Айгунь – 197 тыс. В центральной, городской части Айгуня (в границах четырёх «уличных комитетов суммарной площадью 438 км², что сравнимо с Благовещенском) проживает около 110 тыс. жителей, т. е. в 2 раза меньше, чем на российском берегу (224 тыс. на конец 2016 г.). Вместе с прилегающей к центральной

части волостью Синфу площадь составит 617 км², а население 127 тыс. (для сравнения, Благовещенск с Благовещенским районом: площадь 3381 км², население 250 тыс. чел.).

Таблица 1

Административно-территориальное деление городского округа Хэйхэ [8; 9]

<i>Название</i>	<i>Административный статус</i>	<i>Площадь, км²</i>	<i>Постоянное население, тыс. жителей</i>
Хэйхэ	Городской округ	68726	1628
Айгунь (Айхуэй)	Городской район	14446	197
Хайлань, Хуаюань, Синган, Сисин	Уличные комитеты	438	110

Таким образом, переходный характер экономической системы по-разному сказался на урбанистических системах России и КНР. Китай последние три десятилетия находится в активной фазе урбанизации, которая помогла ему провести успешную рыночно-государственную индустриализацию и сформировать устойчивый внутренний рынок. Динамику урбанизации за этот период можно сравнить с РСФСР периода 1930–1950-х гг. (Китай прошёл барьер в 50 % в 2011 г., РСФСР в 1959 г.). Россия начала переход к рыночной системе в момент исчерпания демографического и урбанистического «дивиденда», что частично повлияло на их проведение. И в Китае, и в России в ходе реформ отчётливо выделилась тенденция роста крупнейших городов в ущерб малым и средним населённым пунктам, которая с трудом поддается корректировке госполитикой.

Список литературы

1. Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации в 1998–2015 гг. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики РФ. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vgr98-15.xlsx (дата обращения: 25.02.2018).

2. Государственное участие в российской экономике: госкомпании, закупки, приватизация // Бюллетень о развитии конкуренции / Аналитический центр при Правительстве РФ. 2016. № 13. 22 с.

3. Исторические предпосылки возникновения глобальных городов в Китае // Китай: политика, история, культура. К 85-летию Ю. М. Галеновича / отв. ред. Е. Н. Румянцев. М.: Синосфера, 2018. С. 216–229.
4. Кондрашова Л. И., Островский А. В. Урбанизация в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 2. С. 83–97.
5. Лаппо Г. М. География городов. М.: ВЛАДОС, 1997. 480 с.
6. Махрова А. Г., Кириллов П. Л. Российская урбанизация и жилье горожан [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2015. № 645–646. Режим доступа: <http://www.emoscope.ru/weekly/2015/0645/tema01.php> (дата обращения: 25.02.2018).
7. Население СССР. 1987: Стат. сборник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1988. 439 с.
8. Официальный сайт правительства городского округа Хэйхэ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.heyhe.gov.cn/html/zjhh/index.html> (дата обращения: 25.02.2018).
9. Официальный сайт правительства района Айгунь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aihui.gov.cn/html/index/alone/000100010002.html> (дата обращения: 25.02.2018).
10. Пивоваров Ю. Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 101–113.
11. Почему у русских не получается копировать китайцев. Ч. 3 [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 2018. 24 янв. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/26785/3819336/> (дата обращения: 25.02.2018).
12. Предварительная оценка численности постоянного населения России на 1 января 2018 года и в среднем за 2017 г. [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики РФ. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/PrPopul2018.xlsx (дата обращения: 25.02.2018).
13. Ратленд П. Сага о двух переходах к рыночной экономике // Полис. Политические исследования. 2009. № 3. С. 162–176.
14. Центральная база статистических данных / Федеральная служба государственной статистики, Москва. Режим доступа: <http://www.cbsd.gks.ru/> (дата обращения: 25.02.2018).
15. Чжунго тунци няньцзянь 2017 = Статистический ежегодник КНР – 2017 [Электронный ресурс] / ГСК КНР, Пекин. Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2017/indexch.htm> (дата обращения: 25.02.2018).
16. Численность пенсионеров и средний размер назначенных пенсий по видам пенсионного обеспечения и категориям пенсионеров по состоянию на 1 января 2016 г. [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики РФ. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/ugov/ugov_p2.htm (дата обращения: 25.02.2018).
17. Чубаров И. Г. «Урбанизация нового типа» – новый этап развития городской системы КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С. 23–30.

18. Чубаров И. Г. Россия и Китай: сравнительная динамика городского развития // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск – Хэйхэ, 22–23 мая 2017 г.). Вып. 7 / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. 734 с. С. 371–374.

19. Чубаров И. Г., Михайлова Е. В. Проблемы преодоления периферийности российско-китайского трансграничья // Россия в АТР. 2017. № 4. С. 88–105.

20. Эффективное управление государственной собственностью в 2018–2024 гг. и до 2035 г.: аналитический доклад / Центр стратегических разработок. М., 2018. 53 с.

21. Derek Scissors. China's SOE sector is bigger than some would have us think // American Enterprise Institute. East Asia Forum. 2016. 17.05.

22. Evgeniya Kolomak () The post-Soviet evolution of the Russian urban system, Area Development and Policy. 2017. 2:1. С. 24–39. DOI: 10.1080/23792949.2016.1278176.

23. United Nations. World Urbanization Prospects. 2014.

УДК 338.22.021.1

Юй Тао,

ведущий научный сотрудник,

Харбинский инженерный Университет,

г. Харбин, КНР;

стажёр,

Институт Дальнего Востока РАН (ИДВ РАН),

г. Москва, Россия,

e-mail: yuta0655@hrbeu.edu.cn

Сергей Леонидович Сазонов,

канд. экон. наук, ведущий науч. сотрудник,

Институт Дальнего Востока РАН (ИДВ РАН), г. Москва, Россия,

e-mail: sazonovch@mail.ru

Россия и Китай вместе осваивают «Шёлковый путь на льду»¹

В последние годы набирает обороты российско-китайское сотрудничество в области освоения Арктики. Причём два дружественных государства заинтересованы не только в расширении объёмов транзитных перевоз-

¹ Статья подготовлена в рамках научного проекта №16BMZ127, поддержанного национальным фондом социальных наук КНР, и в рамках проекта № HEUCFW171303, поддержанного центральным университетским фондом Харбинского инженерного университета.

ок по маршруту Азия–Европа, который вдвое короче пути через Суэцкий канал, но и в совместном освоении природных ресурсов Арктики, в первую очередь углеводородов. Россия, располагая самым большим в мире ледокольным флотом, заинтересована в привлечении китайских инвестиций и инновационных технологий, может обеспечить Китаю путь к природным ресурсам и Северному морскому пути, который наши северные соседи называют «шелковым путём на льду». Кроме того, Китай в рамках сотрудничества с РФ может расширить свою роль в Арктическом совете, развивая национальную арктическую политику.

Ключевые слова: *Россия, Китай, Арктический регион, сотрудничество, ледокольный флот, «Шёлковый путь на льду», морские суда, технологии, инвестиции, углеводороды, транзит*

Yu Tao,

*Leading researcher of Harbin engineering University,
Harbin, China;
probationer;*

*Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES
RAS), Moscow, Russia,
e-mail: xiaoxiao2016@yandex.ru*

Sergey Leonidovitch Sazonov,

*Candidate of economic sciences, leading researcher (IFES RAS),
Moscow, Russia,
e-mail: sazonovch@mail.ru*

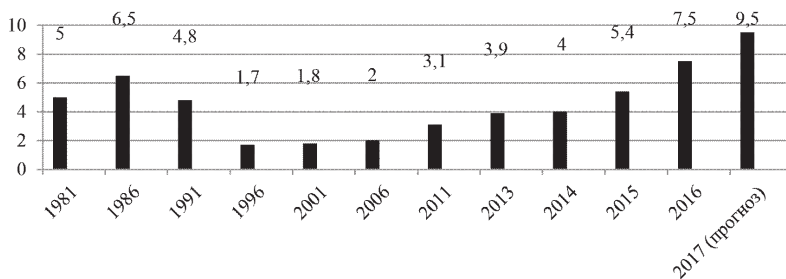
Russian-Chinese common development of the «Silk road on ice»

In recent years, Russian-Chinese cooperation in the development of the Arctic region has been gaining momentum. Moreover, the two friendly countries are interested not only in expanding the volume of transit traffic along the Asia–Europe route, which is half the length of the way through the Suez canal, but also in the joint development of the Arctic's natural resources, primarily hydrocarbons. Russia, possessing the world's largest icebreaking fleet, is interested in attracting Chinese investments and innovative technologies and can provide China with natural resources and the access to the Northern sea route, which our Northern neighbors call the «Silk road on ice». In addition, China, within the framework of cooperation with Russia, can expand its role in the Arctic Council, developing its national Arctic policy.

Key words: *Russia, China, the Arctic region, cooperation, fleet of icebreakers, “the silk road on ice”, marine vessels, technology, investment, oil, gas, transit.*

Сегодня в силу прошлой недооценки значимости для евразийского транзита российской транспортной сети приходится констатировать, что не только Транссиб и БАМ, но и СМП (Северный морской путь) по-прежнему так и остаются сугубо внутривосточными транспортными артериями. СМП обеспечивает в основном северный завоз, хотя транзит по Севморпути (7,6 тыс. морских миль) значительно короче, чем морской евразийский транзит через Суэцкий канал (15,7 тыс. миль) и вокруг Африки (18,3 тыс. миль), но более половины его маршрута – сплошные льды. В благоприятный для полярных перевозок 1987 год по СМП было перевезено 6,58 млн т грузов, затем объём перевозок по северному широтному ходу резко сократился в 1990-х и лишь сейчас он восстанавливается, достигнув 9,5 млн т в 2017 г. (причём лишь небольшую часть перевозки составляют транзитные грузы). Объёмы перевозок по СМП несопоставимы с объёмами транспортировки транзитных грузов через Суэцкий канал, через который в 2013 г. было пропущено 915 млн т транзитных грузов, в 2017 г. – более 1 млрд т.

Объёмы перевозок грузов по СМП в 1981–2017 гг. (млн т)¹

Китайские морские компании проявляют большой интерес к российскому Северному морскому пути (СМП), нежели к другому арктическому морскому пути – СЗП (Северо-Западный проход),

¹ Источник: Скорлыгина Н., Скоробогатько Д., Дзагуто В. Северный морской трест. Государство создаёт ещё один институт развития [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://news.rambler.ru/economics/36486082-severnyu-morskoy-trest/> (дата обращения: 30.01.2018); Веденева А. «Избыточный бюджет развращает». Глава Росморречфлота Виктор Олерский об угольной пыли и высоких широтах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3475590> (дата обращения: 24.12.2017).

пролегающему в канадских и американских водах. Причина в том, что для СЗП, имеющего ту же протяжённость, что и СМП, характерна более тяжёлая ледовая обстановка. Кроме того, по размеру ледокольного флота Канада уступает России в 16 раз, и поэтому канадский Северо-западный путь в обозримом будущем не станет конкурентом российскому СМП. Использование СМП позволяет судам сократить расстояние транспортировки на 40–50 % по сравнению с традиционными маршрутами перевозок грузов из китайских портов восточного побережья в порты Западной Европы, Северного и Балтийского морей.

Интерес к проводке караванов грузовых судов через СМП проявляют порты Даньдун, Инкоу, Циньхуандао, Тяньцзинь, Шанхай и, в особенности, порты северо-восточного Китая. При этом они отмечают значительные трудности, возникающие при проходе по СМП, связанные с недостаточностью количества современных судов арктического флота (как транспортных судов, так и мощных атомных ледоколов), неразвитостью российской береговой инфраструктуры и низким качеством логистики северных портов РФ. Будущее СМП зависит от решения двух задач: наличия грузов на маршруте и возможности круглогодичной ледокольной проводки в Восточной Арктике. Западная часть СМП, от устья Енисея до Мурманска, с более лёгкой ледовой обстановкой освоена ещё во времена СССР. Но Восточная Арктика проходима лишь несколько месяцев в году, летом и в начале осени; в остальное время для обеспечения навигации недостаточно имеющихся четырёх атомных ледоколов ФГУП «Атомфлот» (Федеральное государственное унитарное предприятие «Атомфлот») и менее мощных дизельных ледоколов «Росморпорта», а навигация по СМП длится всего 2–4 месяца, зависит от погоды и требует дорогостоящего ледокольного обеспечения. Кроме того, в мире нет крупных контейнеровозов с усиленным корпусом для работы в Арктике, отсутствуют попутные порты погрузки-выгрузки. Крупнейший в мире морской перевозчик *Maersk* в 2019 г. введёт в эксплуатацию 7 контейнеровозов ледового класса вместимостью 3,6 тыс. контейнеров для торговли с Россией (лишь один из них может использоваться на СМП). Основным драйвером грузопотоков по СМП пока считается сжиженный природный газ компании

НОВАТЭК, а также нефть и уголь других грузоперевозчиков. По базовому сценарию компании НОВАТЭК к 2020 г. грузопоток по СМП достигнет 25 млн т в год, а с учётом лицензионных обязательств и планов компаний – 40 млн т. В 2025 г. эти прогнозы составляют 37 млн и 67 млн т, в 2030 г. – 41 млн и 72 млн т соответственно.

По оценке руководства ФГУП «Атомфлот», с учётом планов операторов проектов до 2020 г. нужно 4 атомных ледокола (столько есть сейчас); в 2020–2023 гг. – 5, затем до 2026 г. – 6, а далее уже 8. Входящий в ОСК (Объединенная судостроительная корпорация) Балтийский завод уже строит для ФГУП 3 ледокола проекта ЛК-60, а их сдача планируется в 2019–2021 гг. Но ЛК-60 будут эксплуатироваться в Западной Арктике, восточный маршрут они могут проходить только в летне-осенний период. «Атомфлот» ставит вопрос о необходимости строительства сверхмощного ледокола «Лидер» для круглогодичной навигации по СМП, который мог бы проходить лёд толщиной 2 м при коммерчески эффективной скорости в 11–12 узлов. На сегодня не известны ни точная стоимость сверхмощных ледоколов «Лидер» (предварительные оценки – от 75 млрд р. за каждый), ни их возможное количество (теоретически может потребоваться до трёх судов), ни источники финансирования строительства, ни верфь, которая сможет выполнить заказ. В бюджете таких денег нет, и в июне 2017 г. заместитель главы правительства РФ Д. Рогозин поручил государственной корпорации «Росатом» (которая сегодня несёт исключительную ответственность за развитие Арктики проработать вопрос о привлечении частных средств для постройки ледокола «Лидер» (а их необходимо как минимум три). Однако ключевые инвесторы добывающих проектов (в том числе и НОВАТЭК) до сих пор не выражали желания вкладываться в «Лидер» или гарантировать грузовую базу. «Росатом» изучал возможность строить ледокол «Лидер» на заёмные средства, но без гарантий грузоотправителей проект может оказаться в сложной ситуации, а они не хотят тратить на ледоколы.

Китайские специалисты полагают, что нынешняя Россия не сможет самостоятельно создать нормальные условия для освоения СМП и отмечают, что заинтересованность РФ в поиске пар-

тнёров открывает новые возможности для КНР. Китай, сталкиваясь с трудностями при проведении морских судов по северному широтному ходу, заинтересован в изучении российского опыта судоходства в высоких широтах и развитии сотрудничества с РФ в освоении арктических путей СМП, которые в КНР называют «Холодным Ледовым Шёлковым путём» или «Шёлковым путём на льду». В январе 2018 г. пресс-канцелярия Госсовета КНР опубликовала «Белую книгу об арктической политике Китая», где отмечается, что КНР «надлежащим образом соблюдает Международный кодекс для судов, эксплуатирующихся в полярных водах, поддерживает активную роль Международной морской организации (ММО) в разработке правил судоходства в арктических водах и призывает активизировать международное сотрудничество по строительству и эксплуатации инфраструктурных объектов вдоль «Шёлкового пути на льду». КНР активно финансирует развитие северокорейского порта Раджин, расширяет к нему транспортный коридор от китайской границы, что даёт Китаю более короткий выход к Северному Ледовитому океану. В конце 2016 г. торговое судно *Yongsheng* китайской компании *COSCO Shipping* водоизмещением 19,5 т за 33 дня совершило первый проход протяжённостью около 2936 морских миль по СМП из порта Далянь (пров. Ляонин) через Берингов пролив в порт Роттердама. 11 сентября 2017 г. китайское торговое судно «Тяньцзянь», миновав Берингов пролив, вышло на трассу Северного морского пути, 19 сентября оказалось в водах Баренцева моря, а 24 сентября 2017 г. успешно прибыло в датский порт Эсбьерг, затем судно посетило российский г. Санкт-Петербург. Согласно расчётам транспортной компании *Cosco*, к которой приписано судно «Тяньцзянь», протяжённость в пути от порта Ляньюньган (пров. Цзянсу) до Эсбьерга составляет 6280 морских миль, что на 4779 морских миль меньше, чем по маршруту через Суэцкий канал. Таким образом, китайское судно сэкономило 15,3 дней и около 383 т топлива. Судно «Тяньцзянь» стало третьим китайским торговым судном, прибывшим в европейский порт через Северный морской путь с начала 2017 г. До этого грузовые суда «Пэнхуасун» и «Даань», прибывшие из Китая в Европу по Северному морскому пути, успешно выполнили все задачи в рамках своих походов через

Арктику. Китай обладает широкими возможностями для сотрудничества с Россией в транспортировке СПГ из Арктической зоны. Четыре государственных китайские верфи входят в число тринадцати верфей в мире, которые способны производить танкеры для перевозки СПГ, причём те модели, которые позволяют перевозить СПГ в условиях экстремально низких температур. Стоимость подобных танкеров в зависимости от размера составляет от 250 до 450 млн долл. До 2015 г. китайские верфи спустили на воду 10 танкеров, и в настоящее время их пакет заказов на изготовление новых танкеров вместимостью 174 тыс. м³ каждый составляет 14 ед. В 2016 г. японская корпорация *Kawasaki Heavy Industries Ltd* совместно с корпорацией *COSCO* организовала на верфях провинции Цзянсу производство танкеров для транспортировки СПГ и в 2018 г. намерена спустить на воду два современных супертанкера.

Развитие российского и китайского ледокольного и транспортного флотов, модернизация северных портов, обеспечение безопасности мореплавания по Северному морскому пути должны обеспечить полноценную эксплуатацию СМП с опорой на быстро развивающийся порт Сабетта. Это позволит обеспечить дальнейшую интеграцию арктических регионов Дальнего Востока РФ в экономическое пространство КНР и стран ЮВА (вывоз сжиженного природного газа (СПГ) из порта Сабетта). В 2015 г. были проведены российско-китайские переговоры о создании совместного российско-китайского пароходства, которое будет осваивать Северный морской путь и перевозить по нему коммерческие грузы. При этом восточный маршрут СМП – в Китай и страны Юго-Восточной Азии – считается премиальным для СПГ, а доставка грузов с Ямала в Японию составляет всего 16 дней, что в 2 раза быстрее, чем через Суэцкий канал. По оценке «Атомфлота», при круглогодичной загрузке восточной части СМП транспортные расходы при поставке СПГ в Японию (по сравнению с маршрутом через Суэц) будут на 30 долл. на 1 т ниже. Добавляет перспектив маршруту и намерение компании НОВАТЭК построить терминал для перегрузки сжиженного природного газа на Камчатке с возможным созданием там хаба для спотовых продаж СПГ в страны Юго-Восточной Азии. В 2017 г. китайская компания *China Poly Group Corp.* выразила желание инвестировать 300 млн долл. в раз-

витие мощностей российского порта Мурманск, который может стать базой для приёма и обслуживания китайских судов.

В 2017 г. драйверами роста объёмов перевозок через СМП стали крупные проекты «Ямал СПГ», Новопортовское месторождение и другие. Согласно прогнозам, в 2030 г. грузопоток в акватории СМП может превысить 80 млн т, однако давать оценки довольно сложно, поскольку большинство проектов в Арктике не имеют аналогов в силу уникальности региона, находящегося в зоне высокого риска. Можно строить прогнозы на базе мощностей новых предприятий; например, только «Ямал СПГ» ежегодно будет производить 16,5 млн т сжиженного природного газа (СПГ). В начале 2000-х гг. эксперты утверждали, что к 2015 г. объём перевозки грузов по СМП составит 10 млн т в год, а сегодня мы понимаем, что прогнозы для региона в 2030 г. являются чрезвычайно длинным горизонтом планирования. В ближайшей перспективе в структуре грузопотока по СМП будут доминировать углеводороды, грузы для строительства инфраструктуры, развития арктических территорий, повышения уровня жизни населения, обеспечения заявок Министерства обороны РФ. Развитие контейнерных перевозок становится делом далёкого будущего, поскольку сегодня в Арктике невозможно организовать полноценный линейный сервис из-за погодных ограничений. Следует понимать, что контейнерная линия не сможет работать стабильно в климате российского Севера – сложная ледовая обстановка делает сроки доставки непрогнозируемыми, а для большинства грузов в контейнерах низкие температуры неприемлемы. В итоге из-за высоких рисков страховщики зачастую отказываются работать с контейнерными перевозчиками в регионе, а грузовладельцы предпочитают более длинный, но более безопасный маршрут через Суэцкий канал. Следовательно, переключение части китайского морского евразийского транзита на СМП можно ожидать примерно через 10 лет, а сегодня с уверенностью можно рассматривать совместное российско-китайское освоение СМП в плане развития транспортировки углеводородов региона в КНР, страны Юго-Восточной Азии и Европы. Согласно расчётам Института полярных исследований КНР, объём внешнеторгового оборота Китая в 2030 г. может составить около 10 трлн долл. Поскольку более 90 % внешней

торговли страны обеспечивается морскими перевозками, то стоимость 5 % внешнеторговых грузов, перевезённых китайскими морскими компаниями по СМП в 2030 г., может составить около 500 млрд долл. Тесное российско-китайское взаимодействие в освоении СМП и растущие объёмы торговли КНР с европейскими странами могут кардинально изменить структуру и маршруты морских евроазиатских перевозок и, по мнению китайских экспертов в области логистических перевозок, увеличение доли СМП в мировых морских транзитных евразийских перевозках может обеспечить снижение себестоимости мирового морского фрахта в пределах 50–120 млрд долл. Большой интерес к совместному с Россией освоению углеводородных ресурсов в арктических районах РФ проявляют крупнейшая в КНР Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC) и компания *PetroChina*, занимающая 3-е место среди Top 50 крупнейших мировых нефтегазовых компаний (в 2015 г. стоимость активов *PetroChina* составляла 2,3 трлн юаней – 378,4 млрд долл.).

Сегодня Россия и Китай обладают уникальным потенциалом для развития двустороннего сотрудничества в области освоения и Арктического региона, а отношения стратегического партнёрства между двумя странами создают прочную основу для взаимодействия в Арктике. В настоящее время осуществляется ряд российско-китайских научно-исследовательских проектов по изучению Арктического региона. В частности, с 2012 г. проводится ежегодная российско-китайская конференция по сотрудничеству в Арктике; в 2015 г. ДВФУ (Дальневосточный федеральный университет) совместно с Шанхайским университетом транспорта основали Институт окраинных морей и арктических исследований; на базе ДВФУ с 2016 г. при участии китайских специалистов проводится «Ледовая школа»; с ноября 2016 г. ДВФУ, Санкт-Петербургский государственный университет, Шанхайский океанический и Шанхайский транспортный университеты издают совместный журнал по проблемам Арктики; идёт подготовка первой совместной российско-китайской экспедиции по Северному Ледовитому океану. *Подключение китайских научных центров и крупнейших государственных корпораций КНР к изучению, модернизации и совместному освоению СМП для транспортировки*

углеводородов в Китае, страны Европы и ЮВА будет способствовать повышению пропускной способности российского северного широтного пути.

Список литературы

1. Веденева А., Джумайло А., Барсуков Ю. Ледоколы заплутали в тумане. Перспективы новых проектов для освоения Арктики остаются под вопросом [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3443394> (дата обращения: 25.12.2017).
2. Вороненко А., Бай Цзяюй. Перспективы развития Российско-Китайского сотрудничества в Арктике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fp-expert.ru/ekspertnye-otsenki/432-html> (дата обращения: 21.11.2017).
3. Китай нацелен на строительство «Шёлкового пути на льду» в Арктике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russian.people.com.cn/n3/2018/0126/c31521-9420415.html> (дата обращения: 12.12.2017).
4. Китайское торговое судно «Тяньцзянь» успешно прибыло в Европу по Северному морскому пути [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russian.people.com.cn/n3/2017/0925/c31519-9273060.html> (дата обращения: 25.12.2017).
5. Ледоколы заплутали в тумане. Перспективы новых проектов для освоения Арктики остаются под вопросом [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3443394> (дата обращения: 25.10.2017).
6. Пурим Д. (руководитель и совладелец публичного акционерного общества (ПАО) «Совфрахт») «Арктика – зона высокого риска, утверждать что-то наверняка сложно» // Независимая газета. 2017. 20 окт.
7. Расширение порта Зарубино будет способствовать возрождению Севморпути [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.china.org.cn/business/txt/2016-10/13/content_33751106.htm (дата обращения: 25.12.2017).
8. Cheng Baozhi. Finding True North. China is poised to play a role in the evolution of the Arctic Council [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bjreview.com.cn/print/txt/2017-04/01/content_531132.htm (дата обращения: 25.12.2017).
9. China bank loans \$400m for LNG carrier project [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.en.ce.cn/Industries/Financial-services/201607/04/t20160704_3096803.shtml (дата обращения: 25.12.2017).
10. China seeks energy security by buying LNG from US, Russia: analyst [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201711/01/WS5a0d1566a31061a7384088f2.html>.

11. China, Russia to cooperate on marine high tech to serve Belt and Road Initiative [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-03/09/content_28487070.htm (дата обращения: 25.12.2017).

12. China's energy giant willing to cooperate in Arctic resources extraction [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.en.ce.cn/main/latest/201601/21/t20160121_4396935.shtml; CNPC eyes Arctic oil collaboration. Режим доступа: http://www.en.ce.cn/main/latest/201701/21/t20170121_4396290.shtml (дата обращения: 25.12.2017).

13. Growing China brings prosperity to Eurasia [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201712/27/WS5a42fb4ca31008cf16da3af3.html> (дата обращения: 25.12.2017).

14. Hu Weijia. Northern Sea Route offers opportunity for stronger Sino-Russian relationship [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.globaltimes.cn/content/1037596.shtml> (дата обращения: 25.12.2017).

15. Jing Shuiyu (Chinadaily.com.cn). China, Russia to expand cooperation in the Arctic [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-11/09/content_34323076.htm (дата обращения: 25.12.2017); Создание «Ледового Шелкового пути» имеет важное значение для Китая и России – посол КНР в РФ Ли Хуэй [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russian.people.com.cn/n3/2017/1115/c31519-9292785.html> (дата обращения: 25.12.2017).

16. Northeast Asian countries eye Arctic seaway [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.en.ce.cn/Industries/Transport/201609/11/t20150911_1468353.shtml (дата обращения: 25.12.2017).

17. Zhao Lei (China Daily). China to release its first guidebook on Arctic shipping shortcut [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.usa.chinadaily.com.cn/china/2017-06/20/content_17602556.htm (дата обращения: 25.12.2017).

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КНР
В ПРОЦЕССЕ ЕЁ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ
И ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Редактор Т. Р. Шевчук
Вёрстка Г. А. Зенковой

Подписано в печать 25.04.18.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Способ печати цифровой.
Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 12,3.
Заказ № 18048. Тираж 54 экз.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30